

КНУТЬ ГАМСУНЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ВЪ 12 ТОМАХЪ

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТИИ

К. БАЛЬМОНТА, Ю. БАЛТРУШАЙТИСА
и С. ПОЛЯКОВА.

Т. VI.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.
1909.

Я $\frac{123}{15}$

$\frac{801-15}{2546}$

КНУТЬ ГАМСУНЪ

У ВРАТЪ ЦАРСТВА.

ПЕР. О. КОМИССАРЖЕВСКАГО.

ДРАМА ЖИЗНИ

ПЕР. С. А. ПОЛЯКОВА.

ЗАКАТЪ

ПЕР. С. ГОРОДЕЦКАГО.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.
1909.

+

к $\frac{123}{15}$
я $\frac{123}{15}$
(7-15,
7-12)



2010387518

Государственная
библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

7630-91

У ВРАТЪ ЦАРСТВА,

ПЬЕСА ВЪ 4 ДѢЙСТВІЯХЪ.

ЛИЦА:

ИВАРЪ КАРЕНО, КАНДИДАТЪ ФИЛОСОФІИ.

ЭЛИНА КАРЕНО.

ИНГЕБОРГЪ, СЛУЖАНКА КАРЕНО.

ЭНДРЕ БОНДЕЗЕНЪ, ЖУРНАЛИСТЪ.

КАРСТЕНЪ ЕРВЕНЪ, ДОКТОРЪ ФИЛОСОФІИ.

НАТАЛІЯ ХОВИНДЪ, ЕГО НЕВЪСТА.

ПРОФЕССОРЪ ГИЛЛИНГЪ.

НАБИВАТЕЛЬ ПТИЧЬИХЪ ЧУЧЕЛЬ.

ГОРОДСКОЙ ФОГТЬ (СУДЕБНЫЙ ПРИСТАВЪ) И ДВА
СВИДѢТЕЛЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Садъ въ предмѣстьи. Сзади и направо—половина стараго окрашеннаго въ желтый цвѣтъ дома съ верандой, на которую ведетъ лѣстница въ нѣсколько ступеней. Налѣво отъ дома,—невидимый для зрителей выходъ на улицу. Трава, кусты и большія деревья. Дороги содержатся плохо. Налѣво, на переднемъ планѣ, подъ лиственнымъ деревомъ длинный столъ и скамья.

Съ улицы изрѣдка доносится шумъ колесъ проѣзжающаго экипажа. Послѣобѣденное время позднимъ лѣтомъ.

Элина Карено, 23 лѣтъ, съ высокой грудью, свѣтлыми волосами въ бѣломъ передникѣ съ нагрудникомъ и Ингеборгъ, молодая служанка, разбираютъ и складываютъ на столѣ бѣлье. Онѣ торопятся. На полу двѣ корзины для бѣлья, одна большая, другая поменьше.

Эл. Карено. Ну, Ингеборгъ, осталось всего нѣсколько платковъ и разная другая мелочь; съ этимъ я справлюсь сама. Иди по своему дѣлу. Да надѣнь платокъ.

Ингеборгъ. Хорошо. (Хочетъ итти).

Эл. Карено. Возьми съ собой корзину.

Ингеборгъ. Ахъ, я и забыла. (Беретъ большую корзину съ бѣльемъ и идетъ мимо веранды къ черной лѣстницѣ дома).

Эл. Карено. (Тихо напѣвая, продолжаетъ торопливо свою работу).

Ингеборгъ. (Сейчасъ же возвращается съ платкомъ на головѣ). А больше ничего?

Эл. Карено. Ничего. Номера дома я не знаю. Но ты сама увидишь его у окна; онъ потрошитъ птицу. Это всего пять минутъ отсюда. Попроси его притти какъ можно скорѣе. Я уже съ нимъ говорила, онъ знаетъ зачѣмъ.

Ингеборгъ. Хорошо. (Идетъ).

Эл. Карено. Скажи ему, самое позднее—завтра послѣ обѣда.

Ингеборгъ. (За сценой). Слушаю. (Слышно, какъ отворяется и захлопывается со стукомъ садовая калитка).

Эл. Карено. (Окончивъ работу, складываетъ бѣлье въ корзину, снимаетъ съ головы платокъ и кладетъ его на бѣлье). Ну, вотъ. (Слышенъ стукъ калитки).

Иваръ Карено, 29 лѣтъ съ темными волосами, безъ бороды, въ весеннемъ платьѣ, въ немного короткихъ брюкахъ и въ черной жесткой шляпѣ, приходитъ съ улицы съ нѣсколькими книжками подъ мышкой. Хочетъ подняться по лѣстницѣ, замѣчаетъ свою жену и идетъ къ ней.

Карено. (Улыбаясь). Моя маленькая крестьяночка, ты здѣсь?

Эл. Карено. (Ничего не отвѣчаетъ).

Карено. Сейчасъ я опять былъ у издателя. Сегодня онъ уже не сказалъ „нѣтъ“.

Эл. Карено. Значить онъ сказалъ „да“?

Карено. Не совсѣмъ. Нѣтъ, этого онъ не сказалъ. Онъ просилъ принести ему то, что готово изъ моей рукописи; обѣщалъ просмотрѣть. Сказалъ, что надѣется взять.

Эл. Карено. (Указываетъ молча на садъ).

Карено. Я вижу. И очень тебѣ благодаренъ. Это бѣлье мнѣ такъ мѣшало, когда я здѣсь работалъ. (Кладетъ

книги на столъ и садится). Со мной еще кое-что случилось. Я встрѣтилъ...

Эл. Карено. Какъ? Ты встрѣтилъ Ингеборгъ? Господи, ты, можетъ быть, ее спросилъ, куда она идетъ?

Карено. Ингеборгъ я не встрѣчалъ. Развѣ она ушла?

Эл. Карено. Какъ это тебя интересуетъ!

Карено. Интересуетъ?..

Эл. Карено. Да, по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ показалось. (Мѣняя тонъ). Ингеборгъ пошла по моему порученію.

Карено. Значить секретъ?

Эл. Карено. Твои разспросы, Иваръ, напрасны. Я все равно не скажу.

Карено. Не надо! Не надо!

Эл. Карено. Да, не надо, потому что это не твое дѣло. Не твое дѣло, до послѣ завтра. Это подарокъ ко дню твоего рожденія.

Карено. Хорошо, хорошо; вѣдь я сказалъ... Итакъ, сначала я встрѣтилъ Бондесена; ты знаешь, Эндре Бондесена?

Эл. Карено. Нѣтъ, совсѣмъ не знаю.

Карено. Какъ, ты не знаешь? Эндре Бондесена? Ты говоришь, не знаешь?—Что это вдругъ съ тобой?

Эл. Карено. (Не отвѣчаетъ).

Карено. (Наклоняется и смотритъ ей въ глаза).

Эл. Карено. Мы совсѣмъ не понимаемъ другъ друга, Иваръ. Я стояла здѣсь и ждала, что ты спросишь еще разъ о моемъ секретѣ, и я бы тебѣ кое-что рассказала. Самую чуточку. Это было бы такъ весело. Н нѣтъ! (Качаетъ головой). И такъ всегда, и всегда.

Карено. (Смѣется). Послушай, Элина, ты, право, сегодня какая-то странная. Ты мнѣ сказала, что это секретъ, я отвѣтилъ,—хорошо, пусть будетъ секретомъ. А черезъ минуту ты говоришь...

Эл. Карено. Мы полдня возились, чтобы убрать бѣлье; оно убрано, а ты возвращаешься домой и не говоришь ни слова.

Карено. (Схватываетъ книги со стола). Ну, начинается!

Эл. Карено. Нѣтъ, не начинается, ничего не начинается. (Обходитъ столъ и обнимаетъ его). Ты вѣдь знаешь, Иваръ, я не бываю въ духѣ.—Я всегда такая.

Карено. Да, да. (Пауза).

Эл. Карено. Ну, не будемъ больше говорить объ этомъ. Хорошо? И поработали же мы! Я думаю, не прошло и часа, какъ ты ушелъ, а мы все успѣли сдѣлать. (Стряхиваетъ пыль съ его плеча). Кажется, тебѣ скоро придется сдѣлать себѣ новое пальто. Вѣдь, это служить тебѣ съ самой нашей свадьбы. Подумай, три года! Какъ ты думаешь?

Карено. (молчить).

Эл. Карено. Какъ ты думаешь?

Карено. Ахъ, нѣтъ...

Эл. Карено. Нѣтъ? Что нѣтъ?

Карено. О чемъ ты говорила? Я задумался совсѣмъ о другомъ. (Обнимаетъ Элину). Что ты говорила, Элина?

Эл. Карено. (Отодвигается отъ стола). Ничего.

Карено. (Встаетъ). Клянусь тебѣ, Элина, я не слыхалъ, что ты сказала. Иначе...

Эл. Карено. Нѣтъ, все это не то. Впрочемъ, все равно... Можетъ быть, Иваръ, я опять не права, я всегда...

Карено. Да, не права...

Эл. Карено. Я совсѣмъ не такъ много разговариваю съ тобой, чтобы ты могъ не слушать, когда я что-нибудь говорю.

Карено. Да, Элина, я долженъ былъ быть внимательнѣе, но...

Эл. Карено. Я больше совсѣмъ не буду съ тобой говорить. Ты думаешь только о себѣ. Если ты не въ би-

бліотекѣ, куда ходишь за книгами, то сидишь и пишешь. Я вижу тебя, но не слышу отъ тебя ни одного слова. Если ты идешь гулять, то меня съ собой не берешь, идешь одинъ. А когда возвращаешься, опять садишься за писаніе.

Карено. Я лучше всего думаю, когда я одинъ, Элина.

Эл. Карено. Я понимаю, но мнѣ отъ этого не веселѣе.

Карено. Это временно, право, только временно. Потерпи немного, и ты не раскаешься. (Отъ души). Какъ это мило, что ты убрала все это бѣлье. Оно такъ напоминало мнѣ снѣгъ, и я не могъ заниматься. Ты—милая, Элина.

Эл. Карено. (Подходитъ къ столу). Да? Ты находишь?

Карено. Да, да, ты такая милая. (Садится). Ну, теперь слушай. Я встрѣтилъ Бондезена.

Эл. Карено. Я его не знаю.

Карено. Ахъ, да, ты его не знаешь. Ну, это газетный человекъ, журналистъ. Кромѣ того, онъ еще измѣнилъ своей партіи, но это къ дѣлу не относится. Онъ знаетъ все,—все, что говорятъ, что дѣлаютъ. Опять всѣ возстали на меня.

Эл. Карено. Возстали на тебя?

Карено. За мою нѣмецкую статью.

Эл. Карено. Тебѣ это сказалъ Эндрезенъ?

Карено. Бондезенъ. Нѣтъ, такъ прямо онъ мнѣ этого не сказалъ, онъ только намекнулъ. Я спросилъ его, есть ли надежда, что на этотъ разъ меня встрѣтятъ не негодованіемъ и бранными словами; онъ отвѣтилъ, что не надѣется. „И вы не должны этого ожидать“, сказалъ онъ.

Эл. Карено. Онъ сказалъ, что ты не долженъ былъ этого ждать?

Карено. Да, потому что, по его словамъ, я посягнулъ на одно изъ самыхъ громкихъ ученыхъ именъ.

Эл. Карено. Чье же это имя?

Карено. Профессора Гиллинга.

Эл. Карено. Господи, как же ты мог и его затронуть.

Карено. Ты не должна так говорить, Элина. Я касаюсь неба и земли, почему же я не должен касаться профессора Гиллинга? Я касаюсь всего, что стоит на моем пути.

Эл. Карено. Да, да; я это сказала так, просто.

Карено. Да, я знаю, ты моя верная опора. Но в настоящее время я не могу как слѣдует отблагодарить тебя. Пока ты со мной, они не смогут меня погубить.

Эл. Карено. (Протягивает руку через столъ, снимаетъ съ него шляпу и гладит его волосы).

Карено. Потомъ я спустился въ библиотечку. Написалъ записку и получилъ книги. Вдругъ Аммануэнсисъ мнѣ говоритъ: „Тутъ приходили и спрашивали вашъ адресъ“. Я спрашиваю — „Кто?“ А онъ отвѣчаетъ — „Профессоръ Гиллингъ“. (Смотритъ на нее).

Эл. Карено. Ахъ!

Карено. Да, невѣроятно! Теперь они всѣ волнуются.

Эл. Карено. Мнѣ страшно не за тебя, Иваръ.

Карено. За меня тебѣ нечего бояться. Нѣтъ человѣка, который бы могъ меня погубить.

Эл. Карено. Но если всѣ на тебя набросятся!

Карено. Теперь какъ разъ наоборотъ. Это я на всѣхъ бросаюсь.

Эл. Карено. Но вѣдь это одно и то же!

Карено. Нѣтъ. Погубить меня могутъ только долги. (Встаетъ и безпокойно ходитъ взадъ и впередъ по дорожкѣ). Если я не получу скоро аванса, то они каждую минуту будутъ имѣть возможность притти и все описать. Они снимутъ крышу съ нашего дома.

Эл. Карено. Вещей, которыя оставлены намъ отцомъ и матерью, они не возьмутъ.

Карено. Надѣюсь, до этого не дойдетъ.

Эл. Карено. А если и дойдетъ?

Карено. Если они придутъ, то возьмутъ, вѣроятно, все, что найдутъ.

Эл. Карено. Это мы посмотримъ! Ты думаешь, и подсвѣчники?

Карено. Вѣдь они серебряные, Элина. Ихъ они возьмутъ прежде всего.

Эл. Карено. Ну это мы посмотримъ!

Карено. Но милая, какъ же ты этому помѣшаешь?

Эл. Карено. (Мѣняя тонъ). Да, ты правъ; какъ этому помѣшать... Я хотѣла сказать, какъ ты думаешь, зачѣмъ спрашивалъ твой адресъ профессоръ Гиллингъ?

Карено. Не знаю. Мнѣ это все равно. Можетъ быть, онъ мнѣ пришлетъ маленькое любовное письмо. Они обыкновенно всегда такъ начинаютъ свои атаки. (Остнавливается). Одно я могу тебѣ сказать, Элина: не спроста сидитъ Гиллингъ въ библиотекѣ, читаетъ мое сочиненіе, дѣлаетъ свои замѣтки, а потомъ спрашиваетъ мой адресъ.

Эл. Карено. Правда? И я тоже думала.

Карено. Въ этомъ ты можешь быть увѣрена. Потому что профессору Гиллингу совсѣмъ не нужны свѣдѣнія обо мнѣ, о такой одинокой птицѣ, какъ я.

Эл. Карено. О такой одинокой птицѣ? О такомъ одинокомъ орлѣ, какъ ты.

Карено. (Смѣясь). Ну, положимъ, не совсѣмъ орелъ. Но...

Эл. Карено. Но ты же не голубь.

Карено. (Молчитъ).

Эл. Карено. И не воронъ.

Карено. (Молчитъ).

Эл. Карено. И коршуномъ тебя нельзя назвать. А?
Карено. Я не понимаю, зачѣмъ ты перечисляешь всѣхъ этихъ птицъ.
Эл. Карено. Ты опять думаешь, что я сказала глупость. Но ты не правъ.
Карено. (Надѣваетъ шляпу). Ну, для этихъ разговоровъ у меня нѣтъ времени. Надо итти работать. Я хочу сегодня прежде, чѣмъ отдать рукопись, написать еще одну главу. Тогда начну послѣднюю четверть... Да, тебѣ кланяется Ервенъ. Онъ сказалъ, что придетъ сегодня вечеромъ къ намъ.
Эл. Карено. Да?
Карено. И приведетъ Бондесена. Я просилъ его, чтобы онъ привелъ свою невѣсту. Наконецъ-то мы ее увидимъ.
Эл. Карено. Эндрезенъ? Это тотъ, который измѣнилъ своей партіи?
Карено. Бондесенъ. Да, говорятъ. Я его мало знаю; встрѣчалъ два-три раза вмѣстѣ съ Ервеномъ. (Встаетъ).
Эл. Карено. Когда ты думаешь получить письмо, Иваръ?
Карено. Какое письмо?
Эл. Карено. Письмо отъ профессора.
Карено. Но, милая... Я даже не увѣренъ, что онъ мнѣ напишетъ.
Эл. Карено. Можетъ быть, онъ придетъ самъ?
Карено. Нѣтъ, Элина.
Эл. Карено. (Робко). Развѣ это не можетъ быть?
Карено. Нѣтъ, нѣтъ. Это не можетъ быть. Съ какой стати профессоръ Гиллингъ придетъ сюда?
Эл. Карено. Можетъ быть, онъ живетъ даже не на этой улицѣ.
Карено. Нѣтъ, онъ живетъ здѣсь, выше. (Пожимаетъ плечами). Пусть себѣ живетъ тамъ, гдѣ хочетъ. Я

долженъ работать. (Идетъ задумчиво по саду, потомъ возвращается). А если я не получу аванса, сколько времени мы сможемъ просуществовать. Есть ли у насъ запасъ провизіи?
Эл. Карено. (Беретъ маленькую корзину и хочетъ итти за мужемъ). На нѣкоторое время хватитъ. (Опять ставитъ корзину на землю).
Карено. Да, а есть ли у насъ?.. (Полный надеждъ). Видишь ли, Элина, опредѣленнаго обѣщанія онъ мнѣ не далъ, онъ только сказалъ: „Принесите рукопись“, но сказалъ это такимъ увѣреннымъ, обѣщающимъ тономъ. Онъ не отказалъ. Завтра я пойду къ нему съ рукописью.
Эл. Карено. Конечно, походи.
Карено. Во всякомъ случаѣ, если я постараюсь, намъ не придется ждать цѣлую вѣчность нашего спасенія. Въ тотъ день, когда я кончу свою книгу, у насъ будутъ деньги. Это ясно. Вопросъ только времени. Ахъ, эта опись имущества!
Эл. Карено. (Что-то шепчетъ).
Карено. Что?
Эл. Карено. Ахъ, ничего! Я не знаю, надо ли это говорить.
Карено. Если ты хочешь убѣдить меня обратиться къ твоимъ родителямъ, то лучше не дѣлай этого.
Эл. Карено. Мнѣ кажется, они самые намъ близкіе; къ нимъ-то можно обратиться.
Карено. Я тебѣ уже тысячу разъ говорилъ. Они не помогутъ мнѣ безкорыстно, они станутъ меня уговаривать, но я не уступлю имъ. Они богатые, богобоязненные крестьяне, и меня они не понимаютъ. Я не хочу этимъ сказать ничего дурного; они хорошіе люди, они молятся за меня. Я никогда еще ничего подобнаго не видѣлъ; они молятся, чтобъ мнѣ жилось

лучше, чтобы я сталъ со временемъ профессоромъ. Отвѣчать на это я ничѣмъ не могу. Я не смѣю надъ ними, Элина, я просто знаю, что не могу пожертвовать для нихъ ни однимъ своимъ словомъ.

Эл. Карено. Но ты могъ бы поручить мнѣ поговорить съ родителями. Тебя и не должно все это касаться.

Карено. (Изумленно, ласково). Элина, ты такая добрая. Господи, какая ты добрая. Но я увѣренъ, что ты и сама не знаешь, чему этимъ меня подвергаешь. Вѣдь каждый разъ, когда ты возвращалась отъ своихъ родителей, ты должна была мнѣ говорить: „Закрой глаза, Иваръ. Я принесла изъ дому подарки“.

Эл. Карено. (Молчить).

Карено. (Беретъ ее за руку, смотритъ на нее. Они начинаютъ медленно ходить взадъ и впередъ).

Эл. Карено. Я въ первый разъ слышу, чтобы нуждающийся отказывался отъ помощи.

Карено. (Отпускаетъ ее руку, убѣдительно). Никто не долженъ меня поработить, никто, Элина. Я не позволю ни сооблазнить себя, ни купить. Во мнѣ течетъ кровь маленькаго упрямаго народа; я не изъ здѣшной страны, мой предокъ былъ финнъ, меня зовутъ Иваръ Карено. (Небольшая пауза).

Эл. Карено. А опись имущества?

Карено. Да, эта опись! (Вздрагиваетъ; калитка открывается и захлопывается). Что это?

Ингеборгъ. (Входитъ поспѣшно).

Карено. (Облегченно). Ахъ, это Ингеборгъ!

Эл. Карено. (Бросаетъ на него недоувѣрчивый взглядъ). Да, Ингеборгъ! Только я не понимаю, почему надо этому радоваться.

Карено. Радоваться?... Нѣтъ... я боялся, что это пришли тѣ, другіе... Милая Ингеборгъ, вѣдь ты не опишешь

насъ, правда? Не снимешь крыши съ нашего дома? Дай Богъ тебѣ счастья. Я совсѣмъ развеселился.

Ингеборгъ. (Удивленно). Я ходила по порученію барыни. Карено. Можешь себѣ представить, эта маленькая радость очень хорошо на меня подѣйствовала. Я долженъ тебѣ сказать, Элина, что, въ сущности, намъ нечего жаловаться. Нужно быть философомъ; не надо слишкомъ твердо сидѣть на одномъ мѣстѣ, и въ жизни не должно быть всегда слишкомъ хорошо. Надо быть иногда въ затруднительномъ положеніи, для того, чтобы искать исхода. Пусть выгоняютъ насъ на улицу.

Эл. Карено. (Молчить).

Карено. Кромѣ того, вѣдь это вопросъ времени; раньше или позже, но намъ будетъ лучше. Слава Богу, я еще несмотря на все, могу работать. Я имъ это докажу. (Уходитъ).

Ингеборгъ, (которая все время хотѣла что то сказать). Да, онъ придетъ.

Эл. Карено. Тсс!

Карено. (Оборачивается). Кто придетъ?

Эл. Карено. Ахъ, къ тебѣ никто!

Карено. Да, ко мнѣ никто! (Уходитъ въ домъ черезъ дверь на верандѣ).

Эл. Карено. Онъ придетъ?

Ингеборгъ. Онъ сказалъ, что придетъ завтра.

Эл. Карено. Хорошо.

Ингеборгъ. (Хочетъ итти).

Эл. Карено. А корзинки взять съ собой ты не можешь? Ты ничего не видишь. Богъ знаетъ, куда ты все время смотришь.

Ингеборгъ. (Не понимая, смотреть на нее, беретъ корзинку и идетъ чернымъ ходомъ въ домъ).

Эл. Карено. (Кричитъ ей вслѣдъ). Баринъ ничего не долженъ знать о томъ, гдѣ ты была. Поняла?

Карено. (Возвращается съ книгами, бумагой и письменными принадлежностями). Гдѣ Ингеборгъ?

Эл. Карено. Тебѣ ея недостаетъ?

Карено. Я только хотѣлъ попросить ее заправить къ вечеру лампу. Я замѣтилъ, что она пуста.

Эл. Карено. А мнѣ ты такихъ важныхъ вещей не доверяешь?

Карено. Милая, хорошая, если ты хочешь сама, то это, конечно, еще лучше. По крайней мѣрѣ, мои бумаги не будутъ разбросаны.

Эл. Карено. Очень странно, что ты всегда и прежде всего спрашиваешь объ Ингеборгъ. Когда меня нѣтъ, ты, навѣрное, обо мнѣ никогда не спрашиваешь.

Карено. Что? Я не спрашиваю? (Смѣется). Ты думаешь, это можетъ быть?

Эл. Карено. Мнѣ такъ кажется.

Карено. Но ты никуда не уходишь. Ты или въ комнатѣ, или въ кухнѣ, а тамъ я всегда могу тебя найти. Сидя возлѣ тебя, я знаю, гдѣ ты, знаю, что ты всегда со мной.

Эл. Карено. Ты не долженъ быть въ этомъ слишкомъ увѣренъ,

Карено. Что ты говоришь? Я не долженъ быть увѣренъ въ томъ, что ты всегда со мной?

Эл. Карено. (Мѣняя тонъ, принужденно смѣясь). Ты не долженъ быть слишкомъ увѣренъ въ томъ, что всегда знаешь, гдѣ я.

Карено. (Смѣется). Ахъ, вотъ что. Ты хочешь перемѣнить жизнь? Перестать быть домохозяйкой? Хочешь бывать въ обществѣ?

Эл. Карено. (Молчитъ).

Карено. (Раскладывая свои бумаги на столѣ). Вотъ ты о чемъ думаешь, Элина. А я думаю о своей работѣ. (Горячо). О, сегодня я напишу великолѣпную главу. (За-

куриваетъ трубку и беретъ перо. Слышно, какъ открывается калитка).

Карено. Ахъ, Элина, посмотри, кто это.

Эл. Карено. Чужой господинъ. (Профессоръ Гиллингъ, 60 лѣтъ, сѣдой, въ большой сѣрой войлочной шляпѣ, съ толстой тростью и пенснэ на шнуркѣ, входитъ медленно въ садъ. Останавливается и смотритъ на дверь на верандѣ, но замѣтивъ Карено и его жену, подходитъ къ столу).

Карено. (Встаетъ). Профессоръ...

Эл. Карено. (Тихо). Кто это, Иваръ?

Карено. (Не отвѣчаетъ).

Эл. Карено. Кто это? Ты не слышишь? Ахъ, ты невозможенъ!

Профессоръ. (Кланяется). Добрый день, милѣйшій Карено. Простите, что я такъ къ вамъ. (Кланяется его женѣ, которая отходитъ къ двери и оттуда слушаетъ ихъ разговоръ). Безъ церемоній. (Протягиваетъ ему руку). Я тоже живу здѣсь недалеко. Проходилъ мимо и захотѣлось къ вамъ зайти.

Карено. (Снявъ шляпу). Можетъ быть, господинъ профессоръ пожелаетъ войти въ домъ?

Профессоръ. О, нѣтъ, благодарю, зачѣмъ? Позвольте мнѣ присѣсть здѣсь; у меня всего нѣсколько минутъ свободнаго времени. (Садится на скамейку, все время держитъ палку подъ мышкой, осматривается). У васъ садъ, г-нъ Карено? Вы здѣсь работаете?

Карено. Да, иногда.

Профессоръ. Вы, конечно, очень много работаете; теперь вы уже не такой краснощекій, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Я васъ хорошо помню, когда вы посѣщали мои лекціи.

Карено. Я и до сихъ поръ хожу на ваши лекціи. Такъ часто, какъ только могу.

Профессоръ. Да, правда? А я съ большимъ интересомъ слѣжу за вашей работой. Вѣдь вы отчасти мой ученикъ. У меня есть два ученика, за которыми я слѣжу съ интересомъ, — это вы и Ервень. Вѣдь вы знаете Ервена?

Карено. Да. Я его очень хорошо знаю.

Профессоръ. За послѣднее время вы, несомнѣнно, имѣли на него вліяніе. На немъ замѣтенъ, то есть, замѣчался до настоящаго времени, налетъ вашей смѣлости, хотя онъ и далекъ отъ широты вашего умственного кругозора. Однако, несмотря на это, его докторская диссертация очень добросовѣстный трудъ.

Карено. Я ее еще не читалъ.

Профессоръ. Она будетъ теперь напечатана. Факультетъ, разумѣется, сразу же ее принялъ. Въ этой работѣ есть чувство мѣры, она написана спокойно. Его едва можно узнать. Настоящій переворотъ.

Карено. Переворотъ?

Профессоръ. Да, мнѣ кажется, это можно такъ назвать. Полный переворотъ въ сравненіи съ прошлымъ. (Смѣется). Вѣдь Ервень былъ не изъ благоразумныхъ. Теперь онъ, кажется, одумался. О, Ервень этимъ чего-нибудь достигнетъ: черезъ нѣскольмо дней онъ будетъ докторомъ, а потомъ стипендіатомъ. И вамъ, Карено, не мѣшало бы подумать о стипендіи. Почему же вы не сядете? (Подвигается на скамейкѣ). Здѣсь мѣста хватитъ и на двоихъ.

Карено. (Кланяется, садится на край стола, и кладетъ шляпу рядомъ съ собой).

Профессоръ. Я читалъ ваше послѣднее сочиненіе. И долженъ сознаться, что очень цѣню вашъ талантъ. Я показалъ сегодня вашу работу профессору Ваалю и сказалъ: „Со временемъ онъ будетъ нашимъ коллегой“.

Карено. (Дѣлаетъ движеніе.)

Профессоръ. Да, вы этого достойны; ваши способности должны быть оцѣнены. Я, конечно, не солидаренъ съ вами во многихъ вашихъ нападкахъ на Стюарта Милля и (смѣется) на меня. Вы, кажется, немножко насъ не поняли. Это случается.

Карено. Я занимался этой работой въ свободные часы. Она не должна считаться законченной.

Профессоръ. Я это понимаю. (Осматривается). Въ самомъ дѣлѣ, у васъ здѣсь хорошо и уютно. Что это тамъ? (Показываетъ.) Тамъ на деревѣ? (Встаетъ и идетъ туда).

Карено. Это остатки ракетъ. Сожженный фейерверкъ. Осталось отъ прежняго жильца. Послѣ него все это такъ и осталось неубраннымъ.

Профессоръ. А кто здѣсь жиль?

Карено. Поэтъ Иргенсъ.

Профессоръ. Какъ много красоты въ такомъ искусственномъ свѣтѣ. Столько красокъ! (Возвращается къ скамейкѣ и садится). Гмъ. Вы не обидитесь, если я, будучи старше васъ, дамъ вамъ парочку добрыхъ совѣтовъ. Если бы въ молодости какой-нибудь опытный человѣкъ оказалъ мнѣ немного помощи, она очень бы мнѣ пригодилась; но помощь пришла только тогда, когда я уже сбился съ пути. Такъ бываетъ въ большинствѣ случаевъ. Вотъ я и надумалъ нанести вамъ маленькій визитъ. (Смотритъ на часы.) Самый коротенькій. Будетъ очень жаль, если на ваши способности не обратятъ вниманія, и, мнѣ кажется, что, если вамъ не повезетъ, часть отвѣтственности упадетъ на меня.

Карено. Со стороны г-на профессора было очень любезно вспомнить обо мнѣ.

Профессоръ. Видите ли, Карено, у меня есть,—не буду говорить высокое положеніе, я очень далекъ отъ этого—но все-таки извѣстное положеніе, я пользуюсь уваженіемъ. Въ лагерѣ моихъ противниковъ ко мнѣ относятся не вполнѣ справедливо; я либераленъ и современенъ. Я ученикъ свободныхъ англійскихъ мыслителей, а многимъ это кажется ужасно радикальнымъ. Но въ общемъ, я все же имѣю маленькое имя и маленькое положеніе; мнѣ кланяются на улицѣ, и не всегда пропускаютъ мимо ушей мое мнѣніе; тамъ, за границей, я теперь тоже не совсѣмъ неизвѣстенъ.—Но было время, когда все это было иначе; я тоже былъ когда-то молодъ; когда я былъ въ вашихъ лѣтахъ, я хотѣлъ дѣлать то же, что дѣлаете теперь вы; прежде всего я хотѣлъ на что-нибудь нападать. (Смѣется). Я нападалъ даже на классиковъ. Теперь я смѣюсь надъ этимъ, а тогда я дѣйствительно думалъ, что эти старые писатели не вполнѣ заслужили свою славу. Незрѣлая молодость,—вотъ что. Сколько, вы думаете, мнѣ было тогда лѣтъ?

Карено. (Хочетъ отвѣчать).

Профессоръ. Двадцать девять. Можете сами судить. Я почти склонялся къ тому мнѣнію, что классиковъ, ни какъ поэтовъ, ни какъ представителей культуры, не слѣдуетъ печатать въ наше время, позднѣе, слава Богу, я сумѣлъ лучше разглядѣть ихъ величину. Я говорилъ: эти старые писатели были хороши для своего времени, но ихъ произведенія,—говорилъ я,—въ смыслѣ художественности, и ихъ трудоспособность,—въ смыслѣ духовнаго откровенія,—все это далеко превзошли современные писатели. Въ то время я былъ слѣпъ для того, чтобы видѣть вѣчную недосыгаемость классическихъ авторовъ. А что они сдѣлали для движенія культуры?—говорилъ я.—Ученіе Аристотеля о клопѣ,

который, будто бы, происходитъ изъ пота животныхъ—мнѣніе Виргилія, что пчелы зародились во внутренностяхъ гниющихъ животныхъ; мнѣніе Гомера, что больные люди одержимы демонами; выдумка Плинія—лечить пьяницъ совиными яйцами,—все это и многое другое казалось мнѣ смѣшнымъ, ужасно смѣшнымъ. Конечно, теперь я бы написалъ совсѣмъ наоборотъ, и именно за это-то я и хвалилъ бы классиковъ; именно поэтому они и классики; теперь я смотрю глубже, чѣмъ тогда. Не знаю, знакомы ли вы съ этимъ моимъ сочиненіемъ, однимъ изъ первыхъ моихъ сочиненій.

Карено. Конечно.

Профессоръ. Юношеская работа. Я говорю о ней только какъ о примѣрѣ, что и я переживалъ незрѣлые годы, и я важничалъ. (Смѣется). Я ясно помню, какъ я показалъ свою книгу профессору Ваалу; мы оба были тогда молоды. „Ты критикуешь классиковъ“, сказалъ онъ мнѣ и, перелиставъ книгу, добавилъ: „Знаешь, Гиллингъ, кого ты осмѣялъ?“ „Нѣтъ“—отвѣчалъ я. „Никого“—сказалъ онъ. (Смѣется). Я очень хорошо помню, что онъ такъ именно и сказалъ. Ахъ да, это было такъ давно... Вы, Карено, теперь въ такомъ же положеніи, какъ я тогда. Простите, что я такъ откровенно говорю; мы, мыслители, можемъ говорить другъ съ другомъ съ глазу на глазъ откровенно, не правда ли? Надѣньте же шляпу, милый Карено.

Карено. (Надѣваетъ шляпу).

Профессоръ. Я совсѣмъ не замѣтилъ, что вы сидѣли безъ шляпы. Да, вы теперь переживаете ту же пору, что я тогда,—только вы болѣе рѣзки въ своихъ мнѣніяхъ и выраженіяхъ. Вы имѣете, конечно, полное право бросить мнѣ въ лицо, что я поступалъ тогда такъ же, какъ вы теперь; но вы не можете не со-

гласиться, что въ нападкахъ на величайшихъ современныхъ мыслителей гораздо больше,—какъ бы это сказать,—ну, скажемъ, незрѣлости, чѣмъ въ нападкахъ на классиковъ. Критика, которую вы написали на меня, нисколько мнѣ не мѣшаетъ видѣть и признавать ваши большія способности. Но, когда вы обновителей нашего мышленія, Спенсера и Милля... когда вы доказываете, что они не что иное, какъ самые ординарные умы, тогда я перестаю даже уважать вашъ трудъ, несмотря на все мое сочувствіе къ вамъ.

Карено. (Заикаясь). Простите, г-нъ профессоръ, я не говорилъ, что оба эти англичанина ординарные умы, это недоразумѣніе. Я говорилъ о нихъ, какъ о серьезныхъ ученыхъ, достойныхъ уваженія, которые собрали множество фактовъ и систематизировали...

Профессоръ. Это одно и то же.

Карено. Я хотѣлъ показать разницу между понятіями „мочь“ и „знать“, между сильными, неустающими отъ заучиванія головами и мыслителями, пророками.

Профессоръ. Послушайте, я настолько либераленъ, насколько это возможно, я люблю юношество, потому что самъ былъ юнъ. Но молодежь не должна переступать извѣстныхъ границъ. Нѣтъ, этого она не должна. Долженъ быть одинъ извѣстный предѣлъ. Да, и къ чему все это, собственно говоря? Тотъ, на кого нападаютъ, остается стоять непоколебимо, а нападающій вредитъ только самому себѣ.

Карено. Но, г-нъ профессоръ, вы забываете, что съ такими воззрѣніями...

Профессоръ. Выслушайте меня до конца, Карено. Какъ это ни обыденно, но вы должны себѣ сказать, что это такъ. Придетъ день, когда вы поймете, что я правъ. Современная англійская философія не только, какъ вы

говорите, „чудовищная горная цѣпь школьныхъ знаній“,—весь міръ ею живетъ, и всѣ мыслители въ нее вѣрятъ. Суть философіи вовсе не въ томъ, чтобы говорить какъ можно больше остроумныхъ вещей, и съ философіей абсолютно не совмѣстимы грубость и неумѣстные остроты. Бросьте писать всѣ эти трактаты, Карено. Совѣтую вамъ подождать, дать созрѣть вашимъ взглядамъ. вмѣстѣ со старостью приходитъ и мудрость.

Карено. Мнѣ казалось, что если не высказать всего этого въ молодости, то оно такъ и останется невысказаннымъ.

Профессоръ. Вы думаете?

Карено. Да, потому что старость ведетъ за собой полсотни пережитыхъ лѣтъ, осторожность, старческое мировоззрѣніе...

Профессоръ. Ну, и оставьте все это невысказаннымъ. (Смѣясь). Все это останется невысказаннымъ, а міръ все-таки будетъ существовать. Или, можетъ быть, вы серьезно думаете, что человѣчество заволнуется и будетъ вздыхать надъ вашимъ послѣднимъ трактатомъ?

Карено. (Дѣлаетъ движеніе).

Профессоръ. Вы сами увидите, если подумаете (ищеть въ карманѣ), что этого не будетъ. Я кое-что выписалъ изъ вашей... изъ вашей... Мнѣ было бы интересно узнать, серьезно ли вы все это написали. (Вынимаетъ нѣсколько записочекъ). Вотъ они. (Ищеть пенснэ). Вы критикуете англичанъ за ихъ гуманность, за ихъ, какъ вы выражаетесь, „такъ называемую гуманность“; вы осуждаете современное сочувственное отношеніе къ рабочимъ, находите его абсурднымъ. (Читаетъ). „Въ связи съ этимъ“... (Опять ищеть пенснэ). У меня было... не потерялъ же я...

Карено. Ваше пенснэ? Позвольте,... вотъ оно. (Находитъ пенснэ на груди у профессора).

Профессоръ. Ахъ,... благодарю васъ, благодарю. (Читаетъ). „Въ связи съ этимъ, надо указать еще на другой фактъ, на современное сочувственное отношеніе къ рабочимъ, которое въ настоящее время замѣнило распространенный въ нѣкоторыхъ странахъ въ первой половинѣ настоящаго столѣтія культъ крестьянства. Ни одно правительство, ни одинъ парламентъ, ни одна газета не пропускаетъ случая“... Гм! (Пропускаетъ нѣсколько строкъ). „И нашъ собственный либеральный профессоръ Гиллингъ потратилъ много силъ и таланта на то, чтобы защищать рабочее дѣло“. (Пропускаетъ). „Рабочіе потеряли всякое значеніе не только какъ двигательная сила, но и какъ необходимое общественное сословіе. Что же дѣлаютъ правительства, парламенты и газеты?“ (Пропускаетъ). Да, вотъ это мѣсто. (Повысивъ голосъ). „Когда они были рабами“,— дѣло идетъ о рабочихъ, а вы называете ихъ рабами,— „когда они были рабами, у нихъ были свои обязанности, они работали. Теперь же вмѣсто нихъ работаютъ машины, съ помощью пара, электричества, воды и вѣтра, и вслѣдствіе этого рабочіе становятся все болѣе лишними на землѣ. Изъ раба вышелъ рабочій, изъ рабочаго—паразитъ, который въ настоящее время участвуетъ въ міровой жизни безъ всякой задачи. И этихъ лицъ, которыя перестали быть даже „нужными“ людьми, государство старается организовать въ политическую партію. Вамъ, господа, толкующимъ о гуманности, не слѣдовало бы нѣжничать съ рабочими; вы должны охранять насъ, остальныхъ людей, отъ нихъ, предупреждать ихъ размноженіе, вамъ слѣдовало бы ихъ истреблять“... Подобное этому вы развиваете и дальше. (Смотритъ на него поверхъ пенснэ). И это, дѣйствительно, ваше убѣжденіе?

Карено. Да.

Профессоръ. Такъ это ваше убѣжденіе? Вы рекомендуете установить самыя высокія пошлины на хлѣбъ, чтобы защитить крестьянина, который, по вашему, долженъ жить, и чтобы заставить голодать рабочаго, который, по вашему, долженъ умереть. (Снимаетъ пенснэ). Развѣ вы не читали, что мы всѣ писали по этому поводу?

Карено. (Хочетъ отвѣчать).

Профессоръ. Однихъ своихъ собственныхъ трудовъ, крупныхъ и мелкихъ, я бы могъ прислать вамъ шесть.

Карено. Я ихъ читалъ.

Профессоръ. Вы ихъ читали?

Карено. Да.

Профессоръ. Это почти невѣроятно. Право, невѣроятно. (Указываетъ на бумаги). Когда я все это прочиталъ, то сказалъ себѣ: „и это могъ написать мой ученикъ!“ Да, я такъ сказалъ потому, что мнѣ было тяжело все это видѣть. (Мѣняя тонъ). Конечно, можно дойти и до этого; конечно, этому ничто не мѣшаетъ. Но вы, Карено, слишкомъ корректный человѣкъ для этого. Я понимаю,—вы не избалованы вниманіемъ; какъ только вы что-нибудь выпускали на свѣтъ, надъ вами сейчасъ же издѣвались, поднимали васъ на смѣхъ, лишая того вниманія, котораго вы заслуживаете. Вы говорили стѣнамъ. Поэтому вы и научились говорить слишкомъ громко, употреблять слишкомъ рѣзкія слова и заходить слишкомъ далеко. Я это вполне понимаю.

Карено. Г-нъ профессоръ, можетъ быть, и правъ, что все это имѣло на меня вліяніе; не знаю. Но все-таки...

Профессоръ. Не правда ли? Маленькое вліяніе это во всякомъ случаѣ имѣло? Я имѣю основаніе такъ думать. Сочувствіе, котораго не достаетъ, можно такъ легко заслужить. Это въ высокой степени зависитъ отъ самого себя... Почему бы вамъ и не найти слушателей

и читателей? Я смѣю думать, что если и вы рѣшите подождать нападать на что бы то ни было года два, то, по истеченіи этого времени, вамъ и не захочется нападать, и тогда вы найдете все то сочувствіе къ вашимъ мирнымъ изслѣдованіямъ, котораго вы ищете.

Карено. Г-нъ профессоръ, конечно, не думаетъ...

Профессоръ. Я вамъ объясняю, что я думаю. Простите, если я васъ прервалъ, но у меня очень мало времени. (Смотритъ на свои часы). Ну, нѣсколько минутъ все-таки еще осталось... Видите ли, я не запрещаю людямъ имѣть свои убѣжденія. Это не гармонировало бы съ моимъ міровоззрѣніемъ. Но убѣжденіе убѣжденію рознь. Одно дѣло—быть молодымъ и позволять своему темпераменту властвовать надъ собой, другое—давать созрѣть въ себѣ каждой своей мысли до полной въ ней увѣренности. Я васъ прошу объ этомъ подумать. Мы съ вами еще, конечно, встрѣтимся. Если вы захотите меня навѣстить, я буду сердечно радъ. Я встрѣчаюсь съ вами съ большимъ удовольствіемъ. (Собираетъ бумаги и прячетъ ихъ).

Карено. (Встаетъ.)

Профессоръ. (Протягиваетъ ему черезъ столъ руку). Я съ большимъ удовольствіемъ съ вами встрѣчаюсь. Я жду многого отъ васъ, Карено, и если вы будете дѣлать свое дѣло, дѣлать то, что вы должны, то... я, конечно, не могу говорить за другихъ такъ же, какъ за себя,—то вы несомнѣнно можете ждать отъ насъ, вашихъ коллегъ, той поддержки, которую заслуживаете. (Встаетъ).

Эл. Карено. (Скрывается въ двери на верандѣ).

Профессоръ. (Указывая на рукописи, лежащія на столѣ).

Вы заняты теперь большой работой?

Карено. Я работаю надъ послѣдней главой.

Профессоръ. А издатель у васъ есть? Или, быть можетъ, вы опять пошлете въ Германию?

Карено. Нѣтъ, я надѣюсь отдать эту работу издателю г-на профессора.

Профессоръ. (Удивленно). Да? Вы съ нимъ говорили?

Карено. Да, онъ хотѣлъ просмотрѣть рукопись.

Профессоръ. Такъ!.. (Думаетъ). Конечно, отнесите ему рукопись. Если я могу вамъ оказать какую-нибудь помощь, то я весь къ вашимъ услугамъ.

Карено. (Сердечно). Это слишкомъ любезно. Но я былъ бы такъ благодаренъ г-ну профессору. Въ настоящее время я въ сильно затруднительномъ положеніи.

Профессоръ. Я безусловно къ вашимъ услугамъ. И если бы понадобился маленькій авансъ, то мой издатель въ этомъ отношеніи очень *coulant*. Впрочемъ, простите, что я упомянулъ объ этомъ.

Карено. Да, авансъ былъ бы очень кстати.

Эл. Карено. (Снова появляется).

Профессоръ. Но дѣло въ томъ, что вамъ придется все это немножко пересмотрѣть. Я совсѣмъ не знаю, что вы здѣсь написали, но на основаніи всего того, что мы другъ съ другомъ говорили, вы понимаете... Во всякомъ случаѣ, маленькій пересмотръ никогда не вреденъ. Ну, это уже ваше дѣло. Я предоставляю это на ваше усмотрѣніе. Вполнѣ на ваше. Я сдѣлаю все, что могу. (Оборачивается, и что-то ищетъ).

Карено. Вы что-нибудь потеряли, г-нъ профессоръ?

Профессоръ. У меня была палка.

Карено. Она у г-на профессора въ рукѣ.

Профессоръ. Да, совершенно вѣрно. (Оглядывается).

Эл. Карено. (Исчезаетъ).

Профессоръ. У васъ здѣсь необыкновенно тихій уголокъ. Нѣтъ шарманокъ, почти не слышно шума экипажей. (Идетъ.) Вы занимаете весь домъ?

Карено. Да, до сихъ поръ занимали.

Профессоръ. Вы думаете переѣзжать? (Останавливается у лѣстницы). Итакъ, будьте здоровы, г-нъ Карено. (Протягиваетъ ему руку). Простите за то, что помѣшалъ, но старику доставило удовольствіе навѣстить васъ.

Карено. (Снимаетъ шляпу). Для меня это большая честь. Я очень вамъ благодаренъ, г-нъ профессоръ, за ваше дружественное отношеніе.

Профессоръ. Какъ я уже сказалъ, возьмите вашу рукопись и еще разъ просмотрите ее. Выбросьте оттуда всѣ плевелы. Сдѣлайте это для меня. Я хочу вамъ добра и принимаю искреннее участіе въ вашемъ развитіи. (Оба уходятъ. Слышно, какъ профессоръ прощается еще разъ. Калитка отворяется и захлопывается. Карено медленно возвращается, его жена поспѣшно сходитъ съ веранды).

Эл. Карено. Это профессоръ Гиллингъ!

Карено. Да.

Эл. Карено. Значить, я была права? Онъ пришелъ самъ?

Карено. Да, что ты на это скажешь? Я и представить себѣ не могъ. Нѣтъ, а все, что онъ говорилъ!

Эл. Карено. Я слышала почти все. Я не могла удержаться, Иваръ; онъ не видѣлъ, никто изъ васъ меня не видѣлъ. Я замѣчаю, Иваръ, что ты теперь доволенъ?

Карено. (Улыбаясь). Ты замѣчаешь?

Эл. Карено. Я слышала, какъ онъ называлъ и тебя и себя самого мыслителями...

Карено. Да, онъ это сказалъ.

Эл. Карено. И одинъ разъ онъ назвалъ тебя коллегой.

Карено. Да, онъ все время былъ необыкновенно любезенъ.

Эл. Карено. И теперь ты доволенъ, правда?

Карено. Да, я не отрицаю, что все это произвело на меня впечатлѣніе. Удивительнѣе всего, что не какой-нибудь другой, а именно этотъ профессоръ сидѣлъ здѣсь и такъ со мною говорилъ. Если подумать, то это не такъ незначительно, какъ кажется.

Эл. Карено. А ты, можетъ быть, думаешь, я не понимаю? (Прыгаетъ нѣсколько разъ). Нѣтъ, я совсѣмъ стала дикой и сумасшедшей. Я горжусь, что... (беретъ его руку). Мыслитель!.. Но теперь и я хочу что-то сдѣлать.

Карено. Ты хочешь что-то сдѣлать?

Эл. Карено. И знаешь ты, что? (Пристально смотритъ на него). Я хочу отказать Ингеборгъ.

Карено. Что?

Эл. Карено. Отказать Ингеборгъ.

Карено. Это ты хочешь сдѣлать?

Эл. Карено. Кажется, тебѣ неприятно? Ты совсѣмъ перемѣнился.

Карено. Почему тебѣ пришло это въ голову?

Эл. Карено. Я сама до этого додумалась. Она мнѣ мѣшаетъ. (Обнимаетъ его). Я хочу, чтобы во всемъ домѣ ты былъ только со мной, понимаешь? Никто не долженъ здѣсь быть, кромѣ меня и тебя.

Карено. Это самая смѣшная изъ твоихъ причудъ.

Эл. Карено. Если тебѣ такъ не хочется ее отпустить, то...

Карено. Мнѣ не хочется?—Но кто же будетъ работать? Ты объ этомъ подумала?

Эл. Карено. Да, я буду работать. Такимъ образомъ, мы сэкономемъ ея жалованіе. (Прижимается къ нему).

Карено. Элина! (Освобождается и смотритъ на нее). Ты это говоришь серьезно, Элина! Какъ это мило. Господи, какъ бы я былъ тебѣ благодаренъ, если бы ты попробовала. Если не сможешь, то...

Эл. Карено. Конечно, смогу.

Карено. Только нѣкоторое время. Пока я не кончу свою работу. Потомъ мы можемъ снова ее взять.

Эл. Карено. Лучше взять другую дѣвушку. Значитъ, ты ничего не имѣешь противъ разлуки съ Ингеборгъ?

Карено. Нѣтъ, почему же я?—Теперь ты, моя милая, ты будешь все дѣлать и мнѣ во всемъ тихо помогать.

Эл. Карено. О, я вижу, ты доволенъ; ты очень рѣдко такъ говоришь! (Бросается ему на шею). У меня сейчасъ такое чувство, какъ будто я могла бы...

Карено. Что съ тобой, Элина?

Эл. Карено. (Отпускаетъ его). Фи, стыдись, Иваръ; ты подумалъ что-нибудь!..

Карено. Я подумалъ? Нѣтъ, но...

Эл. Карено. Все равно, даже если ты и подумалъ. (Прыгаетъ).

Карено. Я радъ, что ты такая веселая. Послушай, что это за башмаки, въ которыхъ ты прыгаешь?

Эл. Карено. Посмотри самъ.

Карено. (Смотритъ). Туфли?

Эл. Карено. Ты перестанешь?

Карено. (Поднимаетъ подолъ ея платья). Конечно, туфли.

Эл. Карено. (Оглядывается). А вдругъ тебя кто-нибудь увидитъ?

Карено. (Не понимая). Меня увидитъ? Что жъ изъ этого?.. Знаешь, Элина, я думаю объ его словахъ, относительно издателя. Онъ сказалъ, что самъ поговорить съ нимъ.

Эл. Карено. (Снимаетъ туфлю и ударяетъ ею его по щекѣ). Я покажу тебѣ, въ какихъ башмакахъ я прыгаю!

Карено. Элина, оставь эти шутки.

Эл. Карено. А я не оставлю!

Карено. Ну, ну... Да, онъ сказалъ, что поговорить съ издателемъ.

Эл. Карено. (Мѣняя тонъ). Кто хотѣлъ поговорить съ издателемъ?

Карено. Конечно, профессоръ. Развѣ ты не слыхала?

Эл. Карено. Нѣтъ.

Карено. Ты самага главнаго не слыхала. Онъ хочетъ мнѣ помочь получить авансъ, по крайней мѣрѣ, онъ такъ сказалъ.

Эл. Карено. Нѣтъ, правда? Этого я не слыхала. Онъ сказалъ, что тебѣ поможетъ?

Карено. Да. А это все равно, что авансъ у меня уже въ рукахъ. Но, послѣ этого онъ сказалъ еще другое, самое главное... послѣднее, что онъ сказалъ.

Эл. Карено. Что же это такое?

Карено. Онъ сказалъ, что мнѣ придется немного пересмотрѣть мою книгу.

Эл. Карено. Да, но это...

Карено. Нѣтъ, Элина. Сдѣлать это будетъ очень трудно. Ну, не огорчайся такъ сразу. Онъ сказалъ это въ концѣ разговора, такъ, между прочимъ. Пересмотрѣть мою книгу, это значитъ ее переработать.

Эл. Карено. Этого онъ не можетъ требовать.

Карено. Онъ и не требовалъ. Онъ сказалъ, — немного пересмотрѣть. Но моя книга въ такомъ состоянii, что это невозможно. Не думай, что я упряма и не хочу уступить, а главное не безпокойся, потому что, если даже профессоръ Гиллингъ не захочетъ мнѣ помочь, я все-таки получу авансъ.

Эл. Карено. Да, но лучше позволь ему тебѣ помочь, позволь, Иваръ. Подумай только, если мы...

Карено. Тсс, не говори этого. Неужели ты думаешь, что я самъ не думаю все время объ этой описи имущества? Мы могли бы остаться здѣсь. Въ этомъ тихомъ, старомъ, желтомъ домѣ.

Эл. Карено. (Беретъ его за руку). Да. Мы вдвоемъ.

Карено. Ахъ, Элина, дѣло не въ моемъ желаніи. Вѣрь мнѣ.
Эл. Карено. Я вѣрю.
Карено. (Обнимаетъ ее). Элина, ты такая добрая сегодня.
Я такъ люблю тебя.
Эл. Карено. Да, правда? Мнѣ больше ничего и не надо.
Карено. А теперь иди. Мнѣ надо работать.
Эл. Карено. Нѣтъ, еще одну минутку. Сначала повеселимся немножко. Вѣдь, кажется, все идетъ на ладъ.
Карено. (Порывисто обнимаетъ ее). Послушай, иди. Я долженъ сегодня написать еще главу. (Онъ цѣлуетъ ее).
Когда ты здѣсь, я теряю все самообладаніе. Иди, а то..
Эл. Карено. А то?
Карено. Больше я ничего не скажу.
Эл. Карено. А то?
Карено. А то я ничего не могу дѣлать, ты сама это знаешь.
Эл. Карено. Скоро уже стемнѣетъ, Иваръ.
Карено. Нѣтъ, пройдетъ еще часа два, пока стемнѣетъ.
Эл. Карено. Да, часа два. Но работать ты не сможешь.
Карено. Но я долженъ.
Эл. Карено. Кромѣ того, становится холодно.
Карено. (Не отвѣчая, начинаетъ приводить въ порядокъ свои бумаги).
Эл. Карено. Иваръ, а лампу заправить?
Карено. Да, пожалуйста.
Эл. Карено. И не трогать твоихъ бумагъ!
Карено. Да. Но почему же ты не идешь? Такихъ сумасшедшихъ я никогда не видѣлъ. (Ведетъ ее къ лѣстницѣ).
Ну, маршъ наверхъ. (Отпускаетъ ее и возвращается къ столу).
Эл. Карено. Иваръ, а я буду трогать твои бумаги.
Карено. (Перелистываетъ рукопись и не отвѣчаетъ).
Эл. Карено. Я все перерою тамъ наверху; я сейчасъ въ такомъ настроеніи. (Смѣясь). Приходи, и увидишь, что я надѣлаю. (Уходитъ и запираетъ дверь).

Карено. (Закуриваетъ трубку, садится, беретъ перо и задумывается. Проходитъ разъ по дорожкѣ, опять садится, нѣсколько разъ просматриваетъ рукопись, и что-то записываетъ).
Эл. Карено. (Изъ двери). Коллега! (Смѣется). Я веду себя очень дурно, коллега.
Карено. (Протягиваетъ къ ней руку, дѣлаетъ знакъ уйти).
Эл. Карено. (Уходитъ).
Карено. (Вдругъ встаетъ). Нѣтъ! (Ходитъ опять по дорожкѣ). Нѣтъ, говорю я.
Эл. Карено. (Выйдя изъ двери, тихо и нѣжно). Иваръ! Я только хотѣла сказать, что я тамъ ничего дурного не сдѣлала.
Карено. (Не смотря на нее). Что? (Подходитъ рѣшительно къ столу и вычеркиваетъ то, что написалъ).
Эл. Карено. Мнѣ такъ бы хотѣлось побыть съ тобою.
Карено. (Смотритъ на нее, почти кричитъ). Элина! Изъ пересмотра, какъ я и думалъ, ничего не выходитъ.
Эл. Карено. Изъ чего не выходитъ?
Карено. Изъ пересмотра. Профессоръ не могъ думать, что я смогу это сдѣлать.
Эл. Карено. Ты не можешь исправить рукопись?
Карено. (Качаетъ головой). Что я написалъ, останется написаннымъ.
Эл. Карено. Останется?
Карено. И то, что я напишу съ этого часа, тоже останется.
Эл. Карено. Но, Иваръ, ты только что сказалъ, что хочешь это сдѣлать?..
Карено. Ты думаешь, я все не обдумалъ? Я предполагалъ, что это возможно. И я радовался, потому что тогда мы были бы спасены. Посмотри. (Показываетъ ей бумагу). Этими тремя строчками я опровергъ двадцать главъ моей книги. (Бросаетъ бумагу). Нѣтъ, въ этой комедіи я участвовать не буду.

Эл. Карено. (Садится на скамью, грустно). Но ты думаешь, что аванс все-таки получишь?

Карено. Я не понимаю, какъ могъ профессоръ Гиллингъ сидѣть здѣсь и совѣтовать мнѣ пересмотрѣть мою работу?

Эл. Карено. Ему, вѣроятно, стало насъ жаль, и онъ хотѣлъ намъ помочь.

Карено. Это то же самое, что приказать мнѣ написать совсѣмъ другое, чѣмъ я думаю.

Эл. Карено. Да, да, профессоръ хотѣлъ тебѣ добра. Онъ самъ это сказалъ.

Карено. (Смотритъ на нее). Ты опять загрустила, Элина?

Эл. Карено. (Молчить.)

Карено. Пока еще ничто не потеряно. Завтра рано утромъ я отнесу рукопись.

Эл. Карено. Ты увидишь, что все это доведетъ насъ до описи имущества.

Карено. Нѣтъ. Есть много надеждъ, что мы избавимся отъ нея.

Эл. Карено. (Печально.) Развѣ только это одно. Нѣтъ. Все вмѣстѣ, все вмѣстѣ ведетъ къ одному. Мы совсѣмъ нищѣ. Посмотри хотя бы только на то, какъ ты одѣтъ.

Карено. Одѣтъ? Что ты, Элина! У меня вѣдь есть еще одно платье. Очень хорошее платье.

Эл. Карено. Значитъ, ты намѣренъ... Ты будешь продолжать писать такъ же, какъ писалъ до сихъ поръ?

Карено. Да, такъ же, какъ до сихъ поръ.

Эл. Карено. И противъ профессора Гиллинга?

Карено. Противъ профессора Гиллинга и всѣхъ другихъ. Вѣроятно, когда-нибудь кто-нибудь да будетъ меня читать.

Эл. Карено. Да, когда-нибудь, конечно.

Карено. Помочь этому нѣтъ средствъ, Элина. Не стоитъ тратить понапрасну словъ, они не помогутъ.

Эл. Карено. А я думала, что становится немного свѣтлѣе. Я была такъ рада, что я... А все будетъ опять, какъ прежде. (Закрываетъ лицо руками).

Карено. Элина, ты должна сдѣлать то, что я тебѣ уже разъ предлагалъ. Тебѣ надо на нѣкоторое время, пока не пройдетъ кризисъ, поѣхать къ себѣ домой.

Эл. Карено. (Опять встаетъ.) Ты опять мнѣ это предлагаешь? Удивительно, какъ тебѣ хочется отъ меня избавиться. Можетъ быть, у тебя есть для этого какая-нибудь тайная причина?

Карено. Тайная причина?

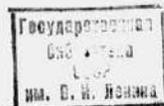
Эл. Карено. Я не знаю. Но ты знай, что домой я не поѣду.

Карено. Хорошо, хорошо. Ничего не подѣлаешь... Сегодня весь день пропалъ; я могъ бы теперь уже столько сдѣлать. Но глава должна быть окончена. (Садится и готовится къ работѣ).

Эл. Карено. (Подходить къ нему). Я понимаю, что все это значитъ. Ты меня больше не любишь, Иваръ. Въ этомъ все дѣло. Ты только что сказалъ, что любишь меня, а я скажу тебѣ, что это неправда. Я замѣчаю это и въ большомъ и въ маломъ и не только съ сегодняшняго дня. Для меня ты ничего не хочешь сдѣлать, даже самага маленькаго; ты не безпокоишься о томъ, что у меня на душѣ; ты все только пишешь, а намъ живется все хуже и хуже. И въ довершеніе всего, ты хочешь еще послать меня къ родителямъ.

Карено. (Вставъ). Мнѣ кажется, ты сошла съ ума. Я тебя не люблю?

Эл. Карено. Да, ты меня не любишь. Иначе ты бы не былъ такимъ. Но, будь покоенъ, Иваръ, потому что нельзя быть увѣреннымъ, что я всегда буду съ тобою. (Идетъ).



Карено. Сегодня ты уже второй раз шутишь этимъ,
Элина. На что ты намекаешь?

Эл. Карено. (На лѣстницѣ). Увидишь. (Уходитъ и за-
крываетъ дверь).

Карено. (Смотритъ нѣкоторое время вслѣдъ. Садится, бе-
ретъ перо).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната Карено. Сзади дверь на улицу; надъ этой дверью
въ стѣнѣ крючокъ. Налѣво стеклянная дверь на веранду
и дверь въ спальню; между ними этажерка, на которой
среди другихъ вещей—два двусвѣчника. Направо большой
рабочій столъ Карено со множествомъ бумагъ и книгъ; со-
всѣмъ позади на той же сторонѣ, дверь въ кухню. Диванъ,
стулья, зеркало въ золоченой рамѣ, нѣсколько картинъ, все
очень бѣдно. На полу, начиная отъ дверей, длинный, узкій
коверь.

Иваръ Карено. (Сидитъ и работаетъ при лампѣ).

Эл. Карено. (Тихо входитъ изъ кухни, ставитъ зажженную
лампу на круглый столъ, кладетъ тутъ же работу и
тихо уходитъ. Стучать въ заднюю дверь. Затѣмъ еще
разъ сильнѣе).

Карено. Войдите.

Докторъ Ервенъ. (Блѣдный мужчина съ темными во-
лосами, съ бородой, 27 лѣтъ, входитъ въ сопровож-
деніи фрекенъ Ховиндъ, двадцатилѣтней брюнетки, и
Эндре Бондезена, темнаго блондина, съ бородкой и
усаами, 35 лѣтъ, одѣтаго элегантно и по модѣ. Слышенъ
голосъ Ервена въ двери: — Конечно, онъ дома. По-
жалуйста... Нѣтъ, нѣтъ... Дамы впередъ...).

Карено. (Встает удивленно) Как? Ервень? (Кладет перо в сторону).

Ервень. Аккуратень... Аккуратень. Добрый вечеръ... (Представляетъ). Моя невѣста. А этого ты уже знаешь.

Карено. Какъ это мило. Садитесь. Пожалуйста, садитесь, фрекень.

Ервень. А госпожи Карено нѣтъ дома?

Карено. Она въ кухнѣ. Я сейчасъ... (Отворяетъ дверь въ кухню и кричитъ). Элина... (Послѣ того, какъ жена что-то отвѣтила). У насъ гости. Дорогие гости. Что?.. Только поскорѣе. (Затворяетъ дверь). Право, какъ это мило! Благодарю васъ, фрекень, за то, что вы не отказались навѣстить насъ. Для васъ вѣдь это порядочная прогулка.

Фрекень. Да, я живу внизу, въ городѣ.

Ервень. Только мы пришли тебѣ мѣшать.

Карено. И отлично. Я усталъ работать. И отлично... Ты, конечно, слышалъ, что вчера здѣсь былъ профессоръ Гиллингъ?

Ервень. А ты думаешь, я могу этого не знать? Удивительные слухи ходятъ объ этомъ. Когда онъ ушелъ, ты послалъ ему вслѣдъ оскорбительное письмо?

Карено. Нѣтъ, это неправда; я только защищалъ себя. Я написалъ только то, чего не могъ сказать. Всего нѣсколько словъ.

Ервень. Да, объ этомъ говорить...! А твоя книга подвинулась?

Карено. Сегодня утромъ я отнесъ три четверти ея издателю. Увидимъ, возьметъ ли онъ ее; онъ хотѣлъ дать отвѣтъ черезъ нѣсколько дней. А ты теперь докторъ. Поздравляю.

Ервень. (Съ напускной веселостью). Конечно, наконецъ-то докторъ. Я такъ счастливъ! Ого!

Эл. Карено. (Входитъ). Нѣтъ. Кто...

Ервень. (Ей навстрѣчу). Добрый вечеръ! Простите насъ но мы вамъ не помѣшаемъ. Мы не приносимъ съ собой скуки: мы всѣ веселы.

Эл. Карено. Это правда. Пожалуйста, не стѣсняйтесь.

Ервень. (Представляетъ). Итакъ, вниманіе. Госпожа Карено: это моя невѣста. Ее зовутъ Наталія Ховиндъ. Но такъ какъ мы съ ней добрые друзья, то я зову ее просто Натали, это ей больше нравится.

Фрекень. Какой лгунъ.

Ервень. (Представляетъ дальше). А это, это уже нѣчто другое. Это называется Эндре Бондезенъ. Мужчина, какъ вы видите, въ самомъ расцвѣтѣ лѣтъ. Но вы не можете видѣть, что этотъ человекъ интересуется рѣшительно всѣмъ. Въ настоящее время онъ ходитъ и думаетъ, къ лицу ли ему полосатые брюки.

Бондезенъ. Судя по началу, Ервень, ты будешь сегодня вечеромъ злымъ.

Эл. Карено. О, нѣтъ. Ервень никогда не бываетъ злымъ. Онъ приноситъ съ собой столько радости, что...

Ервень. Вы сказали „радости“? Благодарю васъ.

Бондезенъ. О, за послѣднее время онъ сталъ очень злымъ. Онъ сталъ злиться на всѣхъ, отчасти и на самого себя. Я не понимаю, что съ нимъ сдѣлалось.

Фрекень. На меня онъ никогда не злится.

Эл. Карено. Снимите вашу шляпу и кофточку, фрекень.

Фрекень. (Снимаетъ шляпу и кофточку).

Эл. Карено. (Садится рядомъ съ ней).

Карено. Господа, что же вы не снимете ваши пальто? (Мужчины снимаютъ пальто. Бондезенъ садится на диванъ).

Ервень. Конечно, Бондезенъ уже усѣлся. Онъ влюбится въ васъ, г-жа Карено, это несомнѣнно. Но вы ему не довѣряйте, потому что его [страсть продолжается только 24 часа; она останавливается въ немъ только на ночевку.

Эл. Карено. (Улыбаясь). О, я сумѣю сдѣлать такъ, что она продлится и дольше.

Бондезенъ. Благодарю васъ!

Эл. Карено. (Бросивъ взглядъ на мужа). Я не знаю, за что вы меня благодарите.

Бондезенъ. За то, что вы отвѣтили ему за меня и такъ хорошо отвѣтили.

Эл. Карено. А я думала за то, что хотѣла продлить вашу страсть.

Бондезенъ. Это не стоило бы вамъ большого труда.

Эл. Карено. А я думаю, что вы принадлежите къ тѣмъ, кого удержать очень трудно.

Карено. (Ервену). Профессоръ говорилъ вчера очень тепло о тебѣ.

Ервенъ. (Коротко). Да?

Карено. И хвалилъ твою диссертацию. Только онъ сказалъ, что... Я не совсѣмъ его понялъ. Что-то относительно переворота въ тебѣ, полного переворота.

Ервенъ. (Вздрагивая). Переворота?

Карено. Онъ сказалъ, полный переворотъ.

Ервенъ. Въ какомъ смыслѣ переворотъ? Я не понимаю... Что онъ хотѣлъ этимъ сказать?

Карено. Этого я не могъ у него спросить.

Ервенъ. Я не замѣчаю въ себѣ никакого переворота.

Карено. Разумѣется. Онъ указывалъ, главнымъ образомъ, на тонъ твоей работы: способъ выраженія сталъ спокойнѣе.

Фрекенъ. Надѣюсь, что другой перемѣны въ тебѣ не произошло, Карстенъ?

Ервенъ. По крайней мѣрѣ, я самъ этого не замѣтилъ.

Фрекенъ. Надѣюсь.

Ервенъ. (Раздраженно). Лучше перестанемъ говорить обо мнѣ. Уфъ!

Бондезенъ. Слышите? За послѣднее время онъ пересталъ выносить даже самого себя.

Ервенъ. Что касается профессора Гиллинга, то онъ—не могу противъ этого спорить,—либераленъ, гуманенъ. (Обращаясь къ Карено). Да, онъ очень гуманенъ. Такъ хорошо думаетъ о людяхъ, видитъ въ нихъ, какъ онъ выражается, „доброе начало“. Когда ему возражаютъ, онъ все это выслушиваетъ и очень часто соглашается. Да, онъ гуманенъ до крайности. Но интересенъ—не особенно.

Карено. Это правда.

Ервенъ. Да, онъ не очень интересенъ. Критикуетъ Гегеля, поетъ гимны женскому вопросу, защищаетъ всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право, Стюарта Милля. Онъ весь тутъ. Либераленъ, въ сѣрой шляпѣ и безъ грубыхъ ошибокъ.

Карено. Это, видишь ли потому, что онъ принадлежитъ къ другой школѣ.

Ервенъ. (Горячо). Конечно, онъ принадлежитъ къ совсѣмъ другой школѣ, чѣмъ я, онъ держится другого направленія. Но онъ считаетъ себя, на основаніи своихъ книгъ, выше всего. Ко всякимъ другимъ мнѣніямъ онъ относится съ снисходительностью. Быть до такой степени спокойнымъ,—даже дерзко. Мнѣ безразлично, что бы ты ни возразилъ мнѣ на это.

Карено. Я съ тобою и не спорю.

Ервенъ. Да? А мнѣ показалось, что... Значитъ нѣтъ?

Карено. Я не сказалъ ни слова. Профессоръ Гиллингъ и я,—мы настолько далеки другъ отъ друга, насколько это возможно. Достаточно было его послушать вчера; онъ довольно безцеремонно обошелся съ моей нѣмецкой статьей. Разобралъ ее по косточкамъ.

Ервенъ. А о 1814 годѣ онъ ничего не говорилъ?

Карено. Нѣтъ, а что?

Ервенъ. Онъ всегда говоритъ объ этомъ годѣ. Самая крупная вещь съ 1814 года, говоритъ онъ. И это

онъ говоритъ въ продолженіе двадцати лѣтъ о всякой вещи.

Карено. (Улыбаясь). Да, это правда. Я тоже это слышалъ.

Ервенъ. А его жену ты видѣлъ? Его послѣднюю жену? Тонка, какъ бочка.

Бондезенъ. Ты хочешь сказать—толста, какъ бочка?

Ервенъ. (Оборачивается и смотритъ на него). Да, я хотѣлъ сказать, толста, какъ бочка. Ты, Бондезенъ, очень логичный человѣкъ. Если бы кто-нибудь сказалъ, что дважды два—пять, то ты не замедлил бы отвѣтить: „Нѣтъ, дважды два—четыре.“

Бондезенъ. (Къ Эл. Карено). Отвѣтите ему еще разъ за меня,—тогда онъ замолчитъ.

Эл. Карено. Если бы я дѣйствительно могла хорошо отвѣтить.

Бондезенъ. О, вы можете.

Эл. Карено. Тогда я лучше скажу это вамъ.

Фрекенъ. (Шутя). Можетъ быть, мнѣ уйти?

Эл. Карено. Нѣтъ, я и тогда не скажу. (Бросивъ взглядъ на Карено). Сначала я хочу посмотрѣть, что вы за человѣкъ.

Бондезенъ. Что я за человѣкъ? Это вы и сейчасъ видите. Я такой, какимъ кажусь.

Эл. Карено. У васъ на галстухѣ замѣчательно красивая булавка.

Бондезенъ. (Хочетъ вынуть булавку). Можетъ быть, вы хотите взять ее себѣ?

Эл. Карено. (Отказываясь, кладетъ свою руку на его). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Вы съ ума сошли? (Рѣзко отдергиваетъ руку).

Бондезенъ. Вы не обожглись?

Эл. Карено. Немножко.

Бондезенъ. Ахъ, если бы это была правда.

Эл. Карено. (Бросивъ взглядъ на Карено). Что вы хотите этимъ сказать?

Карено. (Ервену). Такъ ты говоришь, что г-жа Гиллингъ еще молодая женщина?

Ервенъ. Лѣтъ тридцати. Расхаживаетъ въ платьѣ „реформъ“. Я ей сказалъ, что платье безобразно. Знаешь, что она отвѣтила? (Передразнивая). „Я одѣваюсь не для того, чтобы...“ Нѣтъ, чортъ ее возьми, и какъ это было сказано.

Эл. Карено. Фи, Ервенъ, не надо браниться.

Ервенъ. (Передразнивая). „Я одѣваюсь не для того, чтобы нравиться мужчинамъ, а для того, чтобы сердить женщинъ...“ Ты представляешь ее себѣ?

Карено. (Смѣется). Она сказала, „чтобы сердить женщинъ“.

Ервенъ. (Передразнивая). „Чтобы сердить женщинъ!“

Бондезенъ. Съ ея точки зрѣнія, отвѣтъ не такъ уже плохъ.

Ервенъ. (Умоляющимъ голосомъ). Ради Бога перестань, Бондезенъ.

Бондезенъ. (Добродушно смѣется). Видѣли ли вы когда-нибудь такого тирана? Онъ не позволяетъ мнѣ открыть рта.

Эл. Карено. Можетъ быть, кто-нибудь хочетъ кофе? (Никто не отвѣчаетъ). Больше у насъ ничего нѣтъ.

Ервенъ. О, да я съ удовольствіемъ выпью кофе.

Карено. Да, моя жена права; къ сожалѣнію, у насъ ничего другого нѣтъ.

Бондезенъ. Кофе—это великолѣпно! Если только это не доставитъ лишнихъ хлопотъ.

Эл. Карено. Иваръ, скажи черезъ дверь Ингеборгъ, чтобы она заварила кофе.

Карено. Хорошо. (Уходитъ въ кухню).

Ервенъ. (Осматриваетъ серебряные двусвѣчники). Какія красивыя вещи, ты замѣтила, Натали?

Фрекенъ. (Идетъ къ нему). Да, я сижу и все время смотрю на нихъ. Это подарокъ?

Эл. Карено. (Безпокойно смотря на кухонную дверь). Свадебный подарокъ. Нѣтъ, лучше всего, если я сама... (Идетъ къ кухонной двери, медлитъ, быстро отворяетъ и смотритъ. Уходитъ).

Бондезенъ. Послушай, Ервенъ, ты сегодня въ придиричивомъ настроеніи.

Ервенъ. Когда ты обращаешься ко мнѣ, то долженъ называть меня докторъ Ервенъ. „Господинъ докторъ Ервенъ“.

Эл. Карено. (Входитъ и, оборачиваясь, говоритъ Карено). Нѣтъ, это невозможно. Пропаль на цѣлые полчаса.

Карено. Я же тебѣ сказала, что хотѣлъ только зажечь. У Ингеборгъ не было спичекъ.

Эл. Карено. (Садится). Да, эти подсвѣчники намъ подарили мои родители. Я ихъ очень люблю.

Фрекенъ. Я думаю.

Бондезенъ. Вы родились въ деревнѣ, г-жа Карено?

Эл. Карено. Господи, развѣ это такъ сразу замѣтно?

Бондезенъ. Ахъ, совсѣмъ нѣтъ, но...

Эл. Карено. Мой мужъ называетъ меня всегда крестьянкой.

Карено. Съ самыми лучшими чувствами и въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова. (Гладитъ ее по головѣ. Ходитъ взадъ и впередъ).

Бондезенъ. Я слышалъ, что вы изъ деревни.

Эл. Карено. Я не могу себѣ представить, что вы гдѣ-нибудь могли что-нибудь обо мнѣ слышать, г-нъ Эндрезенъ.

Бондезенъ. Бондезенъ. Я журналистъ и долженъ вамъ сказать, что мнѣ приходится много слышать.

Эл. Карено. О, я не сомнѣваюсь, что вы знаете много.

Бондезенъ. (Смотритъ на нее и смѣется. Эл. Карено бросаетъ взглядъ на своего мужа).

Ервенъ. Скажи, Карено, когда все это кончится?

Карено. (Остановливается). Нѣтъ. Да о чемъ ты говоришь? Что кончится?

Ервенъ. Да, эта жизнь, конечно. Вѣдь тебѣ не всегда хорошо живется?

Карено. Да, не всегда.

Ервенъ. Ты хочешь сказать, что иногда живется и недурно. Значитъ, тебѣ живется не очень плохо?

Карено. О, довольно плохо. Но мы надѣемся, что это временно. (Къ женѣ). Не правда ли, Ингеборгъ?

Эл. Карено. (Приподнимается). Ингеборгъ? Нѣтъ, это уже...

Карено. Что я говорю. Я хотѣлъ сказать, Элина. (Ходитъ).

Эл. Карено. Одинъ Богъ знаетъ, что ты хотѣлъ сказать. (Внезапно подвигается къ Бондезену). Представьте себѣ, я слышу, какъ тикаютъ ваши часы.

Бондезенъ. Надѣюсь, что мнѣ не надо отодвигаться отъ васъ.

Эл. Карено. О нѣтъ. Вы сидите совсѣмъ не такъ близко.

Бондезенъ. Это не часы. Вы слышите, вѣроятно, какъ бьется мое сердце. (Эл. Карено, взглянувъ на Карено, наклоняетъ свое ухо къ Бондезену и слушаетъ, тихо смѣясь. Смѣются и разговариваютъ другъ съ другомъ).

Ервенъ. (Къ Карено). А мое положеніе таково, что... оно мнѣ не кажется веселымъ. Я хотѣлъ узнать, что будетъ, если я самъ плюну себѣ въ лицо. Вотъ я это и сдѣлалъ.

Фрекенъ. (Встаетъ и идетъ къ нему). Что съ тобой сегодня, Карстенъ?

Ервенъ. Что? Ничего. Иди, Натали, и сядь на свое мѣсто. (Фрекенъ улыбается и возвращается на свое мѣсто).

Ервенъ. Вообще не слѣдовало бы никогда ни думать, ни писать для людей. Для чего все это? Идеальный человѣкъ долженъ быть подобенъ тому, кто, родившись идиотомъ, сидитъ въ дѣвственномъ лѣсу и умираетъ съ

голоду, не имѣя настолько соображенія, чтобы догадаться встать.

Карено. Ты это говоришь?

Ервенъ. Знаешь, если бы со временемъ земля завертѣлась въ другую сторону, я бы сказалъ: сдѣлай одолженіе, вертись, сколько угодно, не посвятивъ ея дурацкому вращенію ни одной мысли. Я говорю, мысли? Даже тѣни мысли я не посвятилъ бы этому... Мой мозгъ былъ бы, какъ слѣпорожденный.

Карено. Ну?

Ервенъ. Надо быть не человѣкомъ, вещью, неодушевленнымъ предметомъ. Если бы кто-нибудь остановилъ меня на улицѣ и спросилъ про дорогу, я хотѣлъ бы имѣть возможность ему отвѣтить: „Не знаю. Спросите лучше у слѣдующаго газового фонаря“.

Фрекенъ. Это все отъ того, Карстенъ, что ты усталъ отъ работы.

Ервенъ. (Продолжая). Что бы ни случилось, но я хочу перестать мыслить. И ты, Карено, долженъ поступить такъ же; искренно тебѣ совѣтую. Живи тутъ въ этой проклятой странѣ Іафета, да еще мысли за другихъ. На что этимъ людямъ мысли, скажи мнѣ, пожалуйста? Развѣ они не могутъ и безъ нихъ сажать картофель и писать разныя вещи? Ничего нельзя ни отъ кого ждать. Достаточно оглянуться на страну вокругъ насъ. Въ ней живутъ два милліона людей и всѣхъ ихъ зовутъ Олѣ.

Бондезенъ. Сегодня онъ въ своей сферѣ.

Фрекенъ. Мнѣ кажется, я его понимаю.

Эл. Карено. (Качая головой). А я, къ сожалѣнію, нѣтъ.

Бондезенъ. Я тоже, слава Богу, не понимаю.

Эл. Карено. Давайте говорить другъ съ другомъ о чемъ-нибудь болѣе понятномъ.

Бондезенъ. Напримѣръ, о томъ, что я очень близокъ къ тому, чтобы признаться вамъ...

Эл. Карено. Нѣтъ, этого вы не смѣете. (Громко). Вы не имѣете права признаваться мнѣ...

Бондезенъ. Но вѣдь я...

Эл. Карено. (Смѣясь). Фи, стыдитесь, отодвиньтесь немножко.

Бондезенъ. Вы меня не поняли, это было самое невинное признаніе.

Эл. Карено. Правда?

Бондезенъ. Я хотѣлъ вамъ признаться въ томъ, что и васъ я не совсѣмъ понимаю. Не больше, чѣмъ Ервена. Въ васъ есть что-то такое, что меня все время, пока мы разговаривали, поражало.

Эл. Карено. Да?

Бондезенъ. То вы смѣетесь, веселы, и въ то время такъ молоды, такъ молоды...

Эл. Карено. Ну?

Бондезенъ. То вы имѣете такой видъ, точно у васъ въ головѣ появилась какая-нибудь внезапная мысль, и тогда вы оглядываетесь, смотрите... куда-то вглубь комнаты. Я не знаю, куда вы смотрите...

Эл. Карено. (Въ напряженномъ состояніи). Что же дальше?

Бондезенъ. У васъ такой видъ, точно вы собираетесь заплакать.

Эл. Карено. (Сидитъ минутку спокойно, въ волненіи встаетъ и отходитъ отъ него).

Фрекенъ. (Ервену). Ты усталъ, Карстенъ?

Ервенъ. (Качаетъ головой).

Фрекенъ. Ты очень блѣденъ.

Ервенъ. (Качаетъ головой).

Карено. (Обнимая жену). О чемъ ты думаешь, Элина?

Эл. Карено. (Коротко). Ни о чемъ. (Возвращается къ Бондезену, напряженно). Вы, вы такъ больше не должны говорить. Я стояла тамъ въ углу и смѣялась надъ вашими словами до смерти.

Бондезенъ. Жалко, что вы не сдѣлали этого здѣсь.

Эл. Карено. Почему?

Бондезенъ. Я увидѣлъ бы еще разъ ваши бѣлые зубки.

Эл. Карено. (Смѣясь). Вы находите, что у меня бѣлые зубы?

Ервенъ. Я знаю, Карено, что ты задумалъ. Ты хочешь отвести въ сторону Бондезена и спросить его, что со мной сегодня вечеромъ. Не выпилъ ли я немножко.

Карено. (Останавливаясь). Нѣтъ, я ине...

Ервенъ. Нѣтъ, я ничего не пилъ, я просто взволнованъ.

Карено. Но, дорогой, никто и не думаетъ, что ты выпилъ.

Ервенъ. (Улыбаясь). Ты правъ, конечно. Пойди сюда, старый другъ, давай поговоримъ. Тебѣ, кажется, не хочется со мной говорить.

Карено. (Идетъ къ нему, смѣясь). Мнѣ не хочется?.. Послушайте, Бондезенъ, онъ, кажется, въ самомъ дѣлѣ немножко выпилъ.

Ервенъ. Ни капли. Я просто необыкновенно радъ и весель.

Карено. Это незамѣтно. Хотя грустить тебѣ не о чемъ.

Ервенъ. Конечно, не о чемъ. Но не будемъ говорить объ этомъ. Профессоръ Гиллингъ не пытался наставить тебя на путь истины?

Карено. (Смѣясь). Онъ давалъ мнѣ хорошіе совѣты. Какъ онъ самъ выразился, „парочку добрыхъ совѣтовъ“.

Ервенъ. О, я знаю добрые совѣты профессора Гиллинга. Если онъ даетъ добрые совѣты, то это только съ цѣлью испортить какое-нибудь доброе намѣреніе. Только съ этой цѣлью.

Карено. Слышишь, Элина, Ервенъ того же мнѣнія, что и я.

Ервенъ. (Возбужденно). И этого господина раздули до „таланта“. Копаются во всевозможныхъ книгахъ и говорятъ: „Смотрите, вотъ это замѣчательно; отсюда можно почерпнуть здравый смыслъ“. А когда покончить съ

одной книгой, то говорить: „Гдѣ же слѣдующая книга, изъ которой я могъ бы почерпнуть немного здраваго смысла?“ И читаетъ слѣдующую... Нѣтъ, прилежаніе и талантъ не одно и то же. Талантъ это искра, это Богъ.

Фрекенъ. (Сіяя). Слышите, какъ онъ говоритъ! Искра! Богъ!

Бондезенъ. Ты несправедливъ къ профессору Гиллингу. Онъ вѣдь и за-границей пользуется извѣстностью.

Ервенъ. Да, пользуется. То есть большой извѣстности у него нѣтъ. (Смотритъ на Бондезена). Да ты-то какого чорта во всемъ этомъ понимаешь?

Эл. Карено. (Качая головой). Опять онъ бранится.

Бондезенъ. Я тоже съ нимъ не согласенъ, разумѣется въ политикѣ. Но мнѣ часто приходилось отзываться о немъ съ похвалой. Напримѣръ, когда онъ вторично женился, я написалъ о мѣстѣ и времени его бракосочетанія. И когда новобрачная пара выходила изъ магистрата, ихъ уже ожидала большая толпа съ поздравленіями. О, кое чѣмъ мы все-таки обязаны профессору Гиллингу!

Ервенъ. (Обращается къ Карено и смѣется). Онъ думаетъ это серьезно, я въ этомъ увѣренъ.

Эл. Карено. (Бондезену). Это было очень мило съ вашей стороны. Въ самомъ дѣлѣ, они всѣ его поздравляли?

Бондезенъ. Да, потому что всѣ знаютъ профессора Гиллинга.

Ервенъ. Ты правъ, Бондезенъ. Если бы не занялись имъ газеты, то онъ и до сихъ поръ былъ бы неизвѣстенъ. Но явились ему на помощь, явился ты, вы писали замѣтки, напоминали о немъ, раздували его, держали колесо въ ходу, и вотъ онъ сталъ гениемъ.

Бондезенъ. Мнѣ кажется, что одно всеобщее уваженіе, которымъ пользуется профессоръ Гиллингъ, должно бы заставить тебя не довѣрять своему собственному мнѣнію.

Ервенъ. Какъ разъ наоборотъ. Я не вѣрю не своему, а его мнѣнію.

Карено. (Утвердительно киваетъ головой).

Бондезенъ. Странно.

Эл. Карено. Да, странно.

Ервенъ. Пока талантливый человѣкъ держитъ свою голову высоко и спину прямо, на него будутъ или нападать или будутъ о немъ молчать; конечно, если это талантъ, который имѣетъ въ данное время какое-нибудь значіе. Но какъ только онъ начнетъ сдаваться, опуститъ голову, чтобы избавиться отъ нападковъ, тогда общественное мнѣніе поворачивается въ его сторону; пресса становится доброжелательной и сочувственной. Всѣ стараются защитить его, выказываютъ рыцарскія чувства, начинаютъ признавать его заслуги. Такъ создается всеобщее уваженіе.

Фрекенъ. (Вскакиваетъ). Какъ хорошо онъ сегодня говорить! Это надо послушать. (Идетъ къ письменному столу и останавливается возлѣ Карено).

Бондезенъ. Смѣшно, что я защищаю человѣка, который совсѣмъ не принадлежитъ къ моей партіи.

Эл. Карено. Это очень мило съ вашей стороны.

Ервенъ. Пожалуйста, найди другого стараго профессора, котораго тебѣ не было бы смѣшно защищать. Если это возможно, найди такого среди своей партіи.

Бондезенъ. (Къ Эл. Карено). Онъ думаетъ, что это очень остроумно.

Ервенъ. Если хочешь, возьми ихъ всѣхъ. Въ общемъ всѣ профессора—самые допотопные люди на свѣтѣ. Замѣтьте, что если кто изъ молодыхъ стремится къ другому, чѣмъ они, и обладаетъ достаточнымъ количествомъ благороднаго упорства, чтобы этого добиться, они сейчасъ же являются къ нему. Сначала съ парочкой добрыхъ совѣтовъ, потомъ начинаютъ уговари-

вать отказаться отъ своего намѣренія, затѣмъ оказываютъ противодѣйствіе и, наконецъ, примѣняютъ силу. Будь остороженъ, Карено, ты разсердилъ одного изъ достойныхъ уваженія холоповъ.

Карено. Я очень тебѣ благодаренъ, Ервенъ. Ты говоришь какъ будто словами моего сердца. (Протягиваетъ ему руку). Давно уже я не находилъ такой поддержки.

Эл. Карено. Ервенъ не знаетъ нашихъ обстоятельствъ.

Карено. (Растроганный улыбается). Скажу тебѣ откровенно, въ настоящее время намъ живется очень плохо. Мы такъ бѣдны, что скоро уже не сможемъ спасти себя. Мы ждемъ каждую минуту людей изъ суда; завтра или послѣ завтра, если я не найду исхода, опишутъ наши вещи. У меня только однѣ надежды! Во всякомъ случаѣ, я не позволю себѣ входить въ сдѣлки, никогда.

Бондезенъ. Это зависитъ отъ того, не надо ли съ чѣмъ-нибудь считаться, нѣтъ ли какихъ-нибудь обязанностей.

Эл. Карено. (Киваетъ головой). Несомнѣнно.

Фрекенъ. Я согласна съ г-номъ Карено.

Бондезенъ. Съ этимъ „благороднымъ упорствомъ“ чаще теряютъ, чѣмъ выигрываютъ.

Карено. (Не слушая его, Ервену). Ты вполнѣ понимаешь мои чувства. (Оборачивается). Знаешь, Элина, если профессоръ Гиллингъ придетъ еще разъ, я его не приму.

Бондезенъ. (Добродушно). Этого еще не хватало. Вѣдь не такъ же плохо имѣть за своей спиной профессора Гиллинга. (Улыбаясь). Но вы, философы, всѣ на одинъ ладъ. Если вамъ придетъ что-нибудь въ голову, вы слѣдуете этому слѣпо. Намъ же приходится считаться съ обстоятельствами. Если все не дѣлается такъ, какъ мы хотимъ, то мы должны надѣяться немножко и на постороннюю власть. На высшую власть. Это неизбежно.

Ервень. (Прислушиваясь, наклоняется). „Высшая власть“.
И это говоришь ты, Бондезень?
Бондезень. Ахъ, не придирайся къ словамъ. Можно же говорить, что думаешь; конечно, очень мило быть свободомыслящимъ талантомъ, скептикомъ и тому подобнымъ; но въ концѣ концовъ этого все-таки недостаточно; удовлетворенія это не даетъ никакого; я знаю по опыту.
Эл. Карено. Да, не правда ли? Я то же самое говорила Ивару, но онъ не вѣритъ. Онъ, вѣроятно, даже и въ Бога не вѣритъ.
Карено. (Прислушиваясь). Мнѣ показалось... показалось что стукнула калитка?
Фрекенъ. Мнѣ тоже показалось.
Карено. (Безпокойно). Но притти теперь никто не можетъ. Такъ поздно.
Эл. Карено. (Бондезену). Какъ вѣрно то, что вы говорите. Я рада, что мы одинаково думаемъ. Потому что я чувствую, что мы такъ же и поступаемъ.
Ингеборгъ. (Входитъ изъ кухни). Какой-то мужчина хочеть видѣть барыню.
Эл. Карено. Меня, мужчина? Ахъ, знаю. Почему же онъ не пришелъ раньше? (Уходитъ вслѣдъ за Ингеборгъ).
Эл. Карено. Я должна позвать этого человѣка сюда. Но ты, Иваръ, не долженъ его видѣть. Ты долженъ уйти.
Карено. Ты сказала, я долженъ уйти?
Эл. Карено. Да, на минутку въ спальню. Ну! (Хочеть его вывести).
Карено. Что за выдумка.
Эл. Карено. (Нетерпѣливо). Господи! Да иди же, слышишь. Вѣдь не надолго же.
Карено. Въ спальню? Тамъ темно и никого нѣтъ. (Уходитъ, сопротивляясь).

Эл. Карено. (Запираетъ за нимъ дверь на ключъ. Быстро).
Дѣло въ томъ, что Ивару на дняхъ минеть 29 лѣтъ.
Всѣ. А!
Эл. Карено. Тамъ принесли ему подарокъ. Я кое-что придумала; но только одинъ Богъ знаетъ, годится ли это для него.
Ервень. Вѣроятно, кисеть для табаку?
Эл. Карено. Нѣтъ. (Насмѣшливо). Кисеть для Ивара. Нѣтъ, я знаю, ему нужно что-нибудь необыкновенное. Тамъ пришелъ человѣкъ здѣсь кое-что посмотрѣть. Вы видите тамъ наверху крючокъ? (Показываетъ на заднюю дверь). Онъ остался съ того времени, когда здѣсь жилъ поэтъ Иргенсъ.
Фрекенъ. Да, я это вижу.
Эл. Карено. Мнѣ хочеть удивить Ивара и что-нибудь туда повѣсить. Я остановилась на птицѣ. Крючокъ, кажется, для этого раньше и служилъ.
Ервень. Птицу? Конечно, чучело?
Эл. Карено. Да, чучело птицы. Вы думаете, я сошла съ ума, да? (Короткое молчаніе).
Бондезень. Я нахожу, что это удивительная мысль.
Эл. Карено. (Недовѣрчиво). Вы находите?
Бондезень. Да, я нахожу.
Эл. Карено. (Искренно). Милые мои, вы не должны надо мной смѣяться. Мнѣ такъ хотѣлось сдѣлать ему сюрпризъ, но я ничего не могла придумать. Собственно говоря, птица не подарокъ. (Смотритъ растерянно).
Бондезень. Это необыкновенная идея.
Фрекенъ. Я тоже нахожу, что вы очень мило придумали.
Эл. Карено. (Грустно). Нѣтъ вы этого не находите. (Отворяетъ дверь въ кухню и тѣмъ же голосомъ зоветъ). Пожалуйста, войдите.
Набиватель чучель. (Входитъ, кланяется нѣсколько разъ).

Эл. Карено. Благодарю васъ за то, что вы пришли.
Набиватель. (Кланяется). Надѣюсь, всѣ присутствующіе здѣсь господа извинять, если я помѣшалъ.
Эл. Карено. (Показываетъ). Я думала повѣсить ее туда.
Набиватель. Туда? Хорошо.
Эл. Карено. Вамъ не кажется, что и прежде тамъ висѣла птица?
Набиватель. (Осматриваясь). Да, насколько я вижу, тамъ висѣло чучело большой птицы.
Эл. Карено. Значить ничего нельзя имѣть противъ того, что и теперь повѣсить тамъ чучело. Какъ вы думаете, Ервень?
Ервень. (У письменнаго стола разсѣянно играетъ большими ножницами). Я думаю, что и прежде тамъ сидѣла птица. Несомнѣнно. Во времена поэта Иргенса. (Кладетъ ножницы и медленно идетъ къ остальнымъ).
Эл. Карено. Ахъ! да я васъ совсѣмъ не объ этомъ спрашиваю. Я лучше буду говорить съ вами, г-нъ Эндрезень.
Бондезень. Бондезень.
Эл. Карено. Ахъ, простите. Постараюсь теперь запомнить.
Ервень. Ничего, г-жа Карено; не все ли равно, какъ его называть. Называйте Эндрезень; онъ вполне заслужилъ это имя, да и многія другія имена.
Набиватель. Какую же птицу мы выберемъ? Орель не подойдетъ?
Фрекенъ. Конечно орла.
Эл. Карено. Нѣтъ, ради Бога, что-нибудь поскромнѣе. Я знаю, онъ не любитъ орловъ. Онъ сказалъ: „Я не орель!“ Какъ вы думаете, г-нъ Бондезень?
Бондезень. Да... я не знаю его вкуса, но...
Эл. Карено. Голубъ также не годится. Для него. Я думала о соколѣ.

Набиватель. (Кланяясь). Я только что хотѣлъ сказать что и я подумалъ о соколѣ.
Ервень. Вы набиваете чучела птицъ?
Набиватель. (Кланяясь.) Да, это моя профессія.
Ервень. Вѣроятно, довольно трудная профессія.
Набиватель. Искусство. Ловкость. Конечно, когда работа дѣлается тонко.
Ервень. Надо дѣлать такъ, чтобы чучела выглядѣли, какъ настоящія птицы.
Набиватель. Да, какъ настоящія птицы. Какъ живыя птицы. Надо набить грудь, придать гордую осанку, вставить глаза, придать характерное выраженіе. А на подставкѣ дать такое положеніе, чтобы казалось, что она сейчасъ полетитъ.
Ервень. А чѣмъ вы набиваете своихъ чучель?
Набиватель. Конопатью, соломой. Одинъ употребляетъ одно, другой другое, но конопать употребляютъ всѣ.
Ервень. Вѣроятно, я найду къ вамъ на дняхъ и куплю себѣ такую птицу.
Фрекенъ. Ты?
Набиватель. (Кланяется). Вы мнѣ доставите большое удовольствіе. Такая птица можетъ съ успѣхомъ замѣнить общество. Она стоитъ и думаетъ, совсѣмъ какъ человѣкъ.
Ервень. Молча и глубокомысленно думаетъ о разныхъ вещахъ.
Набиватель. Я могу ихъ устроить и такъ, чтобы въ случаѣ надобности, онѣ кое-что говорили. Если ихъ нажать.
Ервень. Да? Такъ я хочу такую, которая могла бы говорить, о чемъ она думаетъ.
Набиватель. Да, но научить ихъ говорить по человѣчески нельзя. Онѣ могутъ издавать только какой-нибудь звукъ. Я къ нимъ такъ привыкъ, что могу при-

давать всевозможный смысл этому звуку. Тогда онъ доставляютъ большое удовольствіе.

Эл. Карено. (Которая все время пыталась заговорить). Значитъ, остановимся на соколѣ. Вы говорите, что онъ у васъ готовъ.

Набиватель. Да, онъ стоитъ въ мастерской.

Эл. Карено. Съ распростертыми крыльями?

Набиватель. (Киваетъ). Съ распростертыми крыльями.

Эл. Карено. Ну, хорошо. Но вы должны принести его завтра рано утромъ.

Набиватель. (Кланяется). Будетъ исполнено. (Идетъ къ двери, Ервену). Если вы пожелаете птицу, то...

Ервень. (Мрачно). Да, я зайду.

Эл. Карено. Только не забудьте. Крылья должны быть распростерты.

Набиватель. Онъ у меня уже готовъ. У меня много готовыхъ. Крылья раскрыты, какъ во время полета. (Опять кланяется). Добрый вечеръ. Надѣюсь, господа извинять. (Уходитъ).

Эл. Карено. Добрый вечеръ. (Отворяетъ ему кухонную дверь и идетъ за нимъ). Постойте, я заплачу вамъ сейчасъ же. (Уходитъ).

Ервень. А ты, Бондезень, не подалъ руки своему коллегѣ.

Бондезень. Какому коллегѣ?

Ервень. (Указываетъ движеніемъ головы на кухню). Вотъ этому.

Бондезень. (Къ фрекенъ Ховиндъ). Опять онъ острить. (Слышно, какъ Карено тихо стучитъ въ дверь изъ спальни).

Фрекенъ. А мы и забыли выпустить г-на Карено. (Идетъ и отворяетъ дверь).

Карено. (Входитъ, осматривается). Хотѣлъ бы я знать, что вы здѣсь дѣлали.

Бондезень. О, если бы вы знали. (Садится).

Эл. Карено. (Возвращается).

Карено. (Женѣ). Я только что спрашивалъ, что вы здѣсь дѣлали, но никто ничего не отвѣтилъ.

Эл. Карено. Такъ и надо; тебѣ нельзя этого знать. (Проходитъ мимо него и садится).

Карено. А, секреты! Тогда другое дѣло.

Фрекенъ. (Внезапно подвигается къ нему и беретъ его за руку). Бѣдный вы, бѣдный! Мы къ вамъ жестоки.

Карено. (Смѣясь). Это вы-то? О, нѣтъ, фрекенъ!

Фрекенъ. Вы не должны огорчаться, потому что мы не сдѣлали ничего дурного.

Эл. Карено. (Взглянувъ на нее). Господи, и она тоже начинается.

Бондезень. (Наклоняется, прислушиваясь). Вы что-то сказали?

Ингеборгъ. (Входитъ). Кофе подавать?

Эл. Карено. Да, пожалуйста.

Ингеборгъ. (Уходитъ).

Эл. Карено. Идите сюда, фрекенъ, и садитесь къ намъ. Если только можете отъ нихъ оторваться.

Фрекенъ. (Садится къ нимъ. Ингеборгъ входитъ съ кофе. Всѣ собираются вокругъ круглаго стола, и каждый беретъ свою чашку).

Эл. Карено. Благодарю, Ингеборгъ; можешь идти. (Обращаясь къ Карено, послѣ того, какъ Ингеборгъ ушла). Не понимаю, чего она стоитъ и таращитъ глаза. (Карено и Ервень берутъ свои чашки и идутъ къ письменному столу).

Ервень. (Искусственно весело). Ты что-нибудь сказалъ, Бондезень?

Бондезень. Нѣтъ.

Ервень. А мнѣ показалось, что ты предлагалъ мнѣ сигару.

Бондезень. Сигару ты можешь получить. Если дамы позволяютъ тебѣ курить. (Подаетъ ему свой портсигаръ).

Карено. Простите. Но я не могу предложить вамъ сигаръ.

(Даетъ Ервену закурить, закуриваетъ свою трубку и прячетъ коробку со спичками обратно въ карманъ. Ходить взадъ и впередъ).

Эл. Карено. Развѣ ты не видишь, Иваръ, что и другіе хотятъ закурить?

Карено. (Не слышитъ).

Эл. Карено. (Бондезену). Онъ ничего не видитъ и не слышитъ.

Бондезенъ. Ничего. Я могу закурить и здѣсь. (Встаетъ и закуриваетъ о лампу).

Эл. Карено. Ай, не обожгитесь!

Бондезенъ. (Закуривая). Это ваша нечистая совѣсть предостерегаетъ меня?

Эл. Карено. Почему?

Бондезенъ. Потому что вы боитесь, какъ бы я не обжегся еще сильнѣе.

Эл. Карено. Я васъ не понимаю. Я такая безтолковая.

Бондезенъ. Въ началѣ вечера вы такъ не заботились обо мнѣ. Вы сидѣли и очень хладнокровно превратили меня въ пламя.

Эл. Карено. (Смѣется). А вы, конечно, очень хладнокровно продолжали горѣть.

Бондезенъ. Вы ошибаетесь.

Эл. Карено. О, нѣтъ! Сядьте, г-нъ Эндрезенъ.

Бондезенъ. Вы даже не можете запомнить моего имени. (Садится).

Эл. Карено. Ахъ, простите. Теперь я его уже навѣрное запомню.

Бондезенъ. Какъ вы искренно это сказали. И вы улыбнулись, а ваши губки были красны.

Эл. Карено. (Становится внимательной, смотритъ на него безпокойно). Поговоримъ лучше о чемъ-нибудь другомъ. (Ервену). Кажется, Ервенъ, ваше настроеніе измѣнилось. Только что вы говорили такъ остроумно.

Ервенъ. (Съ ножницами въ рукахъ). Я? Я стою и думаю. Эл. Карено. Думаете, но...

Ервенъ. Молча и глубокомысленно думаю о разныхъ вещахъ.

Эл. Карено. Да, но вы сказали, когда пришли сюда, что вы веселы.

Ервенъ. (Внезапно). Да, да. Отчего мнѣ и не быть веселымъ? Разумѣется! Будь здоровъ, Карено! (Рѣзко бросаетъ ножницы на столъ и чокается своей чашкой съ Карено).

Карено. За твое здоровье. (Пьютъ. Карено кладетъ передъ нимъ нѣсколько журналовъ въ свѣтлыхъ обложкахъ). Ты это читалъ?

Ервенъ. Не спрашивай, что я читалъ. Я совсѣмъ ничего не читаю, и никогда больше читать не буду.

Фрекенъ. Карстенъ? Ты отвѣчаешь такъ странно.

Карено. (Беретъ одинъ изъ журналовъ). Здѣсь напечатаны кое-какія неглупыя вещи. Самое новое изъ нашей области. Я думалъ, что ты бы могъ воспользоваться кое-чѣмъ для своей докторской диссертациі.

Ервенъ. (Проходитъ нѣсколько разъ по комнатѣ, быстро останавливается). Ты возвращаешься уже второй разъ къ этой диссертациі, Карено. Я не понимаю, чего ты отъ меня хочешь? Ты меня, какъ будто, въ чемъ-то подозрѣваешь...

Карено. Подозрѣваю? (Смотритъ удивленно на всѣхъ). Что съ нимъ?

Ервенъ. (Съ возрастающимъ возбужденіемъ). Диссертациа готова, если тебѣ это интересно. Она уже и напечатана. И сегодня я получилъ гонораръ. Вотъ онъ. (Сильно ударяетъ себя по боковому карману). Что ты хочешь еще знать?

Фрекенъ. (Подходитъ къ нему). Карстенъ, Карстенъ! (Къ Карено). Онъ въ самомъ дѣлѣ боленъ! (Къ Ервену).

Милый Карстенъ, скажи мнѣ, что съ тобой? (Обнимаетъ его).

Карено. Я отказываюсь понимать, что онъ говорить.

Ервенъ. (Освобождаясь). Прости меня. Я прощаюсь съ тобой. Видишь ли, сегодня я, какъ бы, прощаюсь съ тобой. (Подходя къ столу). Еще разъ за твое здоровье, Карено, и да здравствуетъ практическое благоразуміе!

Карено. Съ удовольствіемъ, если тебѣ это доставить удовольствіе. (Чокается съ нимъ).

Ервенъ. Да, это доставляетъ мнѣ удовольствіе. И да здравствуетъ презрѣніе къ самому себѣ. Да здравствуетъ конопать и пакля. (Голосъ его обрывается, онъ роняетъ чашку на полъ).

Фрекенъ. Послушай, что съ тобой? (Всѣ смотрятъ на него).

Ервенъ. (Пристально смотреть внизъ на чашку; спокойно). Простите. Конечно, я не долженъ былъ это дѣлать. (Къ Карено). Больше это не повторится.

Фрекенъ. Ты переутомился. Я увѣрена, что все отъ этого.

Ервенъ. Больше всего жаль кофе. (Устало улыбаясь). Я хотѣлъ сказать маленькую рѣчь. И такъ хорошо началъ, но... Простите, г-жа Карено.

Эл. Карено. Я принесу вамъ еще кофе. Можетъ быть, еще кто-нибудь хочетъ кофе? (Никто не отвѣчаетъ. Она идетъ въ кухню).

Ервенъ. Ты такъ смотришь на меня, Карено, точно я какое-то чудо.

Карено. Сегодня ты совсѣмъ не похожъ на себя.

Ервенъ. (Холодно). Я точно такой же, какъ всегда. По крайней мѣрѣ, въ эту минуту. (Нервно пожимаетъ плечами).

Бондезенъ. Не пора ли намъ уходить?

Ервенъ. Уходить? Я не собираюсь.

Бондезенъ. По моему, хотъ совсѣмъ не уходить.

Ервенъ. Садись, Натали.

Эл. Карено. (Приноситъ кофе). Пожалуйста. Вамъ лучше?

Ервенъ. (Смѣется). Да. Теперь лучше. Вы всѣ думаете, что мнѣ было дурно. Я просто уронилъ чашку.

Эл. Карено. Ну, не стоитъ больше объ этомъ говорить... Не хочетъ ли кто-нибудь пойти на веранду? Оттуда мы услышимъ шумъ города.

Фрекенъ. Да, пойдете на веранду!

Бондезенъ. (Поднимаясь). А мнѣ можно съ вами? (Эл. Карено, фрекенъ Ховиндъ и Бондезенъ уходятъ на веранду и затворяютъ за собою дверь).

Ервенъ. Послушай, Карено... мнѣ хочется... Ты вѣдь не обидишься, если я кое-что тебѣ скажу? Тебѣ нужны сейчасъ деньги. Я могу тебѣ одолжить...

Карено. Что?

Ервенъ. Я могу тебѣ одолжить. (Опускаетъ руку въ карманъ). Ты сейчасъ въ затруднительномъ положеніи, а я нѣтъ. (Вынимаетъ пачку бумажекъ изъ конверта). Это гонораръ, который я сегодня получилъ. (Считаетъ).

Карено. Зачѣмъ ты вытасилъ эти бумажки?

Ервенъ. Я хочу ихъ отдать тебѣ. Прошу тебя, безъ глупостей.

Карено. (Остановливая его). Ты съ ума сошелъ. Я увѣренъ что эти деньги тебѣ самому нужны.

Ервенъ. Нѣтъ, я же тебѣ говорю, что теперь онѣ мнѣ не нужны. (Считаетъ). Неужели нельзя помочь немного другъ другу? По крайней мѣрѣ, я избавлю тебя отъ описи. (Протягиваетъ ему деньги). Будь такъ добръ, сосчитай самъ.

Карено. (Напряженно). Ты серьезно, Ервенъ?

Ервенъ. О чемъ же тутъ думать? Не думаешь ли ты, что эти деньги заработаны нечестно? Что я себя за нихъ продалъ?

Карено. Зачѣмъ ты это говоришь?

Ервень. Я вѣдь не знаю, что ты можешь подумать.

Карено. Я тебя не совсѣмъ понимаю... Но если бы ты могъ... Если бы ты могъ обойтись безъ... Завтра я жду судебного пристава. Они придутъ, и все опишутъ. Это такъ же вѣрно, какъ то, что я стою здѣсь. И тогда мы будемъ принуждены освободить эту квартиру.

Ервень. (Снова суетъ ему деньги). Возьми же, говорю я тебѣ.

Карено. Половины всего этого болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы заплатить всѣ мои долги.

Ервень. Ну, это неправда!

Карено. Боже избави! Я надѣюсь, что у меня никогда не будетъ такого большого долга!

Ервень. Ну, хорошо, возьми половину. (Отсчитываетъ половину, остальное прячетъ въ карманъ). И больше я ничего не хочу слышать.

Карено. Я верну тебѣ, когда... Ты вѣдь знаешь, что три четверти моей книги я уже кончилъ, и ты получишь деньги, какъ только...

Фрекенъ. (Входитъ, ежась). Брр!.. какъ тамъ холодно! (Оставляетъ дверь открытой).

Ервень. (Тихо). Спрячь деньги.

Карено. Благодарю, благодарю Ервень! (Беретъ деньги и стоитъ, держа ихъ въ рукахъ. Эл. Карено и Бондезень входятъ).

Эл. Карено. Куда вы исчезли, фрекенъ?

Карено. Знаешь, Элина, что сдѣлалъ Ервень?

Ервень. Тсс!..

Карено. (Поднимая кверху деньги). Посмотри, какъ я богатѣлъ! Все это мнѣ одолжилъ Ервень.

Эл. Карено. Не можетъ быть?

Карено. Я ему говорилъ, а онъ ничего не хотѣлъ слушать. Я знаю, что ему самому нужны деньги.

Ервень. Боже мой, скажи хоть ты ему, Натали! (Вырываетъ у Карено деньги и прячетъ ихъ ему въ боковой карманъ). Вотъ!

Эл. Карено. Это совсѣмъ неожиданная помощь!

Фрекенъ. (Порывисто бросается къ Ервену и обнимаетъ его). Это хорошо, очень хорошо, Карстенъ! Такъ и надо.

Ервень. (Освобождаясь). Не стоитъ изъ-за этого такъ волноваться. Я не понимаю, отчего мы всѣ стоимъ и смотримъ другъ на друга. Даже ты, Бондезень, стараешься о чемъ-то думать.

Бондезень. Нѣтъ, о чемъ же мнѣ думать?

Ервень. Ты меня раздражаешь. Вѣдь не укралъ я эти деньги! И не продалъ себя за нихъ! Пока еще я свободный человѣкъ.

Бондезень. Но очень неприятный! Хе-хе-хе! этого отрицать нельзя. Это-то ужъ вѣрно. Хе-хе! (Беретъ со стола журналы). Вы, господинъ Карено, объ этихъ журналахъ говорили?

Карено. Я могу ихъ дать вамъ прочитать, если вы хотите.

Бондезень. Я очень благодаренъ; вы угадали мое желаніе. Я немного интересуюсь этимъ вопросомъ. (Прячетъ журналы въ карманъ, обращаясь къ Эл. Карено). Я верну ихъ завтра утромъ.

Эл. Карено. Что?

Бондезень. Журналы. Я взялъ до завтра нѣсколько журналовъ. Когда вашъ супругъ бываетъ дома?

Эл. Карено. О, это различно.

Бондезень. Ну, хорошо, я ихъ во всякомъ случаѣ занесу. (Эл. Карено и Бондезень садятся на прежнее мѣсто).

Бондезень. Вы не озябли на верандѣ?

Эл. Карено. Озябла? Нѣтъ. Я никогда не зябну.

Бондezenъ. Вамъ всегда тепло?

Эл. Карено. Да. Если это не намекъ.

Бондezenъ. А если и намекъ?

Карено. (Стоит задумчиво). Да, что бы ни было, дай мнѣ все-таки поблагодарить тебя, Ервенъ. (Беретъ его руку и долго ее держитъ въ своей).

Фрекенъ. Я никогда еще не видала, чтобы благодарили такъ искренно!

Карено. (Улыбаясь). Правда?

Фрекенъ. Я бы съ удовольствіемъ оказала вамъ маленькую услугу, если бы могла!

Эл. Карено. Господи, какая она кокетка! Посмотрите, какъ она пристаётъ къ моему мужу.

Бондezenъ. Кто это? Фрекенъ Ховиндъ?

Эл. Карено. Вы ее знаете?

Бондezenъ. Не больше, чѣмъ вы? А что?

Эл. Карено. Она вамъ нравится?

Бондezenъ. О, да, конечно. А вамъ нѣтъ?

Эл. Карено. Нѣтъ. Я вообще не люблю дамъ. Я ихъ не выношу; я говорю, что чувствую. (Улыбаясь, смотритъ на него). Господи, я вѣдь не сказала съ ней за все время ни одного слова.

Бондezenъ. Да, но сейчасъ не зовите ее сюда!

Эл. Карено. А я хотѣла это сдѣлать.

Бондezenъ. (Умоляя). Ради Бога, не сейчасъ. Потому что я тогда не смогу больше съ вами говорить.

Эл. Карено. Мы можемъ говорить взглядами. (Зоветъ). Фрекенъ Ховиндъ! Вы все время держитесь въ сторонѣ отъ насъ.

Фрекенъ. (Подходить).

Бондezenъ. Я уже успѣлъ надоѣсть г-жѣ Карено.

Эл. Карено. Я отвѣчаю вамъ взглядомъ.

Ервенъ. Да, вотъ что, Карено, я принесъ тебѣ экземпляръ моей диссертациі. (Ищетъ въ пальто, вынимаетъ

изъ кармана книгу въ темномъ переплетѣ, его руки немного дрожатъ). Возьми ее лучше теперь, пока ты весель. Такъ лучше. Завтра или на этихъ дняхъ просмотри ее. (Кладетъ книгу на столъ). Я положу ее здѣсь.

Карено. (Хочетъ подойти и взять книгу).

Ервенъ. Нѣтъ, оставь пока. (Кладетъ на нее прессъ папье).

Карено. Хорошо, хорошо, благодарю.

Ервенъ. Но читай ее снисходительно.

Карено. (Смѣется). Твоей книгѣ, вѣроятно, и не понадобится никакого снисхожденія.

Ервенъ. (Пристально смотритъ на него, повторяетъ). Снисходительно!

Бондezenъ. Какъ они торжественны. Они говорятъ: „Снисходительно!“

Фрекенъ. Простите! (Проходя мимо госпожи Карено). Нѣтъ, сидите, пожалуйста. Останавливается около Карено и смотритъ то на на него, то на Ервена.

Эл. Карено. (Слѣдитъ за ней глазами). Опять ей туда понадобилось!

Бондezenъ. Да, опять ей понадобилось.

Эл. Карено. Ну, а мы останемся здѣсь. (Быстро подвигаетъ свой стулъ ближе къ Бондезену).

Бондezenъ. У васъ такой видъ, точно вы хотите заплакать.

Эл. Карено. (Притворно весело). И не думала. А теперь расскажите что-нибудь веселое.

Бондezenъ. Вы часто ходите зимой въ театръ?

Эл. Карено. Я въ театръ? Почему это васъ интересуеть?

Бондezenъ. Я думалъ, что если бы вы пожелали... У меня есть даровой билетъ. У меня всегда бываютъ даровые билеты.

Эл. Карено. (Громко). Правда? Вы хотите взять меня съ собой въ театръ? Мнѣ все равно, хотя бы даже на

галлерее. Я уже и забыла, когда получала это удовольствие.

Карено. (Тихо женѣ). Послушай, Элина, Ингеборгъ навѣрно еще сидитъ. Нельзя ли теперь отпустить ее спать?

Эл. Карено. (Одно мгновенье смотритъ на него). О, да, почему же нѣтъ? (Занятая словами Карено, обращается къ Бондезену разсѣянно). Да если бы вы дали мнѣ билетъ въ... (Внезапно встаетъ). Я сама скажу Ингеборгъ, если это непременно надо сказать. (Быстро идетъ мимо Бондезена и говоритъ что-то тихо въ кухонную дверь: возвращается. Фрекенъ Ховиндъ и Ервенъ тихо говорятъ другъ съ другомъ, ищутъ свои пальто).

Карено. Вы собираетесь уже уходить? Куда вамъ спѣшить? Я только подумалъ, что Ингеборгъ...

Фрекенъ. О, право, уже пора.

Эл. Карено. Вы собираетесь уже уходить? (Бондезену, который тоже всталъ). И вы тоже? (Взглядывая на Карено). Ахъ, да, я и забыла. Умѣете вы гадать? (Протягиваетъ ему ладонь).

Бондезенъ. (Беретъ ея руку, разсматриваетъ, пожимаетъ). Нѣтъ, этого я не умѣю.

Эл. Карено. (Громко). О, это не важно. Я сказала это только затѣмъ, чтобы вы взяли мою руку. У васъ такія теплыя руки.

Ервенъ. Вотъ твое пальто, Бондезенъ. (Подаетъ ему пальто).

Эл. Карено. Нѣтъ, онъ хочетъ васъ отъ меня оторвать. Дайте, я вамъ помогу. Пустите, это такъ весело. (Помогаетъ Бондезену надѣть пальто). Вотъ такъ! (Всѣ прощаются).

Ервенъ. (Отводитъ Карено въ сторону, умоляя). Не забудь, Карено: будь снисходителенъ къ моей книгѣ. Дорогой, прошу тебя!

Карено. (Шутливо). Настолько снисходителенъ, насколько это возможно. (Серьезно). Не дурачь меня. (Всѣ уходятъ черезъ дверь въ глубинѣ, которая остается открытой; слышно, какъ всѣ еще разъ прощаются).

Эл. Карено. (Входитъ; начинаетъ собирать на поднось чашки. Слышенъ стукъ калитки. Карено входитъ).

Карено. (Обнимаетъ жену). Ну вотъ, мы опять одни.

Эл. Карено. (Молчитъ).

Карено. (Вынимаетъ изъ кармана деньги). Элина, мы спасены! Посмотри!

Эл. Карено. Тебѣ было весело сегодня?

Карено. (Прячетъ деньги). Да, но Ервенъ былъ такой странный. Скажи, ты его поняла?

Эл. Карено. Нѣтъ, да я совсѣмъ и не о немъ думала.

Карено. Онъ мнѣ показался совсѣмъ другимъ, чѣмъ всегда. Но онъ такой добрый, одолжилъ мнѣ денегъ безъ всякихъ разговоровъ... Теперь можно одну лампу погасить, а? (Гаситъ). Впрочемъ, я ее сейчасъ же опять заправлю; очень можетъ быть, что сегодня мнѣ придется просидѣть за работой всю ночь.

Эл. Карено. (Опечаленная). Нѣтъ, не дѣлай этого.

Карено. (Весело). Мнѣ нужно, Элина; по правдѣ сказать, у меня сегодня нѣтъ никакого желанія ложиться спать. (Потираетъ руки). Я въ такомъ прекрасномъ расположеніи духа. Нѣтъ, видѣла ли ты что-нибудь подобное! (Достаетъ деньги и разсматриваетъ ихъ). Первое, что я завтра сдѣлаю, это пойду къ фогту и заплачу деньги. (Прячетъ деньги и обнимаетъ Элину). Что ты притихла, Элина?

Эл. Карено. За то ты такъ необыкновенно оживленъ.

Карено. У меня есть основаніе для этого.

Эл. Карено. Мнѣ кажется, что ты даже необыкновенно оживленъ. Воображаю, какъ ты сердиться на меня въ глубинѣ души, но не хочешь этого показать.

Карено. За что мнѣ на тебя сердиться?

Эл. Карено. Если ты находишь, что я сегодня вечеромъ слишкомъ много говорила съ Бондезеномъ, то такъ прямо мнѣ и скажи.

Карено. (Удивленно смотреть на нее, качаетъ головой). Сегодня вечеромъ я никого не понимаю. И ты становишься какой-то странной? Почему я могу находить, что ты слишкомъ много разговаривала съ Бондезеномъ? Развѣ онъ вель себя неприлично?

Эл. Карено. Можетъ быть, я обращала на него слишкомъ много вниманія. Я этого не отрицаю. Но онъ мнѣ такъ понравился. Онъ такъ умѣетъ... Ты замѣтилъ, какъ изящно онъ былъ одѣтъ?

Карено. Кто? Бондезень? Нѣтъ, я почти не смотрѣлъ на него. Развѣ онъ былъ изящно одѣтъ?

Эл. Карено. Ты ни разу не взглянулъ на него!

Карено. Конечно, я смотрѣлъ на него. Даже нѣсколько разъ, и замѣтилъ, что онъ одѣвается очень изящно. Если ты это находишь. Онъ долженъ такъ одѣваться, потому что часто бываетъ въ обществѣ... Пока я не забылъ, надо заправить лампу. Ингеборгъ, вѣроятно, уже легла. (Беретъ книгу Ервена и разсматриваетъ переплетъ). Этотъ Ервень написалъ обширный трудъ. Я заранѣе радуюсь, что прочитаю его. (Кладетъ книгу на столъ и идетъ въ кухню; дверь остается открытой).

Эл. Карено. (Устало падаетъ на стулъ).

Карено. (Входитъ съ жестянкой для керосина). Ты бы пошла спать, Элина. Ужъ поздно.

Эл. Карено. А мнѣ показалось, что Бондезень тебѣ не понравился. Мнѣ даже показалось, что ты даже возненавидѣлъ его за то, что онъ такъ много говорилъ со мной.

Карено. (Наливаетъ лампу). Совсѣмъ нѣтъ. Это было бы мило! (Смѣется). Возненавидѣтъ!

Эл. Карено. Ты далъ Ервену спичку, чтобы зажечь сигару, а Бондезену не далъ. Развѣ ты сдѣлалъ это не нарочно?

Карено. Я это сдѣлалъ? Я не предложилъ ему спичекъ? А развѣ онъ курилъ?

Эл. Карено. Онъ закурилъ сигару о лампу.

Карено. Это было очень невѣжливо. Но онъ, конечно, не обидѣлся. Я далъ ему потомъ нѣсколько журналовъ. (Уноситъ жестянку, оставивъ дверь открытой).

Эл. Карено. (Встаетъ, ломаетъ руки; съ тоской). Нѣтъ, нѣтъ, ничто не помогаетъ! (Плачетъ).

Карено. (Изъ кухни). Что ты говоришь?

Эл. Карено. (Не отвѣчаетъ).

Карено. Мнѣ послышалось, ты что-то сказала?

Эл. Карено. (Овладевая собою). Я сказала,—покойной ночи. (Медленно идетъ въ спальню).

Карено. (Входитъ). Да, ты права; ложись, Элина. Я еще немного поработаю. Но сначала просмотрю книгу Ервена.

Эл. Карено. (Медленно уходитъ).

Карено. (Садится передъ письменнымъ столомъ, немного прибавляетъ свѣту въ лампѣ, беретъ книгу Ервена и читаетъ. На лицѣ его появляется выраженіе мало по малу возрастающаго недоумѣнія, открываетъ книгу по срединѣ и читаетъ). Нѣтъ! (Съ возрастающимъ волненіемъ перелистываетъ и читаетъ то тамъ, то здѣсь). Нѣтъ, онъ измѣнилъ свой образъ мыслей. Ервень измѣнилъ! (Вскакиваетъ, бѣгаетъ по комнатѣ, опять заглядываетъ въ книгу). Измѣнникъ!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната Карено на слѣдующій день. Одна лампа догорѣла и потушена, другая догораеть. День.

Карено. (Сидитъ еще за работой блѣдный и усталый. Встаётъ, отворяетъ дверь въ кухню и зоветъ). Ингеборгъ! (Когда она отвѣтила). Пожалуйста, пойдѣ сюда.

Ингеборгъ. (Входитъ).

Карено. Ты не занята? Можешь сходить сейчасъ по моему порученію?

Ингеборгъ. Да.

Карено. Къ господину Ервену, Карстену Ервену, который такъ часто у насъ бывалъ. Онъ живетъ... Это всего нѣсколько минутъ отсюда.

Ингеборгъ. Да.

Карено. Отнеси ему это письмо. (Беретъ со стола уже написанное письмо). Можешь итти не переодѣваясь.

Ингеборгъ. (Протягиваетъ руку).

Карено. Подожди, я вложу туда еще деньги. Видишь? (Вкладываетъ въ письмо пачку банковыхъ билетовъ и запечатываетъ конвертъ). Это деньги, которыя онъ забылъ здѣсь вчера.

Ингеборгъ. Хорошо. (Протягиваетъ руку).

Карено. Но ты должда повидать его лично и отдать ему письмо въ руки, слышишь?

Ингеборгъ. Хорошо. (Беретъ письмо). А лампу погасить не надо? На дворѣ уже день.

Карено. Развѣ? (Гаситъ лампу, идетъ къ двери на веранду, отдергиваетъ занавѣсъ. Солнце освѣщаетъ комнату. Ингеборгъ хочетъ ему помочь). Нѣтъ, иди. Письмо у тебя?

Ингеборгъ. Да. (Идетъ по направленію къ кухнѣ).

Карено. Постой. Если Ервенъ тебя о чемъ-нибудь спроситъ...

Если онъ тебя спроситъ, не велѣлъ ли я ему кланяться, то можешь сказать—да, я велѣлъ ему кланяться.

Ингеборгъ. Хорошо.

Карено. А если онъ не спроситъ, ничего не говори.

Ингеборгъ. Нѣтъ, нѣтъ. (Уходитъ).

(Слышенъ стукъ калитки. Карено снова садится за работу, перелистываетъ бумаги, пишетъ. Калитка стучитъ снова. Вслѣдъ затѣмъ стучать въ кухонную дверь. Еще разъ, — громче).

Карено. Ингеборгъ, это ты?

Набиватель. (Входитъ съ большимъ сверткомъ въ газетной бумагѣ, кланяется). Прошу извинить. Въ кухнѣ не было никого.

Карено. Вы принесли хлѣбъ? Пожалуйста, положите его тамъ.

Набиватель. Нѣтъ, барыня...

Карено. Она еще не встала. (Берется за боковой карманъ).

Вы, можетъ быть, пришли за деньгами?

Набиватель. (Кланяется). Я долженъ былъ принести вотъ это. (Снимаетъ бумагу и высоко поднимаетъ чучело птицы).

Карено. (Съ неудовольствіемъ). Ой, что это такое?

Набиватель. Чучело, которое заказала мнѣ барыня.

Соколь.

Карено. Это, очевидно, ошибка. Вы говорите, соколь?

Набиватель. Нѣтъ, это не ошибка.

Карено. (Подходитъ). Кто заказала? Барыня?
Набиватель. (Кланяясь). Да.
Карено. (Берется за боковой карманъ). Но я, право, не знаю, есть ли... Сколько это стоитъ? Можетъ быть, вы отнесете его назадъ. (Ищетъ въ карманахъ). Потому что, къ сожалѣнью, у меня сейчасъ нѣтъ денегъ; я зайду за нимъ послѣ.
Набиватель. (Кланяясь). За птицу уже заплачено.
Карено. А, тогда, пожалуйста, положите ее тамъ. (Идетъ къ письменному столу).
Набиватель. Это изъ тѣхъ птицъ, которыя думаютъ.
Карено. Да, да.
Набиватель. Но говорить ничего не могутъ.
Карено. Положите ее гдѣ-нибудь. Положите на полъ. (Пишетъ).
Набиватель. Вы не желаете ее повѣсить?
Карено. Нѣтъ, благодарю васъ.
Набиватель. Крылья раскрыты такъ, словно она сейчасъ полетитъ. Это была лучшая птица въ моемъ лѣсу. Я показывалъ ее посѣтителямъ, какъ образецъ. Развѣ вы ея недовольны?
Карено. (Встаетъ). Простите, не будете ли вы такъ любезны положить птицу тамъ.
Набиватель. (Поспѣшно кладетъ птицу и кланяется). Добраго утра.
Карено. Добраго утра. (Садится).
Набиватель. Прошу извинить... (Уходитъ. Слышенъ стукъ калитки).
Эл. Карено. (Входитъ, еще оправляя свое платье). Съ добрымъ утромъ, Иваръ. Ты все еще работаешь?
Карено. Я сейчасъ кончаю. (Торопливо пишетъ нѣсколько строкъ).
Эл. Карено. Видишь, какъ я долго спала, а ты опять не ложился всю ночь?

Карено. (Кладетъ перо). Я былъ прилеженъ сего дня ночью. Необыкновенно прилеженъ.
Эл. Карено. (Протягиваетъ ему руку). Поздравляю, Иваръ.
Карено. (Съ удивленіемъ беретъ ее руку). Я не въ первый разъ такъ прилежно работаю.
Эл. Карено. Нѣтъ, я поздравляю тебя съ сегодняшнимъ днемъ. Неужели ты опять забылъ? Вѣдь тебѣ сегодня двадцать девять лѣтъ.
Карено. Ахъ, да, правда.
Эл. Карено. (Замѣтивъ сокола). Какъ? Онъ уже приходилъ?
Карено. Кто? Да. Только что приходилъ какой-то человекъ. Онъ что-то оставилъ. Я его не понялъ. (Показывая). Онъ положилъ гдѣ-то тамъ; онъ сказалъ: птица.
Эл. Карено. (Уныло). Какъ все это неудачно вышло!
Карено. Онъ сказалъ, что ты ее заказала.
Эл. Карено. Да, я заказала ее для тебя. Къ сегодняшнему дню. Но теперь весь сюрпризъ испорченъ. И я вижу, ты совсѣмъ не радъ. (Въ отчаяніи). Господи. (Садится).
Карено. (Смотритъ съ гримасой на сокола). Такъ эта птица для меня?
Эл. Карено. Да. Это соколъ. Я хотѣла тебѣ его подарить.
Карено. Какая странная выдумка. Такую пустую набитую шкуру.
Эл. Карено. Да, конечно, я опять сдѣлала глупость. Въ прошломъ году я тебѣ подарила картину, и она тоже тебѣ не понравилась.
Карено. Но вѣдь это было изображеніе Христа, Элина.
Эл. Карено. Ты не долженъ такъ говорить. Да, это было изображеніе Христа. Это была очень дорогая литографія. Даже мои родители посовѣтовали мнѣ ее купить.

Карено. Она же и виситъ надъ моей постелью.

Эл. Карено. Когда онъ приходилъ? Почему онъ не повѣсилъ птицу?

Карено. Я не могъ послать его къ тебѣ, пока ты не встала?

Эл. Карено. (Напряженно). Можетъ быть, ты не хочешь, чтобы птица висѣла здѣсь? (Показывая). Тамъ, на крюкѣ?

Карено. Тамъ? Ты хочешь ее тамъ повѣсить?

Эл. Карено. Нѣтъ. Пусть она валяется въ спальнѣ. Уфъ! (Быстро встаетъ, беретъ сокола и втаскиваетъ его въ дверь спальни, затѣмъ открываетъ дверь въ кухню). Ингеборгъ, развѣ ты мнѣ не обѣщала принять птицу, когда ее принесутъ?

Карено. Ингеборгъ ушла. Я ее послалъ.

Эл. Карено. (У двери въ кухню). Ты?

Карено. Я ее послалъ къ Ервену. (Встаетъ). Я долженъ тебѣ сказать, Элина, что деньги, которыя онъ мнѣ вчера далъ, я ему отослалъ.

Эл. Карено. (Подходить къ нему ближе, внимательно смотритъ на него). Это, конечно, неправда?

Карено. Это правда. Ты знаешь, что сдѣлалъ Ервень? Вся его книга—измѣна. (Берегъ книгу Ервена въ руки, взволнованно). Подумай, Элина, и Ервень тоже покорился. (Бросаетъ книгу на столъ). Ервень тоже!

Эл. Карено. Что сдѣлалъ Ервень?

Карено. Онъ измѣнилъ. Отказался отъ всѣхъ своихъ прежнихъ убѣжденій. (Беретъ книгу, перелистываетъ). Каждой страницей онъ продаетъ себя. Вотъ отчего онъ вель себя такъ вчера. (Ходитъ по комнатѣ). Отъ Ервена ничего не осталось.

Эл. Карено. (Послѣ паузы). Ты думаешь, Ервень сдѣлалъ это умышленно?

Карено. Умышленно? Вся его книга не что иное, какъ длинный переходъ къ англичанамъ и профессору Гиллингу.

Эл. Карено. Значить я была права.

Карено. Въ чемъ, Элина!

Эл. Карено. Да, въ томъ, что я говорила о профессорѣ Гиллингѣ. Если даже Ервень перешелъ на его сторону.

Карено. (Не отвѣчая, ходитъ взадъ и впередъ). Вотъ почему онъ былъ вчера такой странный. Онъ зналъ, что сдѣлалъ. (Останавливается задумчиво). Я только не понимаю его наглости, такъ говорить! Такъ смѣяться надъ профессоромъ Гиллингомъ!

Эл. Карено. И первое, что ты сдѣлалъ сегодня, это отослалъ ему деньги? Я тебя не понимаю. (Бросается на стулъ).

Карено. Неужели ты думаешь, что я могъ бы взять теперь у него деньги? Послѣ того, какъ онъ напалъ на меня сзади?

Эл. Карено. Да развѣ онъ нападаетъ именно на тебя.

Карено. Да, и на меня. (Подходить къ столу, открываетъ книгу Ервена). Читай. (Указываетъ. Эл. Карено не хочетъ смотрѣть). Нѣтъ, взгляни только на оглавленіе. И здѣсь уже три нападки на меня. Даже въ заглавіяхъ.

Эл. Карено. Ты долженъ отнестись спокойно къ тому, что онъ нападаетъ на тебя. Вѣдь ты же самъ на всѣхъ нападаешь.

Карено. (Бросаетъ книгу на столъ; ходитъ взадъ и впередъ).

Эл. Карено. Мнѣ кажется, что Ервень не придаетъ этимъ нападкамъ никакого значенія. (Карено не отвѣчаетъ). Вчера онъ былъ здѣсь и отнесся къ тебѣ такъ дружески, какъ всегда. (Карено не отвѣчаетъ). Ясно, что онъ ничего противъ тебя не имѣетъ. (Карено не отвѣчаетъ). Во всякомъ случаѣ съ его стороны было очень любезно предложить тебѣ деньги.

Карено. Я не могу ихъ взять.

Эл. Карено. Да, если ты имѣешь возможность отказаться отъ нихъ, тогда другое дѣло.

Карено. Да, но какія деньги предложилъ мнѣ Ервенъ? Гонораръ за его книгу, гонораръ за его нападки на меня,—это продажныя деньги. И ихъ онъ предложилъ мнѣ. (Раздраженно). Ахъ, оставь Ервену его деньги! Можетъ быть, я сегодня получу отъ издателя благопріятный отвѣтъ. Поддержи меня, Элина!

Эл. Карено. Нѣтъ, какъ я сказала, такъ и будетъ,—насъ опишутъ.

Карено. Нѣтъ, я этому не вѣрю. Что-то во мнѣ говорить, что этого не будетъ. (Беретъ себя за голову). Я долженъ теперь заснуть. У меня начинается кружиться голова. Потомъ я встану и снова примусь за работу. О, ты увидишь, что я могу сдѣлать! (Взволнованно). Сегодня ночью, когда я писалъ, у меня было столько мыслей въ головѣ. Ты не повѣришь, но я нашель разрѣшеніе всѣмъ вопросамъ, я постигъ жизнь, я почувствовалъ приливъ силъ.

Эл. Карено. (Около этажерки, поднимаетъ двусвѣчники одинъ за другимъ, какъ бы про себя). А не можетъ спасти даже этихъ вещей.

Карено. Не грусти, Элина. У меня большіе планы. Случай съ Ервеномъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Мнѣ казалось сегодня ночью, что я совсѣмъ одинъ въ мірѣ. Между людьми и внѣшнимъ міромъ стоитъ стѣна, но теперь эта стѣна стала тоньше, и я постараюсь разломать ее и посмотрѣть. И посмотрѣть! Ты вѣришь въ меня?

Эл. Карено. Я ничего не понимаю.

Карено. Подожди, повторяю тебѣ; подожди, дай мнѣ только окончить работу. Они могутъ сейчасъ лишить насъ крова, но когда-нибудь намъ будетъ хорошо, я въ этомъ увѣренъ.

Эл. Карено. Ты очень часто это говорилъ.

Карено. Но теперь я въ этомъ увѣренъ. И такъ какъ сбудется то, въ чемъ я увѣренъ, то мнѣ и не надо брать денегъ Ервена. До чего вы хотите меня довести! Я буду лучше просить милостыню. Къ счастью есть человѣкъ, который читаетъ теперь мою рукопись и видитъ, чего я стою.

Эл. Карено. А что ты будешь дѣлать, если издатель откажетъ? (Ходитъ взадъ и впередъ; мучительно). Господи! я такъ устала отъ всего этого. Все это тянется цѣлыхъ три года. И никогда не будетъ иначе.

Карено. Три года страданій совсѣмъ не такъ долго для такого человѣка, какъ я. Для человѣка, который стучится къ людямъ со своими свободными, какъ птица, мыслями. Даже десять лѣтъ и то не долгій срокъ. Обо всемъ этомъ я думалъ сегодня ночью. (Слышенъ стукъ калитки).

Эл. Карено. Ну, хорошо, увидимъ. У тебя даже глаза покраснѣли, Иваръ; пойдн и засни. Тебя разбудить?

Карено. Нѣтъ, я самъ проснусь. Я встану, навѣрно, черезъ четверть часа. Я только подремлю. (Уходитъ въ спальню).

Эл. Карено. (Прислушивается у двери въ глубинѣ, открываетъ ее и заглядываетъ, снова затворяетъ. Отворяетъ дверь въ кухню). Ингеборгъ, это ты?

Ингеборгъ. Да. (Входитъ красная, задыхаясь).

Эл. Карено. Я слышу, ты уходила?

Ингеборгъ. Да, я только что вернулась.

Эл. Карено. Милая Ингеборгъ, сходи, пожалуйста, еще разъ, только сначала поѣшь.

Ингеборгъ. Я уже ѣла.

Эл. Карено. Уже ѣла? (Идетъ къ этажеркѣ и беретъ двусвѣчники). Надо ихъ немножко почистить. А когда вычистишь, то (отвернувшись) отнеси ихъ въ городъ и постарайся получить подъ нихъ деньги.

Ингеборгъ. Я должна ихъ...

Эл. Карено. (Нервно перебиваетъ). Да, ты меня понимаешь. Однимъ словомъ получить подъ нихъ деньги. Подсвѣчники мнѣ пока не понадобятся.

Ингеборгъ. Хорошо, хорошо.

Эл. Карено. Только не потеряй квитанцію. Она еще важнѣе денегъ. (Ингеборгъ беретъ подсвѣчники).

Эл. Карено. Ты сдѣлаешь это, Ингеборгъ?

Ингеборгъ. Хорошо. (Идетъ).

Эл. Карено. Спасибо. (Беретъ работу, садится у круглаго стола и шьетъ. Выраженіе лица тревожное, движенія усталыя. Встаетъ, смотритъ черезъ дверь веранды, снова садится и шьетъ. Услышавъ стукъ калитки, она напряженно прислушивается, встаетъ и быстро идетъ къ двери въ глубину. Она въ сильномъ волненіи. Стучать).

Эл. Карено. (Отворяетъ). Ахъ! войдите.

Бондезенъ. (Входитъ). Съ добрымъ утромъ!

Эл. Карено. Съ добрымъ утромъ! (Протягиваетъ ему руку).

Бондезенъ. Господинъ Карено уже ушелъ?

Эл. Карено. Нѣтъ, онъ спитъ, онъ всю ночь работалъ. Присядьте. (Садится).

Бондезенъ. (Достаётъ изъ кармана нѣсколько журналовъ). Вотъ эти журналы. (Садится). А вы сидите совсѣмъ одна?

Эл. Карено. Одна, одна.

Бондезенъ. Этого вы не должны дѣлать. Вы бы пошли гулять. Сегодня такой солнечный день.

Эл. Карено. Я стояла у дверей веранды и смотрѣла на солнце.

Бондезенъ. Вамъ нужно выйти на воздухъ, нанять экипажъ, прокатиться, взять лодку, погрести.

Эл. Карено. (Безпокойно). Нѣтъ, объ этомъ вы мнѣ и не говорите.

Бондезенъ. Сегодня за городомъ устраивается большой пикникъ.

Эл. Карено. (Невольно). Неужели? И вы тоже поѣдете?

Бондезенъ. Да, я ѣду.

Эл. Карено. (Перемигиваясь). Послушайте, г-нъ Бондезенъ, я вела себя вчера немножко несдержанно. Надѣюсь, вы не осудили меня за это?

Бондезенъ. Нисколько.

Эл. Карено. Мнѣ было бы это очень непріятно.

Бондезенъ. Я? Нисколько. Я все время былъ вполне увѣренъ, что вы были, какъ вы говорите, несдержанъ но совсѣмъ не для меня, а для кого-то другого.

Эл. Карено. Для кого другого?

Бондезенъ. Вы даже говорили не для меня, а для другого.

Эл. Карено. Вы не замѣтили этого. Вы не могли этого замѣтить.

Бондезенъ. Я просто былъ постороннимъ свидѣтелемъ, Я присутствовалъ при игрѣ, но не принималъ въ ней участія. Я былъ ширмой.

Эл. Карено. Нѣтъ, вы преувеличиваете. Вы преувеличиваете. Но не будемъ больше говорить объ этомъ... А вы слышали про Ервена?

Бондезенъ. Что онъ перешелъ въ другую партію? Я узналъ объ этомъ сегодня утромъ и сейчасъ же написалъ о немъ маленькую статейку.

Эл. Карено. Противъ него?

Бондезенъ. (Улыбаясь). Нѣтъ, не противъ него. Потому что теперь его необходимо поддержать.

Эл. Карено. Да, неправда ли? Вѣдь въ томъ, что онъ сдѣлалъ, нѣтъ ничего ужаснаго?

Бондезенъ. (Смѣется). Нѣтъ, конечно, нѣтъ. Съ моей точки зрѣнія.

Эл. Карено. Не правда ли?

Бондезенъ. Потому что мы всё должны пойти по этому пути раньше или позже.

Эл. Карено. Какъ же это?

Бондезенъ. Потому что всё дѣти стануть въ свое время взрослыми. Если не умрутъ.

Эл. Карено. Да, въ такомъ случаѣ, это вполне естественно.

Бондезенъ. (Пожимая плечами). Боже мой, я самъ пережилъ это переходное время, былъ радикаломъ, свободомыслящимъ, наконецъ наступило время, когда я одумался.

Эл. Карено. И что же вы сдѣлали?

Бондезенъ. Сначала я усумнился въ теоріи объ обезьянахъ...

Эл. Карено. А потомъ?

Бондезенъ. Потомъ было еще много другого, но я перешагнулъ черезъ все это.

Эл. Карено. И перешли въ противную партію

Бондезенъ. Честно и открыто перешель въ противную партію. Началь работать въ другой газетѣ и защищать другіе интересы.

Эл. Карено. И вы смогли это сдѣлать? Для этого надо много мужества.

Бондезенъ. Обстоятельства такъ сложились, что я не могъ поступить иначе. Въ этомъ заключалось все мое мужество.

Эл. Карено. На васъ вѣроятно всё напали?

Бондезенъ. Да, въ газетахъ. Но у меня была и поддержка. Когда надо выбратъ на дорогу...

Эл. Карено. Я чувствую, что поступила бы такъ же, какъ вы. Въ концѣ концовъ надо успокоиться, стать твердо на ноги.

Бондезенъ. Вы совершенно правы. Надо перестать бросаться то направо, то налево, надо успокоиться.

Эл. Карено. Какъ вы думаете, Иваръ со временемъ тоже переимѣнитъ свои взгляды?

Бондезенъ. Я надѣюсь. Я не вѣрю, чтобы господинъ Карено, единственный изъ всѣхъ насъ, не выбрался на истинную дорогу, но для этого нужно время.

Эл. Карено. Да, къ сожалѣнію, вѣроятно, понадобится много времени.

Бондезенъ. Вы говорите къ сожалѣнію? (Улыбаясь). А что если бы васъ подслушалъ вашъ мужъ?

Эл. Карено. Мнѣ все равно.

Бондезенъ. Что вамъ все равно?

Эл. Карено. Ахъ, ничего. Мой мужъ спитъ.

Бондезенъ. Какая тишина въ этомъ домѣ!

Эл. Карено. Что вы будете дѣлать за городомъ?

Бондезенъ. Веселиться. Выпьемъ немножко шампанскаго, потанцуемъ.

Эл. Карено. Вы будете танцовать? Я еще не такъ стара, а уже забыла, какъ танцуютъ.

Бондезенъ. Поѣдемте вмѣстѣ, вамъ будетъ такъ весело.

Эл. Карено. Нѣтъ, что вы? Развѣ я могу ѣхать за городъ съ вами!

Бондезенъ. Мы всё будемъ васъ носить на рукахъ.

Эл. Карено. (Переимѣнивъ тонъ). Господинъ Бондезенъ, вы правы. Мое вчерашнее поведеніе относилось главнымъ образомъ къ другому человеку.

Бондезенъ. Вы можете и не говорить объ этомъ, я и самъ это видѣлъ.

Эл. Карено. Ахъ Боже мой, я была въ такомъ отчаяніи и хотѣла это показать.

Бондезенъ. И достигли своей цѣли?

Эл. Карено. Нѣтъ, ничего не достигла.

Бондезенъ. Жаль, потому что вы приложили не мало старанія.

Эл. Карено. (Отъ души). Не осуждайте меня! Я очень прошу васъ! Если бы вы могли понять мое состояніе! Знаете вы, что дѣлается у насъ въ домѣ? Сегодня утромъ онъ отослалъ назадъ Ервену деньги, и мы опять въ прежнемъ положеніи. Онъ не думаетъ ни обо мнѣ, ни о себѣ. Онъ думаетъ только о своей работѣ, исключительно о своей работѣ. Это продолжается уже, три года. Но онъ говоритъ, что три года пустяки, даже десять лѣтъ, по его мнѣнію, не долгій срокъ. Я подумала, что если онъ такъ себя ведетъ, это значитъ, что онъ меня не любитъ. Я никогда его не вижу. По ночамъ онъ работаетъ, работаетъ до разсвѣта. Это ужасно! Я была способна сжечь всѣ его рукописи. Я ревновала его къ Ингеборгъ, отказала ей...

Бондезенъ. Ингеборгъ? Кто это?

Эл. Карено. Наша прислуга.

Бондезенъ. Которая подавала вчера кофе?

Эл. Карено. Да.

Бондезенъ. (Улыбается и качаетъ головой).

Эл. Карено. Я знаю, что это было глупо. Но я для него совершенно не существовала, и мнѣ казалось, что должна же быть какая-нибудь причина этого. А сегодня утромъ принесли сокола, знаете? Вы думаете онъ захотѣлъ его тутъ повѣсить?

Бондезенъ. Гдѣ же онъ захотѣлъ его повѣсить?

Эл. Карено. Онъ совсѣмъ его не хотѣлъ. Я это замѣтила. Теперь соколъ валяется въ спальнѣ на полу. Такъ всегда и всегда.

Бондезенъ. (Откашливаясь). Дѣло въ томъ, что вы еще слишкомъ молоды для того, чтобы быть замужемъ. Все дѣло въ этомъ.

Эл. Карено. Да, правда. Я слишкомъ молода для этого.

Бондезенъ. И онъ долженъ былъ бы это понять.

Эл. Карено. Но онъ этого совсѣмъ не понимаетъ. Онъ

такъ увѣренъ, что я всецѣло принадлежу ему (послѣ паузы), но онъ не долженъ быть въ этомъ слишкомъ увѣренъ.

Бондезенъ. Что вы хотите этимъ сказать?

Эл. Карено. (Молчить).

Бондезенъ. Вы хотите доказать ему, что онъ ошибается?

Эл. Карено. (Молчить).

Бондезенъ. Простите, если мой вопросъ былъ нескроменъ. Но я такъ бы хотѣлъ вамъ чѣмъ-нибудь помочь.

Эл. Карено. (Взглянувъ на него). Я очень вамъ благодарна зато, что вы пришли, г-нъ Бондезенъ. Я ждала васъ. Мнѣ было такъ грустно, а вы приносите съ собой столько жизни. Вы сказали: „съ добрымъ утромъ“, и казалось, что для васъ было счастьемъ сказать эти слова.

Бондезенъ. Это правда. Пожелать вамъ добраго утра.

Эл. Карено. Вчера я васъ немножко боялась. Помните, что вы сказали по поводу этихъ журналовъ?

Бондезенъ. Да.

Эл. Карено. Вы сказали, что принесете ихъ назадъ сегодня и спросили, когда мой мужъ бываетъ дома.

Бондезенъ. Да, и..?

Эл. Карено. Знаете, у меня было такое чувство, какъ будто вы спрашиваете, когда моего мужа не бываетъ дома, и я стала немножко васъ бояться.

Бондезенъ. Вы и теперь меня боитесь? (Беретъ ее за руку).

Эл. Карено. (Отодвигаетъ немного отъ него стулъ). Нѣтъ. Теперь нѣтъ... Но не истолковывайте и этого въ дурную сторону. Я не очень смѣла, но все-таки...

Бондезенъ. (Улыбаясь). Будьте покойны, я ничего никакъ не истолковываю. Я все еще сижу здѣсь и изображаю послушную ширму.

Эл. Карено. Ширму? теперь? Вы это думаете, вы? (Измѣ-

нивъ тонъ). А много дамъ ѣдутъ съ вами за городъ?
Вы поѣдете въ экипажахъ?

Бондезенъ. Да, они уже заказаны. Шампанское и музыку мы веземъ съ собой.

Эл. Карено. А Ервень тоже ѣдетъ съ вами? И фрекень Ховиндъ?

Бондезенъ. Они уже приглашены.

Эл. Карено. И вы часто устраиваете такія прогулки?

Бондезенъ. Сегодня совсѣмъ особенный случай. Сегодня мы празднуемъ рожденіе одного изъ нашей компаніи.

Эл. Карено. (Вздрагивая). Рожденіе?

Бондезенъ. Да. Что съ вами?

Эл. Карено. Ничего, я только вспомнила, что у насъ тоже сегодня рожденіе. (Грустно улыбается.) Только оно у насъ не празднуется.

Бондезенъ. А, развѣ сегодня день рожденія г-на Карено?

Эл. Карено. Да.

Бондезенъ. Поздравляю... Ну, музыка и шампанское это просто глупыя выдумки. Можно прекрасно провести день рожденія и безъ этого.

Эл. Карено. Но вѣдь это праздникъ. Когда я говорю слово „праздникъ“, я вижу веселыхъ мужчинъ съ цвѣтами въ петлицахъ, въ шляпахъ на затылкѣ, улыбки, слышу смѣхъ, „застегните мнѣ перчатку, завяжите мнѣ башмакъ!“ „Съ удовольствіемъ, фрекень“ — и всѣ веселятся, а потомъ кто-нибудь влѣзетъ на камень и говорить рѣчь, и, если она не удастся, всѣ громко смѣются. А затѣмъ играетъ музыка.

Бондезенъ. И танцуютъ.

Эл. Карено. Да, танцуютъ. (Безпокойно встаетъ, съ улыбкой). Какъ смѣшно, я сижу здѣсь, а мысли мои тамъ.

Бондезенъ. (Настойчиво). Развѣ вы не можете быть тамъ?

Эл. Карено. Нѣтъ, нѣтъ, ни въ коемъ случаѣ. (Взглянувъ на веранду, поворачивается, подходитъ къ нему ближе, стоитъ одну минуту и смотритъ на него сзади).

Бондезенъ. (Оборачиваясь). На что вы смотрите?

Эл. Карено. (Садится). Почему вы сказали, что вы ширма?

Бондезенъ. Ну да, ширма или Эндрезенъ или NN... Это все одно и то же.

Эл. Карено. Я сегодня ни разу не назвала васъ Эндрезенъ.

Бондезенъ. Да, вы меня такъ не называли, и это меня удивляетъ.

Эл. Карено. Я запомнила ваше имя, я думала о васъ.

Бондезенъ. (Беретъ ее за руку). Это правда?

Эл. Карено. Да. Правда. И я ждала васъ. (Отнимаетъ свою руку и встаетъ. Въ другомъ тонѣ). Вы принесли журналы? Благодарю. Я передамъ ихъ ему. (Кладетъ журналы на столъ).

Бондезенъ. (Всталъ одновременно съ ней). Вы хотите меня прогнать? (Она не отвѣчаетъ). Вы меня ждали?

Эл. Карено. Да, мнѣ хотѣлось поговорить съ кѣмъ-нибудь.

Бондезенъ. Милая г-жа Карено, вы не разсердитесь, если я вамъ что-то скажу.

Эл. Карено. (Опустивъ глаза). Нѣтъ, не говорите.

Бондезенъ. Я только хочу сказать, что я откажусь отъ поѣздки. Я не поѣду за городъ.

Эл. Карено. Почему?

Бондезенъ. Меня больше не тянетъ. Я буду чувствовать себя одинокимъ, если васъ не будетъ съ нами.

Эл. Карено. Нѣтъ, вы не должны такъ говорить. Вы не должны забывать, что...

Бондезенъ. (Въ сильномъ возбужденіи). Я ни о чемъ не помню. Мнѣ все равно. Увижу я васъ сегодня вечеромъ? Пойдете вы гулять? Пойдете вы въ городъ?

Эл. Карено. (Невольно). Нѣтъ, только не въ городъ.
Бондезенъ. Гдѣ хотите. Здѣсь? На улицѣ? (Порывисто обнимаетъ ее и цѣлуетъ).
Эл. Карено. Нѣтъ! Нѣтъ! Пустите меня! (Сама страстно обнимаетъ его, опускаетъ руки, вырывается; прерывисто дыша). Что вы дѣлаете? Вы совсѣмъ... Вы забываете...
Бондезенъ. (Умоляюще). Боже мой, послушайте...
Эл. Карено. Тсс!.. (Прислушивается, тяжело дыша). Онъ проснулся. Уходите, уходите! Нѣтъ, останьтесь! Не уходите.
Бондезенъ. (Обнимаетъ ее). Здѣсь на углу, въ восемь часовъ?
Эл. Карено. (Быстро). Да.
(Въ эту минуту отворяется дверь спальни, входитъ Карено. Увидя ихъ, онъ отступаетъ назадъ. Бондезенъ отнимаетъ руку отъ талии Эл. Карено).
Карено. Ахъ!
Бондезенъ. (Кланяясь). Я хотѣлъ... я принесъ...
Эл. Карено. Ты такъ мало спалъ?
Карено. (Овладевъ собой). Я совсѣмъ не могъ спать. (Медленно идетъ на средину комнаты).
Бондезенъ. Я принесъ журналы, которые вы такъ любезно дали мнѣ вчера. Я очень вамъ благодаренъ. (Подходить къ письменному столу и беретъ журналы; руки его дрожатъ). Здѣсь есть очень интересныя вещи. (Отдаетъ журналы Карено).
Карено. Благодарю васъ. (Кладетъ журналы на столъ, идетъ медленно къ двери на веранду, смотреть въ садъ; задумчиво). Хорошая сегодня погода.
Бондезенъ. Удивительная. Не вѣтрено, солнце, тепло.
Карено. (Оборачиваясь). Элина, а кофе будетъ?
Эл. Карено. (Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по направленію къ кухнѣ).

Бондезенъ. Для осени удивительно, теплая погода.
Карено. (Отходить отъ двери на веранду). Да, хорошая. Если такъ продолжится, по крайней мѣрѣ, можно работать, сидя въ саду. (Женѣ). Принеси мнѣ поѣсть.
Эл. Карено. Сейчасъ, сейчасъ. Я еще и сама не пила кофе. (Идетъ къ кухонной двери).
Бондезенъ. (Веретъ шляпу). Еще разъ благодарю васъ за журналы. (Кланяясь). Добраго утра.
Карено. Добраго утра!
Эл. Карено. (Провожаетъ Бондезена до двери въ глубинѣ). Я вамъ отворю. Прощайте, прощайте. (Выпускаетъ Бондезена, идетъ опять къ кухонной двери, не глядя на Карено). Почему же ты не заснулъ? Тебѣ это необходимо.
Карено. Послушай, Элина, что это была за... странная поза, въ которой я тебя засталъ, когда вошелъ.
Эл. Карено. Поза, какая поза?
Карено. Показаться мнѣ не могло. Меня точно укололо въ сердце.
Эл. Карено. Я не знаю, о чемъ ты говоришь?
Карено. Но Боже мой, развѣ онъ тебя не обнималъ, этотъ человѣкъ?
Эл. Карено. (Не отвѣчаетъ).
Карено. Этого еще никогда не было. Онъ обнялъ тебя обѣими руками. Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?
Эл. Карено. (Равнодушно). Совсѣмъ не обѣими руками.
Карено. Я не понимаю, что это за поведеніе. Ты не должна позволять этому человѣку быть такимъ дерзкимъ.
Эл. Карено. Я не знаю о комъ ты говоришь? Бондезенъ совсѣмъ не дерзкій.
Карено. (Нѣкоторое время пристально смотритъ на нее). Да, ну хорошо, зачѣмъ онъ приходилъ сегодня?
Эл. Карено. Онъ принесъ журналы, которые взялъ у тебя.

Карено. Да, но кроме того? Для того, чтобы вынуть из кармана несколько тетрадей, не нужно столько времени.

Эл. Карено. (Отворяет дверь в кухню и смотрит туда).

Карено. Ты слышишь? Я спрашиваю, что ему еще здесь было нужно?

Эл. Карено. Еще? Что ему еще было нужно? Я не знаю, что ему было нужно. Мы просто сидели, разговаривали.

Карено. О чем?

Эл. Карено. Не прикажешь ли давать тебе отчет?

Карено. Да, конечно. Это необходимо, как мне кажется.

Эл. Карено. (Смеется). Ах, скоро мне будет совсем не интересно, что „тебе кажется“.

Карено. Что ты говоришь?

Эл. Карено. Ничего. Ради Бога, не доводи до того, чтобы мы выцарапали друг другу глаза... Я хотела сказать, что кофе готов. Принести сюда?

Карено. Сюда являются люди по самым странным делам. И когда я случайно вхожу, то вижу... Но мне все равно. Если ты сама в этом ничего не находишь, то...

Эл. Карено. Принести тебе есть?

Карено. (Быстро.) Благодарю. Я сказал, нет.

Эл. Карено. (Уходит на кухню).

Карено. (В сильном волнении ходит по комнате, останавливается, смотрит пристально на пол, качает головой и снова ходит. Бросается на стул. Слышен стук калитки. Стучать. Карено встает).

Ервент. (Входит, останавливается на минуту в дверях и говорит принужденно развязно). Съ добрым утром, Карено!

Карено. Съ добрым утром!

Ервент. Я только на минуту. (Протягивает руку. Карено пожимает ее, не смотря на него).

Ервент. У тебя сегодня разстроенный вид.

Карено. (Не отвечает).

Ервент. (Бояливо, шутливо). Сегодня ты меня не спрашиваешь, не устал ли я? (Нервительно улыбается и садится).

Карено. Я не очень рад видеть тебя сегодня, Ервент.

Ервент. Я это вижу. Ты прислал мне сегодня утром письмо.

Карено. Да. Благодарю тебя за услугу, но взять от тебя денег я не могу.

Ервент. (После паузы). Я хотел тебя об этом очень просить.

Карено. Если ты пришел только за этим, то можешь спокойно уйти назад. Это все, что я могу тебе сказать.

Ервент. Если я не ошибаюсь, между нами стала моя книга?

Карено. Да, твоя книга.

Ервент. Ты, значит, не заметил в ней ничего особенного? Ты не заметил того, что стоит между строк?

Карено. Нет, что же там?

Ервент. (Молчит).

Карено. Нет, не заметил.

Ервент. Я думал, что ты, который так хорошо меня знаешь, заметишь, какого страшного труда мне стоило написать эту книгу так, как я ее написал.

Карено. Я не могу сказать, что заметил это. Пожалуй, вначале, ты как будто колеблешься, опускаешь глаза.

Ервент. И таких мест много.

Карено. Ну да, немножко краски на щеках, маленькое смущение, но скоро ты овладеешь собой, и пишешь дальше.

Ервент. Я был вынужден сделать это.

Карено. Да? Вынужден?

Ервенъ. Если бы я написалъ диссертацию иначе, то никогда не получилъ бы докторской степени.

Карено. А статья докторомъ тебѣ было необходимо.

Ервенъ. Да. Иначе я не получилъ бы стипендіи.

Карено. Кто это сказалъ?

Ервенъ. Профессоръ Гиллингъ.

Карено. Да, это другое дѣло, если онъ такъ сказалъ.

Ервенъ. Съ того дня, какъ профессоръ Гиллингъ пришелъ и далъ мнѣ свой добрый совѣтъ, я зналъ, чего мнѣ держаться. Вѣдь рука опредѣляетъ номеръ перчатки.

Карено. А стипендія тебѣ была необходима? Безъ нея ты не могъ жить?

Ервенъ. Нѣтъ, но безъ стипендіи я не могъ жениться.

Карено. Какъ ты все это обдумалъ, Ервенъ. Знаешь, все это показываетъ тебя въ удивительномъ свѣтѣ.

Ервенъ. Я понимаю, что все это должно казаться тебѣ ужаснымъ.

Карено. Да, мнѣ кажется. И послѣ того какъ сдѣлка была совершена и товаръ проданъ, ты приходишь и суешь мнѣ въ руки деньги. Въ мои руки! эти деньги! Я даже не знаю, какъ это назвать. Вѣрнѣе,—я слишкомъ хорошо знаю, какъ это назвать.

Ервенъ. Да, ты это хорошо знаешь?

Карено. Разумѣется, слово у меня на языкѣ. Теперь все ясно. Наши дороги расходятся; ты ничего не теряешь; ты получаешь свою награду. Я только не понимаю твоего поведенія вчера вечеромъ, твоего издѣвательства надъ профессоромъ Гиллингомъ. Что это значило? Я никогда тебя такимъ не видѣлъ, ты былъ смѣлѣе, чѣмъ всегда, наносилъ ему ударъ за ударомъ, убивалъ его своимъ презрѣніемъ. Я не понимаю, чего ты хотѣлъ этимъ достигнуть.

Ервенъ. Я ничего не хотѣлъ. Для меня было облегченіемъ свободно излить душу въ оставшіеся часы, пока ты еще ничего не зналъ.

Карено. Жалкое облегченіе!

Ервенъ. (Порывисто, сжимая руки). Но я все тотъ же, какимъ былъ прежде, меня заставляли признать ученіе, несогласное съ моимъ убѣжденіемъ. Но въ глубинѣ души я все тотъ же. Меня не удастся поколебать никогда.

Карено. Ха-ха-ха! Да, не правда ли? Да, стой твердо на своемъ! Въ глубинѣ души! Ха-ха-ха!

Ервенъ. (Обиженно). Тебѣ смѣшно? Что ты знаешь обо всемъ этомъ? Я говорю тебѣ, что я твердо стою на своей прежней точкѣ зрѣнія.

Карено. (Съ удивленіемъ смотреть на него). Да, да, Ервенъ. Но прости меня, мнѣ сейчасъ некогда. И мнѣ очень трудно говорить съ тобой дальше. (Разбираетъ бумаги на столѣ).

Ервенъ. (Покорно). Я уйду.

Карено. Нашъ дальнѣйшій разговоръ ни къ чему не приведетъ.

Ервенъ. Я хочу отъ тебя, Карено, только одного. Возьми деньги. Сдѣлай это, очень прошу тебя.

Карено. (Медленно). Неужели у тебя не осталось никакого стыда?

Ервенъ. Для меня это очень важно. И я не сталъ бы умолять тебя, если бы видѣлъ другой исходъ. Натали пришла сегодня ко мнѣ. Мы говорили о тебѣ. Когда я получилъ твое письмо, она была возлѣ меня, увидала деньги, и потребовала, чтобы я показалъ ей письмо, и я показалъ.

Карено. Ну?

Ервенъ. Она вернула мнѣ кольцо.

Карено. Кольцо?

Ервенъ. Она взяла назадъ свое слово.

Карено. Нѣтъ, этого она не сдѣлала.

Ервенъ. (Вынимаетъ кольцо изъ жилетнаго кармана и смотритъ на него). Она сняла его съ пальца и отдала мнѣ.

Карено. Она ничего не сказала?

Ервенъ. Она сказала, что догадывается, что я сдѣлалъ что-нибудь дурное. Она поняла это изъ твоего письма.

Карено. И она ушла, не объяснившись?

Ервенъ. О нѣтъ, она объяснилась. Ты видѣлъ вчера, какая она увлекающаяся, довѣрчивая, страстная. Она не пойдетъ ни на какія сдѣлки. Она была такъ рада, что я могъ дать тебѣ денегъ, и что ты ихъ взялъ. И когда сегодня я получилъ ихъ обратно, она не могла не догадаться.

Карено. Вотъ видишь, Ервенъ. Награды, самыя разнообразныя награды!

Ервенъ. Но ты можешь еще спасти меня. Я ее спросилъ: „Ты отдаешь мнѣ это кольцо навсегда?—„Да“, сказала она. „Но, можетъ быть, я смогу еще все исправить, еще не поздно? Я пойду къ Карено и объясню ему все“.—„Да, иди къ Карено“,—сказала она.

Карено. Я не могу тебѣ помочь.

Ервенъ. Она тебѣ вѣритъ. Ты произвелъ на нее впечатлѣнiе. (Опустивъ руку въ карманъ). Возьми деньги.

Карено. Нѣтъ, денегъ я не возьму. (Беретъ пачку бумагъ).

Ервенъ. Ты идешь въ садъ работать?

Карено. Да, когда ты уйдешь. Почему ты спрашиваешь?

Ервенъ. Такъ, просто.

Карено. Я хочу быть одинъ.

Ервенъ. (Умоляя). Карено, прежде чѣмъ уйти...

Карено. (Топая ногой). Ервенъ!..

Ервенъ. (Идетъ къ двери).

Карено. (Ему вслѣдъ). Еще одно: ступай и раздай свои деньги попамъ. (Возвращается къ столу).

Ервенъ. (Уходитъ. Калитка захлопывается).

Эл. Карено. (Входитъ).

Карено. Здѣсь былъ Ервенъ.

Эл. Карено. (Молчитъ).

Карено. Я говорю, здѣсь былъ Ервенъ.

Эл. Карено. Да, я слышала, что ты сказалъ.

Карено. Но я не слышала, что ты отвѣтила. Можетъ быть, тебя это не интересуеть?

Эл. Карено. Говоря откровенно, нѣтъ.

Карено. Послѣ сегодняшняго гостя ты интересуешься только собой.

Эл. Карено. Но, милый Иваръ, какое мнѣ дѣло до того, былъ ли здѣсь Ервенъ или не былъ? (Беретъ работу).

Карено. Дѣла Ервена очень плохи. Его невѣста взяла назадъ свое слово.

Эл. Карено. Взяла назадъ слово?

Карено. Вернула ему кольцо.

Эл. Карено. Почему?

Карено. Вѣроятно потому, что она его разлюбила. Она догадалась, что онъ себя продалъ.

Эл. Карено. (Пожимая плечами).

Карено. Я съ нею согласенъ. Она поступила гордо. Тебѣ, вѣроятно, это не кажется?

Эл. Карено. Я ничего въ этомъ не понимаю.

Карено. (Раздраженно). Да, ты права. Ты такъ далека отъ этого. Ты бы этого не сдѣлала.

Эл. Карено. Да, у меня, вѣроятно, больше терпѣнiя. Я бы терпѣла. Ну, нѣсколько лѣтъ.

Карено. Потому что твоей гордости ничего не стоитъ согнуться.

Эл. Карено. Ты правъ. Я очень многому подчиняюсь.

Карено. Да, ты многому подчиняешься.
Эл. Карено. Напримѣръ, всему тому, что я переношу отъ тебя.
Карено. Отъ другихъ ты переносишь гораздо больше.
Эл. Карено. Что ты хочешь этимъ сказать?
Карено. Я хочу этимъ сказать, что ты позволяешь чужому человѣку обнимать себя и не даешь ему пощечины.
Эл. Карено. (Пожимаетъ плечами). Опять!
Карено (Ходить взадъ и впередъ). Такой ничтожный ожирѣвшій молокососъ. Есть насѣкомья, которыя называются жирными оводами, а это—гадъ.
Эл. Карено. (Молчить).
Карено. За то хорошо одѣтъ! Не правда ли, онъ хорошо одѣтъ?
Эл. Карено. (Молчить).
Карено. У него, кажется, вышитые платки?
Эл. Карено. У него, вѣроятно, есть для этого средства.
Карено. Еще бы! И они ему къ лицу.
Эл. Карено. Конечно.
Карено. Что же васъ такъ сблизило? Впрочемъ, меня это не касается, вѣдь я только твой мужъ.
Эл. Карено. Если бы я тебя не знала, то могла бы подумать, что ты ревнуешь.
Карено. (Останавливаясь). Ревную? Нѣтъ, послушай, Элина!
Эл. Карено. Тогда не говори такъ!
Карено. Ревную? Ха-ха-ха! (Ходить взадъ и впередъ). Но послѣ того, что я видѣлъ собственными глазами, я могу ожидать еще большаго. Я это видѣлъ. (Показывая). Я вышла изъ этой двери. И ты ему позволяла. Естественно, является вопросъ, что же послѣдуетъ за этимъ? Свиданіе?
Эл. Карено. (Послѣ минутнаго раздумья, внезапно и несдержанно). Да, свиданіе! (Бросаетъ работу на столъ, встаетъ и дѣлаетъ шагъ къ нему). Свиданіе!

Карено. (Стоитъ минуту и смотритъ на нее удивленно, съ упрекомъ). Элина!
Эл. Карено. Да, свиданіе! Что ты еще хочешь знать?
Карено. (Холодно). Ничего. Я только хочу быть далеко отсюда, чтобы мнѣ не приходилось входить въ неподходящую минуту.
Эл. Карено. (Снова берется за работу).
Карено. Все это начинаетъ становиться забавнымъ. Тебѣ не кажется?
Эл. Карено. О, да. Веселый день рожденія. Большой семейный праздникъ.
Карено. Этого никогда не было за всѣ три года. Вѣроятно, я плохо тебя зналъ раньше. (Останавливается около этажерки).
Эл. Карено. (Бросаетъ работу и встаетъ). Нѣтъ, это становится невыносимымъ!
Карено. О, сиди, Элина. Я ухажу. Я буду работать.
Эл. Карено. (Садится).
Карено. Комната опять въ твоёмъ полномъ распоряженіи. Для чего хочешь... Но я вижу, нѣтъ подсвѣчниковъ! Гдѣ они?
Эл. Карено. (Смущенно). Подсвѣчники?
Карено. Я спрашиваю, гдѣ они?
Эл. Карено. Я попросила Ингеборгъ ихъ почистить.
Карено. У насъ въ домѣ, повидимому, происходятъ необыкновенныя вещи. Не могу же я ничего обо всемъ этомъ не знать. Ты говоришь, что отдала подсвѣчники Ингеборгъ?
Эл. Карено. Да.
Карено. (Собираетъ свои письменныя принадлежности) Если принесутъ письмо, закричи мнѣ въ садъ. (Уходитъ на веранду).
Эл. Карено. (Сидитъ, глубоко задумавшись; затѣмъ встаетъ и быстро ходитъ взадъ и впередъ. Ея лицо и движе-

нія выражаютъ мучительное безпокойство. Слышенъ стукъ калитки. Вслѣдъ затѣмъ изъ кухни входитъ Ингеборгъ. Въ рукахъ у нея свертокъ). Ну?

Ингеборгъ. (Развертываетъ свертокъ.) Они не взяли подсвѣчниковъ. Я была у двоихъ.

Эл. Карено. Не взяли?

Ингеборгъ. Нѣтъ. Они говорятъ, что они не настоящіе. (Ставить подсвѣчники на этажерку).

Эл. Карено. Что? Подсвѣчники не настоящіе?

Ингеборгъ. Нѣтъ, они сказали, что это не настоящее серебро, а накладное.

Эл. Карено. Не можетъ быть! Подсвѣчники, которые намъ подарили родители.

Ингеборгъ. Да, но они оба это сказали, и я подумала, что не стоитъ ходить къ другимъ.

Эл. Карено. Это неправда! Неужели ты думаешь, что отецъ и мать, такіе честные люди, стали бы намъ дарить поддѣльные вещи.

Ингеборгъ. Если барыня хочетъ, я попытаюсь еще разъ.

Эл. Карено. Ахъ, нѣтъ, оставимъ пока. Я только не хотѣла бы, Ингеборгъ, чтобы ты думала, что они посеребрены. Вѣдь мы получили ихъ отъ родителей.

Ингеборгъ. Я и не думаю.

Эл. Карено. Ну, благодарю. Больше мнѣ ничего не надо. Не говори только никому объ этомъ, понимаешь? Не говори, куда ты ходила.

Ингеборгъ. Зачѣмъ же. (Уходитъ).

Эл. Карено. (Разсматриваетъ подсвѣчники, стучить по нимъ, слушаетъ). Не настоящіе! (Ставить подсвѣчники на мѣсто, отворяетъ дверь на веранду и зоветъ). Иваръ, пойди на минутку.

Карено. (Сейчасъ же появляясь). Принесли письмо?

Эл. Карено. Я только хотѣла показать тебѣ подсвѣчники.

Карено. Да, а письма не приносили?

Эл. Карено. Я говорю, я хотѣла показать тебѣ подсвѣчники. Вотъ они. Ты вѣдь увѣренъ, что у насъ въ домѣ происходятъ необыкновенныя вещи!

Карено. (Съ раскаяніемъ). Элина, милая, не говори такъ?

Эл. Карено. А что ты думалъ, я сдѣлала съ подсвѣчниками?

Карено. Я просто безпокоился.

Эл. Карено. Да, но я хочу знать.

Карено. Я ничего не думалъ. Я только подумалъ, что если дѣло дойдетъ до того, что придетъ фогтъ, то онъ долженъ найти все, что у насъ есть. Вотъ что я подумалъ. Ты должна мнѣ простить, Элина.

Эл. Карено. Нельзя быть такимъ придирчивымъ. Ты становишься все раздражительнѣе и подозрительнѣе. Въ концѣ концовъ, я не смогу двинуться, чтобы тебѣ не понадобилось знать, почему и зачѣмъ.

Карено. Нѣтъ, я не буду слѣдить за тобой. Я уже думалъ объ этомъ.

Эл. Карено. Я должна давать подробное объясненіе каждому пустяку. Я увѣрена, что, если я выйду сегодня вечеромъ только на улицу, только за калитку, — сейчасъ же поднимется цѣлая исторія.

Карено. Да нѣтъ же, Элина!

Эл. Карено. Очень можетъ быть, что ты даже пойдешь за мной и будешь слѣдить.

Карено. Что ты говоришь! Не будь же теперь ты сама придирчива. Иди на улицу, дѣлай, что хочешь, я буду спокойно сидѣть здѣсь. Неужели ты считаешь меня настолько пошлымъ? (Обнимаетъ ее).

Эл. Карено. (Освобождается). О, нѣтъ, этого не надо.

Карено. Элина, не будемъ больше ссориться. Я сидѣлъ тамъ въ саду и думалъ объ этомъ. Не надо.

Эл. Карено. Мнѣ тоже такъ кажется.

Карено. Онъ не приставалъ къ тебѣ сегодня, этотъ Бондезенъ? Скажи мнѣ только это.

Эл. Карено. Нѣтъ, конечно, нѣтъ.

Карено. Я боялся только этого. Мнѣ показалось, что онъ стоялъ слишкомъ близко къ тебѣ. И его рука... И онъ смотрѣлъ на тебя такими чувственными глазами. Этого я не могъ перенести. Ты не должна на меня за это сердиться, Элина. Я ничего не могъ съ собой подѣлать. Кромѣ того, я такъ усталъ, я не спалъ сегодня всю ночь.

Эл. Карено. Такъ почему же ты не заснешь?

Карено. Сейчасъ? Нѣтъ, сейчасъ я хочу работать. Последнее время мнѣ такъ мѣшали. У меня былъ настоящій пріемъ. Ахъ, съ каждымъ часомъ я чувствую себя все сильнѣе. Меня не смогутъ побѣдить, напротивъ... Ты на меня не смотришь, Элина? Ты слушаешь меня такъ равнодушно.

Эл. Карено. Я слышу, что ты говоришь.

Карено. Да, но у тебя такой равнодушный видъ, ты думаешь о другомъ. (Эл. Карено беретъ работу и садится).

Карено. Мы чуть было не вцѣпились другъ другу въ волосы. (Смѣется). Это было не хорошо. Но теперь мы опять по прежнему добрые друзья, не правда ли? Пожалуй, мы стали еще лучшими друзьями.

Эл. Карено. Который теперь часъ?

Карено. Я пойду въ кухню и посмотрю. (Хочетъ итти.)

Эл. Карено. Нѣтъ, благодарю. Это не важно.

Карено. Сегодня я долженъ получить отвѣтъ отъ издателя. Каждую минуту я жду письма и надѣюсь, что отвѣтъ будетъ благоприятный. Сегодня должны кончиться всѣ наши тревоги. Правда, Элина?

Эл. Карено. Кто живетъ на томъ углу,—ты не знаешь?

Карено. На углу?—Нѣтъ.

Эл. Карено. Тамъ окна всегда такъ освѣщены.

Карено. (Улыбаясь). Какія странныя вещи приходятъ тебѣ

въ голову. Но все равно, спрашивай еще, Элина. Я не знаю, который часъ и кто живетъ на углу улицы, но все равно, спрашивай меня еще что-нибудь. До тѣхъ поръ, пока мы снова не станемъ прежними друзьями.

Эл. Карено. (Смотритъ черезъ черную вуаль и начинаетъ ее выпрямлять).

Карено. Ты приводишь въ порядокъ свои вещи. Что это значить?

Эл. Карено. (Не отвѣчаетъ).

Карено. Я вижу, ты еще не совсѣмъ помирилась со мною. Но я ничего не говорю. Вѣдь ты меня все-таки любишь? Да? (Подходить и смотритъ на нее). У тебя такіе блестящіе волосы. (Осторожно касается ея волосъ).

Эл. Карено. (Порывисто отстраняется).

Карено. (Улыбаясь). Милая, я только хотѣлъ... Ты стала такая нервная... и такая задумчивая. О чемъ ты думаешь? (Садится возлѣ нея). О чемъ, моя маленькая крестьяночка? (Обнимаетъ ее).

Эл. Карено. Ахъ, нѣтъ, не мучь меня! (Отодвигается).

Карено. Неужели ты не можешь забыть сегодняшней ссоры? Элина! Я уже ее забылъ. Какое мнѣ дѣло до того, что тебѣ сказалъ Бондезенъ! Я ничего больше не хочу знать, ничего. Ты, навѣрно, сама смѣешься надъ нимъ, я увѣренъ. Такой жеманный кривляка, а не мужчина!

Эл. Карено. Я не понимаю, какое тебѣ доставляетъ удовольствіе бранить все время Бондезена. Повѣрь, мнѣ ты не доставляешь этимъ никакого удовольствія.

Карено. Но, милая, дорогая...

Эл. Карено. Я совсѣмъ другого мнѣнія о Бондезенѣ, чѣмъ ты.

Карено. Другого? Ну, да; для себя самого онъ достаточно хорошъ. (Встаетъ).

Эл. Карено. Да, и для насъ тоже.

Карено. Такъ, можетъ быть, ты о немъ все время думаешь?

Эл. Карено. (Не отвѣчаетъ).

Карено. (Съ возрастающимъ волненіемъ) Я тебя прошу, отвѣть мнѣ только на это.

Эл. Карено. (Кладетъ вуаль и встаетъ). Нѣтъ. Боже мой это можетъ довести до сумасшествія. Ты меня пытаешь! (Уходитъ въ кухню).

Карено. (Смотритъ ей вслѣдъ; со страхомъ и тоской). Она меня больше не любитъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

На слѣдующій день. Комната Карено. Послѣобѣденное время. Солнце. Эл. Карено приготовляетъ красное платье. Карено. (Входитъ съ веранды). А письма еще нѣтъ?

Эл. Карено. Нѣтъ, я никакого письма не видѣла. Когда придетъ почтальонъ, ты самъ услышишь, какъ стукнетъ калитка.

Карено Да, правда. Объ этомъ я и не думалъ... Моя работа что-то не двигается сегодня. Такъ много разныхъ странныхъ мыслей приходитъ въ голову. Когда ты уходишь, все съ тобой уходитъ.

Эл. Карено. (Мѣняя разговоръ) А ты увѣренъ, что получишь сегодня письмо?

Карено. Да, его должны принести сегодня... Я не хочу тебя мучить, Элина, но мнѣ стало такъ грустно вчера вечеромъ, когда тебя такъ долго не было дома.— Это все, что я хотѣлъ тебѣ сказать.

Эл. Карено. Но вѣдь я ушла совсѣмъ ненадолго.

Карено. О, нѣтъ нѣтъ. Я ничего не имѣю противъ. И меня совсѣмъ не интересуешь, что ты тамъ дѣлала. Не думай этого. Ты вернулась такая радостная. Господи! какая ты была свѣжая, когда сняла вуаль.

Эл. Карено. Ты это замѣтилъ?

Карено. Я ходилъ по комнатѣ и думалъ,—вернешься ты черезъ полчаса, черезъ часъ или два, даже черезъ три часа, все равно ты вернешься не ко мнѣ. Да, не ко мнѣ... Вотъ о чемъ я здѣсь думалъ.

Эл. Карено. (Встаетъ). Я забыла налить твою лампу. (Беретъ лампу и уходитъ въ кухню).

Карено. (Бродитъ по комнатѣ. Входитъ Ингеборгъ съ налитой лампой).

Карено. Это ты, Ингеборгъ? Ты принесла лампу?

Ингеборгъ. Да, меня послала барыня.

Карено. Благодарю. А барыня въ кухнѣ?

Ингеборгъ. Да.

Карено. Скажи, Ингеборгъ, ты не знаешь, сколько стоятъ вышитые платки?

Ингеборгъ. Нѣтъ.

Карено. Во сколько, напримѣръ, обойдутся двѣ три штуки?

Ингеборгъ. Не знаю. Вышитые платки?

Карено. Да, знаешь, на которыхъ сверху что-нибудь вышито? Ну, да это не важно... Пожалуйста, вычисти мой черный костюмъ,—знаешь, черный, и хорошенько. Я хочу его надѣть.

Ингеборгъ. Да. Сейчасъ?

Карено. Да, пожалуйста, сейчасъ... Послушай, Ингеборгъ, по твоему этотъ Бондезенъ, который былъ здѣсь третьяго дня, дѣйствительно такъ необыкновенно изященъ?

Ингеборгъ. Какой Бондезенъ? Г-нъ, который сидѣлъ тамъ (показываетъ),—когда я принесла кофе?

Карено. Да.

Ингеборгъ. Нѣтъ, развѣ онъ такъ красивъ?

Карено. Неправда ли, въ немъ не было ничего поразительнаго?

Ингеборгъ. Я этого не говорила.

Карено. Да, да. Мнѣ только такъ показалось... А теперь будь такъ добра и вычисти мое платье. Мнѣ оно нужно.

Ингеборгъ. (Идетъ въ спальню и выходитъ съ чернымъ сюртукомъ и щеткой и уходитъ на веранду).

Эл. Карено. (Входитъ съ тряпкой и начинаетъ вытирать пыль).

Карено. Ты ждешь гостей?

Эл. Карено. Гости? Нѣтъ.

Карено. Я стою и смотрю на тебя, Элина. Мнѣ кажется, я никогда не видѣлъ тебя такой молодой. Сегодня ты совсѣмъ дѣвушка.

Эл. Карено. Сегодня я такая же, какъ и всегда.

Карено. О, нѣтъ, ты вся сияешь. У тебя совсѣмъ новое выраженіе. Какъ, ты опять уходишь?

Эл. Карено. Да.

Карено. Ты бѣжишь изъ комнаты, какъ только я вхожу. Останься, я могу уйти.

Эл. Карено. У меня есть дѣло въ кухнѣ. (Уходитъ).

Ингеборгъ. (Входитъ съ платьемъ и проноситъ его въ спальню).

Карено. Благодарю, Ингеборгъ. (Уходитъ въ спальню и запираетъ дверь).

Эл. Карено. (Выглядываетъ). Гдѣ баринъ?

Ингеборгъ. (Показываетъ на спальню). Онъ тамъ.

Эл. Карено. Что онъ дѣлаетъ?

Ингеборгъ. Переодѣвается. Надѣваетъ черный костюмъ. Я его чистила. (Уходитъ).

Эл. Карено. (Удивлена, садится и беретъ работу. Въ дверь въ глубинѣ осторожно стучать. Входитъ Бондезенъ).

Эл. Карено. (Испуганно). Господи! Это вы? Бондезенъ. Здравствуйте, благодарю васъ за вчерашній вечеръ!

Эл. Карено. Вы только что пришли? Я не слышала, какъ стукнула калитка.

Бондезенъ. Я изучилъ эту калитку. Ее можно отворять безъ всякаго шума.

Эл. Карено. Ради Бога! Вы должны сейчас же уйти.
Бондезенъ. Нѣтъ, не сейчасъ. Правда?
Эл. Карено. (Указываетъ на спальню).
Бондезенъ. (Невольно отступаетъ). А!
Эл. Карено. (Со сдержанной страстностью). Нѣтъ, не уходите, не уходите! Да, уйдите, но вернитесь послѣ. Приходите позднѣй, тогда я, вѣроятно, буду одна. Пройдитесь по улицѣ. Но сегодня вечеромъ я не могу къ вамъ выйти.
Бондезенъ. О, вы должны! Вы мнѣ вчера обѣщали. Съ тѣхъ поръ я ни о чемъ другомъ не думаю.
Эл. Карено. Я тоже все время думала объ этомъ. Ни о чемъ другомъ. Вы находите дурнымъ, что я это говорю? Я перестала сама себя понимать. (Прижимаетъ руку ко лбу). И въ этомъ вы виноваты. (Взглядываетъ на него и улыбается).
Бондезенъ. Развѣ вы слишкомъ долго были вчера со мной?
Эл. Карено. Нѣтъ, объ этомъ я съ нимъ и не говорила. Я не вхожу ни въ какія объясненія съ нимъ. Потому я попрошу у него прощенья, но сейчасъ я о немъ не думаю. Вы помните, когда вы были здѣсь въ первый разъ?
Бондезенъ. Да, третьяго дня вечеромъ.
Эл. Карено. Вы сидѣли вотъ тамъ. Вы не были ширмой, какъ вы говорите. Пожалуй, сначала, но не все время. Вы даже сказали одинъ разъ что-то, что меня взволновало.
Бондезенъ. Что же я сказалъ?
Эл. Карено. Не помню. Можетъ быть, просто вашъ голосъ взволновалъ меня. Я теперь уже не помню словъ, но вы взволновали меня. И я отошла отъ васъ.
Бондезенъ. (Обнимаетъ ее).
Эл. Карено. (Нѣжно освобождаясь). Нѣтъ, нѣтъ, не дѣлайте этого. Я и безъ того достаточно грѣшна. Будьте хорошимъ. Обѣщайте мнѣ это.

Бондезенъ. Я общаю.

Эл. Карено. Иначе, я не хочу васъ больше видѣть. Я все-таки выйду сегодня вечеромъ; мы сдѣлаемъ длинную прогулку, далеко, въ деревню. Можете ли вы исполнить мою большую просьбу: проводите меня домой? Это три мили отсюда.

Бондезенъ. Съ удовольствіемъ. Мы поѣдемъ.

Эл. Карено. Да, пожалуйста, поѣдемъ. Я хочу поѣхать домой и остаться тамъ на нѣкоторое время. Иваръ ничего не имѣетъ противъ. Онъ это часто говорилъ. И теперь я это сдѣлаю. (Оглядывается). Здѣсь смерть. Даже часы не тикаютъ, не слышно голосовъ, ни одного звука. Мертвая тишина и бумага. Сегодня я услышала на улицѣ шумъ экипажа, я выбѣжала и посмотрѣла ему вслѣдъ, пока онъ не исчезъ. А потомъ я опять вернулась сюда, ко всему этому. Ахъ! (Складываетъ руки на груди, прижимаетъ ихъ къ себѣ, стоить, откинувшись назадъ).

Бондезенъ. (Съ увлеченіемъ). Прелестное, большое дитя!

Эл. Карено. Можетъ быть, это нехорошо?

Бондезенъ. Нѣтъ, удивительно.

Эл. Карено. Я чувствую въ себѣ жизнь.

Бондезенъ. Можно мнѣ вамъ сказать одно слово?

Эл. Карено. Нѣтъ.—Теперь вы должны итти. Но я поговорю съ вами, когда вы вернетесь немного погодя, тогда мы сейчасъ же съ вами поѣдемъ. Я ему все скажу. Я скажу, что поѣду домой. Вы находите меня ужасной?

Бондезенъ. Васъ?

Эл. Карено. Да. Меня, которая такъ поступаетъ.

Бондезенъ. Я молюсь на васъ.

Эл. Карено. Этого вы не должны. Я только проснулась, опять проснулась, вы понимаете? Когда я вчера увидѣла васъ, и вы взяли меня за руку, во мнѣ снова

проснулась жизнь. Когда-нибудь я расскажу все это Ивару. Господи! и на колѣняхъ буду просить у него прощенія. Но теперь я ничего не могу.

Бондезенъ. Тсс... (Указываетъ, напряженно прислушиваясь на дверь въ спальню).

Эл. Карено. (Закидываетъ назадъ голову и улыбается). Вы боитесь? О, вы не должны бояться. Я не думаю, что мы въ опасности, но вы все-таки уходите и не думайте обо мнѣ дурно. Знаете, у васъ зеленые глаза. Ахъ, если бы я могла быть увѣрена, что вы будете милымъ и добрымъ!

Бондезенъ. Я же общалъ.

Эл. Карено. (Смотритъ на него и улыбается). У васъ такъ дрожатъ губы! Да, я это замѣтила. Теперь ступайте!

Бондезенъ. Итакъ, приблизительно черезъ полчаса. (Хочетъ ее обнять).

Эл. Карено. (Отстраняясь). Да, черезъ полчаса. (Запираетъ за нимъ дверь. Въ сильномъ волненіи дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, беретъ себя за голову, улыбается; садится, взволнованно дыша, за работу. Входитъ Карено въ черномъ костюмѣ. Его внѣшній видъ измѣнился въ выгодную для него сторону. Элина поднимаетъ на него глаза.)

Карено. (Извиняясь). Я только хотѣлъ... Сегодня такая хорошая погода.—Ты права, за послѣднее время я сталъ старообразнымъ. (Смущенно улыбаясь). Теперь я опять похожъ на юношу.

Эл. Карено. И какъ будто выросъ.

Карено. Ты находишь? Я кажусь выше?

Эл. Карено. (Не отвѣчаетъ).

Карено. (Стараясь поддержать разговоръ). Это отъ сюртука. Или ты думаешь, отъ брюкъ?

Эл. Карено. (Нетерпѣливо). Я не знаю, Иваръ.

Карено. Ты все мечтаешь? (Улыбаясь). Если бы твой лобъ

былъ прозрачнымъ, и я могъ бы увидѣть, о чемъ ты думаешь, то увидѣлъ бы, вѣроятно, что-нибудь замѣчательное.

Эл. Карено. (Не отвѣчаетъ).

Карено. (Осторожно подходитъ). Что это ты шьешь, Элина?

Эл. Карено. (Не отвѣчаетъ).

Карено. Что-то очень тонкое. Конечно, не для меня.

Эл. Карено. (Устало). Это мое старое платье.

Карено. Я только что замѣтилъ, что у меня на жилеткѣ не хватаетъ двухъ пуговицъ. На старой жилеткѣ. Не понимаю, какъ это могло случиться.

Эл. Карено. Я пришью.

Карено. Я очень буду тебѣ благодаренъ, если ты будешь такъ добра... Тебѣ такъ идетъ шитье, Элина. У тебя такой скромный видъ. И у тебя такая красивая рука!

Эл. Карено. (Нервно отодвигается).

Карено. Боже меня сохрани, я ничего тебѣ не сдѣлаю. Сиди спокойно. (Слышенъ стукъ калитки).

Эл. Карено. (Вскакиваетъ). Вѣроятно, принесли письмо. (Бѣжитъ къ двери въ глубинѣ, отворяетъ). Нѣтъ, это Ервень. Здравствуйте, дорогой Ервень...

Ервень. (Входитъ; сдержанно). Здравствуйте. (Подаетъ руку Карено и его женѣ).

Эл. Карено. Вы здоровы?

Ервень. О, да, благодарю васъ... Я хотѣлъ сказать тебѣ нѣсколько словъ, Карено... Нѣтъ, не уходите, у меня нѣтъ секретовъ.

Эл. Карено. (Дружески). Я все равно хотѣла уйти. У меня хозяйство. (Уходитъ въ кухню).

Ервень. Я прихожу все по тому же дѣлу, Карено.

Карено. Да?

Ервень. Я серьезно прошу тебя помочь мнѣ. Ты и не подозреваешь, что я испытываю. Теперь уже на карту

поставленъ не экзаменъ, или ученая степень, а вся жизнь.

Карено. И ты хочешь повліять на меня инымъ путемъ? Я не могу говорить съ тобой. (Поворачивается къ нему спиной).

Ервенъ. Натали неумолима. Выслушай же, что я тебѣ скажу.

Карено. Развѣ ты могъ ожидать отъ нея другого?

Ервенъ. (Хватая себя за голову). Она говоритъ, что между нами все кончено. Она прочитала мою книгу и поняла, что это,—какъ она выразилась,—произведеніе продавшего себя человѣка. Она сошла съ ума. Она просто истеричка.

Карено. Ни то, ни другое. Она просто честный человекъ.

Ервенъ. Но ты можешь все спасти. Она сказала: „если ты помиришься съ Карено, и онъ возьметъ деньги, то это значитъ, что твой поступокъ не такой дурной...“

Карено. Но то, что сдѣлалъ ты, очень дурно.

Ервенъ. Карено, если ты недостаточно силенъ, чтобы подняться до того, чтобы взять эти деньги, пожать эту руку, которую тебѣ протягиваетъ старый товарищъ, то это значитъ, что я тебя плохо знаю.

Карено. (Рѣзко). То, что ты сдѣлалъ, очень скверно. Ты совершилъ подлогъ. Ты измѣнилъ, обманулъ!—Это—подлость.

Ервенъ. Называй, какъ хочешь, Карено, но я пришелъ теперь сюда, чтобы снова подняться. Да! Чего ты требуешь отъ меня?

Карено. (Смотритъ на него). Ты самъ не знаешь, что говоришь.

Ервенъ. Чего ты требуешь?

Карено. (Холодно). Ничего.

Ервенъ. (Съ возрастающимъ возбужденіемъ). Ради Бога,

Карено. Будь сострадательнымъ сегодня. (Опускается на стуль).

Карено. (Идетъ въ глубину).

Ервенъ. (Вскакивая). Ты уходишь? Нѣтъ, еще не бывало, чтобы деньги жгли человѣка, и онъ бы не могъ отъ нихъ избавиться.

Карено. Но мнѣ не нужны твои деньги. Я жду письма, и когда оно придетъ, наступитъ конецъ моей нуждѣ.

Ервенъ. Да, но мнѣ это не поможетъ. Она ничего не хочетъ слышать. Когда я прихожу, она проситъ меня уйти. Но ты можешь меня спасти. Передъ тобой человекъ, котораго ты можешь спасти.

Карено. Послушай, Ервенъ. Мое терпѣніе истощилось.

Ервенъ. (Измѣнивъ тонъ). Какъ подвигается твоя работа, Карено?

Карено. (Съ удивленіемъ смотритъ на него).

Ервенъ. Вѣроятно, она появится еще въ этомъ году? Это будетъ большая книга? Впрочемъ, это не мое дѣло. Я хотѣлъ тебѣ сказать, что, можетъ быть, изъ нашего послѣдняго разговора тебѣ показалось, будто я вовсе не думаю того, о чемъ пишу въ своей диссертаци, будто я написалъ все это въ угоду профессору Гиллингу. Если это такъ, то ты ошибаешься. Я не знаю, что говорилъ, я былъ въ отчаяніи.

Карено. Ха-ха-ха! И профессоръ Гиллингъ тутъ не при чемъ?

Ервенъ. Ты можешь смѣяться, сколько тебѣ угодно. Нельзя написать цѣлую книгу, если самъ не вѣришь въ то, о чемъ пишешь. По крайней мѣрѣ, я такъ думаю.

Карено. Слѣдовательно, ты стоишь непоколебимо на точкѣ зрѣнія твоей книги?

Ервенъ. Разумѣется.

Карено. Ха-ха-ха! Запиши это, Ервенъ, а то опять забудешь! Ха-ха-ха!

Ервeнь. (Съ отчаянной настойчивостью). Врядъ ли и ты и я, мы сможемъ это забыть. Совсѣмъ не стыдно мѣнять свои убѣжденія, и я не намѣренъ этого скрывать. Ты, вѣроятно, объ этомъ услышишь.

Карeно. Я уже слышалъ. Я уже слишкомъ много слышалъ.

Ервeнь. (Идетъ къ двери). Ты еще больше услышишь объ этомъ. Я протянулъ тебѣ руку,—ты ее оттолкнулъ. Я еще здѣсь, я еще не ушелъ. Я жду твоего рѣшенія.

Карeно. Кажется, ты начинаешь угрожать?

Ервeнь. Ты возьмешь деньги?

Карeно. Ты можешь итти. Мое терпѣнiе истощилось. И не возвращайся, я не хочу тебя больше знать. Вонъ! (Указываетъ ему на дверь).

Ервeнь. (Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ назадъ, стоитъ согнувшись; дрожащимъ голосомъ). Хорошо. Я уйду и больше не приду. Но ты услышишь обо мнѣ. Куда бы ты ни пошелъ, я буду слѣдовать за тобой по пятамъ. Запомни мои слова. —Я не шучу. Пиши диссертацию, издавай свою толстую книгу; твое имя еще не успѣетъ прозвучать, какъ я его уничтожу. Какъ только ты высунешь голову, Карeно, я буду толкать ее назадъ. Всю твою жизнь я буду стоять за тобою и давить тебя. Ты думаешь я этого не смогу? Запомни мои слова. За мной теперь стоятъ сильные люди, всѣ двери открыты передо мной. Я буду бороться съ тобою во всѣхъ газетахъ, и съ каждымъ годомъ ты будешь все утомленнѣе и бѣднѣе; со временемъ ты станешь разбитымъ человѣкомъ, который ничего не можетъ создать. Можетъ быть, тогда ты придешь и постучишь въ мою дверь, но тогда меня не будетъ дома. Посмотри на меня Карeно,—я говорю тебѣ это для того, чтобы ты не забылъ. Сегодня ты разбилъ мою жизнь, теперь очередь за мной. Волнуйся, борись,—но я сдержу свое слово. Вотъ что я хотѣлъ сказать! Прощай! (Уходитъ).

Элина Карeно. (Тихо вошла во время этой рѣчи и остановилась у двери въ кухню).

Карeно. (Смотритъ то на жену, то на дверь, въ которую вышелъ Ервeнь). Ты поняла этого человѣка?

Эл. Карeно. Я только слышала, что вы громко спорили.

Карeно. Ты понимаешь, онъ мнѣ угрожаетъ!

Эл. Карeно. Зачѣмъ онъ приходилъ?

Карeно. Съ Ервeномъ случилось что-то скверное, я его совсѣмъ не узнаю, все, что было въ немъ дѣннаго, пропало. Боже мой, онъ стоялъ здѣсь и угрожалъ мнѣ! Карстенъ Ервeнь—мнѣ! Ну, нечего объ этомъ говорить. Онъ простился и больше не вернется.

Эл. Карeно. Онъ просилъ у тебя помощи?

Карeно. Да, но я не могъ ему помочь... Ты чистила перчатки? Я слышу, отъ тебя пахнетъ бензиномъ.

Эл. Карeно. Онъ сказалъ, что ты ему разбилъ жизнь.

Карeно. Нѣтъ, это отвратительно. Я не хочу о немъ думать... На тебѣ пыль, Элина. Пстой-ка. (Смахиваетъ пыль съ ея плеча).

Эл. Карeно. Ты могъ ему помочь и не сдѣлалъ этого?

Карeно. Да. Я не хотѣлъ... Пстой, волосъ.

Эл. Карeно. Ничего. (Идетъ къ столу).

Карeно. (Идетъ за ней). Я хотѣлъ снять волосъ.

Эл. Карeно. Ахъ, Господи, да оставь его. (Смахиваетъ сама волосъ, садится и шьетъ).

Карeно. Ты находишь красивыми двубортные сюртуки, Элина? Мой одnobортный, но мнѣ онъ больше нравится.

Эл. Карeно. Ты сегодня совсѣмъ не можешь работать, Иваръ?

Карeно. Нѣтъ. У меня маленькiй застой въ работѣ. Мнѣ ничего не хочется дѣлать, только болтать съ тобою. Со мною еще никогда этого не бывало. Все время болтать и ничего не дѣлать. Но сегодня ночью, я, вѣроятно, буду работать... Впрочемъ, если ты хочешь, я

попробую, пойду въ садъ и попробую. (Идетъ къ двери на веранду). Почему ты не хотѣла, чтобы я снялъ волосъ съ твоего платья, Элина?

Эл. Карено. (Невольно улыбаясь). Ты все еще объ этомъ думаешь?

Карено. (Машинально улыбаясь). Да. Мнѣ бы очень хотѣлось увидѣть, мой ли это волосъ?

Эл. Карено. Вѣроятно.

Карено. Онъ былъ свѣтлѣе моихъ волосъ.

Эл. Карено. Значитъ, это былъ мой волосъ.

Карено. Нѣтъ, онъ былъ темнѣе твоихъ.

(Эл. Карено становится внимательна и нервно чистить свое платье).

Карено. Онъ былъ русый. (Смотритъ на нее). Такого цвѣта, какъ волосы Ингеборгъ.

Эл. Карено. (Быстро). Да, значитъ это былъ волосъ Ингеборгъ.

Карено. Да, вѣроятно.

Эл. Карено. Можно подумать, что мы дѣти. Мы говоримъ безъ конца о волоскѣ Ингеборгъ.

Карено. (Чистосердечно). Милая Элина, я тебя такъ люблю, мнѣ такъ хочется говорить съ тобою, найти что-нибудь, о чемъ говорить съ тобой. Но за послѣдніе дни ты такъ измѣнилась, и это наводитъ меня на разныя мысли. Я не думалъ, что это волосъ Ингеборгъ. Если ты говоришь, я вѣрю. Но я думалъ совсѣмъ другое. (Слышенъ стукъ калитки).

Эл. Карено. Перестань думать объ этомъ. Попробуй, пойди въ садъ поработать.

Карено. Почему ты это говоришь?

Эл. Карено. Почему я это говорю?

Карено. Ты кого-нибудь ждешь?

Эл. Карено. Ты самъ услышишь, какъ стукнетъ калитка, если кто-нибудь придетъ.

Карено. А мнѣ показалось, что она только что стукнула.

Эл. Карено. Такъ подожди и посмотри, кто это.

Карено. (Искренно). О, нѣтъ, Элина. Я этого не сдѣлаю. Это не мое дѣло. Я пойду въ садъ и постараюсь работать. Я лучше всего себя чувствую, когда я работаю. (Отворяетъ дверь на веранду).

Ингеборгъ. (Входитъ съ пакетомъ и письмомъ, передаетъ ихъ Карено). Вотъ, пожалуйста. (Уходитъ).

Карено. Это мнѣ? Отъ издателя. (Распечатываетъ письмо и читаетъ. Элина Карено наблюдаетъ за нимъ). Такъ. (Хватаетъ себя за голову). Это отвѣтъ отъ издателя. А вотъ и рукопись. Онъ прислалъ мнѣ ее назадъ. (Закусываетъ губу и нѣсколько разъ киваетъ головой).

Эл. Карено. Что онъ отвѣтилъ?

Карено. Онъ отказываетъ. Вотъ моя книга. „Посылая рукопись“,—пишетъ онъ. Нѣтъ, онъ не можетъ ее издать; профессоръ Гиллингъ прочиталъ ее и сказалъ, что ее надо передѣлать. (Протягиваетъ ей письмо и начинаетъ ходить взадъ и впередъ).

Эл. Карено. (Прочитавъ письмо). Вотъ видишь!

Карено. (Беретъ письмо). „Посылая рукопись“,—пишетъ онъ. Точно я смастерилъ драму или стихи. (Бросаетъ письмо на столъ и ходитъ). Въ такомъ случаѣ я постараюсь издать ее въ Германіи.

Эл. Карено. А ты не думаешь, что и тамъ тебѣ придется передѣлывать?

Карено. Нѣтъ. Тамъ я покупаю себѣ перчатки по своей мѣркѣ. Профессоръ Гиллингъ не имѣетъ тамъ никакого значенія. Мы живемъ въ эпоху свободы личности, и я... Вотъ письмо, котораго я такъ ждалъ, оно пришло, и... (Элина Карено встаетъ, кладетъ платье и рассматриваетъ его).

Карено. Уже готово?

Эл. Карено. Да. Осталось только выгладить.

Карено. (Въ волненіи). Боже мой, какъ я одинокъ! Но я добьюсь своего, Элина. Существовали же люди съ еще болѣе крайними убѣжденіями, чѣмъ я. Когда-нибудь меня поймутъ. Передѣлать! Что долженъ я передѣлать? Я долженъ говорить „да“ тамъ, гдѣ я теперь говорю „нѣтъ“? (Развертываетъ пакетъ и вынимаетъ тетрадь за тетрадь). Смотри. Все это — о господствѣ массы, и я ниспровергаю его. Я говорю, это ученіе для англичанъ, это Евангеліе, которое проповѣдуютъ на базарѣ, проповѣдуется на лондонскихъ докахъ, и посредствомъ признали его власть и право на существованіе. Вотъ это — о дерзновеніи, это — о ненависти, это — о мести, все этическія начала, которыя теперь въ упадкѣ. Обо всемъ этомъ я пишу. Нѣтъ, слушай внимательнѣе, Элина, и ты поймешь. А это — о вѣчномъ мирѣ. — Всѣ находятъ, что вѣчный миръ прекрасенъ, а я говорю, что это ученіе, достойное того телячьего мозга, который его выдумалъ. Я осмѣиваю вѣчный миръ изъ-за его наглого пренебреженія къ гордости. Пусть будетъ война; нечего заботиться о томъ, чтобы сохранить столько то и столько то жизней, потому что источникъ жизни бездоненъ и неисощимъ; надо способствовать гордому шествію человѣчества впередъ и впередъ. Если бы я переработалъ свой трудъ, то долженъ былъ бы написать противоположное тому, что я теперь пишу. Смотри. Вотъ это — заключеніе. Здѣсь, на этихъ развалинахъ, я возвелъ новое зданіе, гордый замокъ, Элина. Я самъ отомстилъ за себя. Я вѣрю въ прирожденнаго властелина, въ деспота по природѣ, повелителя, въ того, кто не избирается, а самъ дѣлается вождемъ кочующихъ племенъ этой земли. Я вѣрю и надѣюсь только на одно, — на возвращеніе вели-

чайшаго террориста, квинтъ-эссенціи человѣка, Цезаря... Посмотри, сколько я работалъ надъ этимъ. (Въ сильномъ волненіи). Это кровь моего сердца, Элина.

Эл. Карено. Во всемъ этомъ я ничего не понимаю.

Карено. Но я тебѣ объясню. Я говорю откровенно и сильно, а этого они не могутъ простить. Какое же это мирное изслѣдованіе! — говорятъ они. А что такое мирное изслѣдованіе? Складывать камень на камень... Они говорятъ, — философія, мышленіе это — мирное изслѣдованіе. Нѣтъ, это не философія, Элина! Философія это небесная молнія, падающая на меня съ высоты и озаряющая меня. Нельзя заниматься расчетами тамъ, гдѣ можно только смотрѣть и восторгаться милостью небесъ.

Эл. Карено. Объяснять мнѣ все это — совершенно бесполезно.

Карено. Я только хочу, чтобы ты поняла, тогда ты будешь смотрѣть на меня иначе.

Эл. Карено. Я все-таки не пойму.

Карено. Вѣдь прежде ты слушала, когда я что-нибудь объяснялъ. Ты даже однажды прочла большую книгу и поняла ее. Вѣдь это было недавно, всего нѣсколько дней назадъ.

Эл. Карено. (Мѣняя разговоръ, рѣшительно). Я думаю, что мнѣ лучше всего уѣхать на нѣкоторое время къ родителямъ. Вѣдь ты самъ этого хотѣлъ.

Карено. (Остановливаясь). Ты хочешь уѣхать?

Эл. Карено. (Рѣшительно). Да. Я думаю, это будетъ лучше всего. И такъ какъ ты этого хочешь...

Карено. Нѣтъ, теперь я этого не хочу. Только не теперь!

Эл. Карено. А я хочу теперь.

Карено. Когда же ты это рѣшила? Нѣтъ, обстоятельства складываются все хуже и хуже.

Эл. Карено! О нѣтъ, исполняется только то, что ты хочешь!

Карено. Какъ же я со всѣмъ справлюсь. Я останусь въ домѣ одинъ.

Эл. Карено. Ингеборгъ будетъ тебѣ готовить.

Карено. Но Ингеборгъ тоже уходитъ.

Эл. Карено. Нѣтъ, я ей уже сказала, что она можетъ остаться.

Карено. Правда?

Эл. Карено. Теперь пусть она остается вмѣсто меня. Она будетъ смотрѣть за домомъ.

Карено. За всѣмъ этимъ что-то есть.

Эл. Карено. Да, мы не можемъ ей заплатить жалованіе. Поэтому мы и принуждены ее оставить.

Карено. А! Ну, пусть остается. Пока я не смогу ей заплатить... Нѣтъ, мнѣ кажется, что наши обстоятельства складываются все хуже и хуже... Никогда мнѣ такъ не хотѣлось, чтобы ты не уѣзжала.

Эл. Карено. Я много разъ отказывалась, когда ты мнѣ это предлагалъ.

Карено. Поэтому-то ты и приводила въ порядокъ свои вещи? Чистила перчатки, поправляла платье?

Эл. Карено. Да, поэтому.

Карено. (Безпокойно ходить взадъ и впередъ). Вотъ что! Конечно, намъ жилось нелегко, но я все-таки продолжалъ бы, продолжалъ бы стоять непоколебимо на своемъ... (Возвращаясь къ ней). Не уѣзжай, Элина. Только не теперь.

Эл. Карено. Господи! какъ часто я просила тебя такъ же настойчиво, какъ просишь ты теперь, Иваръ!

Карено. Ты такъ далеко отошла отъ меня за послѣдніе дни; не отдаляйся же еще больше. Пусть все останется хоть такъ, какъ теперь. Я не буду надоедать тебѣ, я буду сидѣть въ саду. Но только ты будь здѣсь.

Ингеборгъ. (Входитъ). Утюгъ готовъ, барыня. (Уходитъ).

Эл. Карено. Сейчасъ иду.

Карено. Ты твердо рѣшила ѣхать, Элина?

Эл. Карено. Да. (Уходитъ).

Карено. (Ходитъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ. Онъ въ сильномъ волненіи, шепчетъ и шевелитъ губами. Вдругъ останавливается, идетъ въ спальню и возвращается съ чучеломъ сокола, становится на стулъ и вѣшаетъ сокола надъ дверью въ глубинѣ).

Эл. Карено. (Входитъ съ утюгомъ).

Карено. (Сходя со стула). Я подумалъ... Ты не находишь, Элина... Ему очень хорошо здѣсь. Въ самомъ дѣлѣ, онъ украшаетъ комнату. Я не думалъ, что онъ такъ хорошо сюда подойдетъ. Посмотри.

Эл. Карено. (Гладитъ свое красное платье).

Карено. Ты не находишь, что онъ веселый собесѣдникъ? (Глухо смѣется). Взгляни же, Элина. Нельзя повѣрить, что такое пустое чучело можетъ такъ высоко летать!

Эл. Карено. Меня онъ больше не интересуешь.

Карено. (Отступаетъ назадъ и смотритъ на сокола). Я смотрю, и онъ нравится мнѣ все больше и больше. Онъ замѣчательно сдѣланъ. Знаешь, онъ похожъ на профессора Гиллинга. Это удивительно, какъ онъ мнѣ его напоминаетъ! Глаза, выраженіе клюва, если можно такъ выразиться... Можетъ быть, тебѣ не нравится, что я говорю, будто онъ похожъ на профессора Гиллинга? Но то, что я это говорю, еще не значитъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ на него похожъ. Во всякомъ случаѣ, это удивительная птица. Если вчера я забылъ тебя поблагодарить за нее, Элина, то это меня искренно огорчаетъ.

Эл. Карено. Нѣтъ, поблагодарить ты не забылъ.

Карено. Я готовъ попросить у тебя за это прощенія.

Эл. Карено. Ты не знаешь, прошло ли уже полчаса съ тѣхъ поръ, какъ ты переодѣвался въ спальнѣ?

Карено. Съ тѣхъ поръ? Почему ты спрашиваешь?

Эл. Карено. Потому что я хочу знать.

Карено. Нѣтъ полчаса еще не прошло. Нѣтъ ли у тебя чего-нибудь въ кухнѣ?

Эл. Карено. Чего-нибудь въ кухнѣ?

Карено. Да, я хотѣлъ сказать, чего-нибудь поѣсть. Чего-нибудь такого, что не долго готовить.

Эл. Карено. Тамъ готовится.

Карено. Видишь ли, Элина, если бы это было возможно, я передѣлалъ бы свою книгу. Ты должна мнѣ повѣрить. Знаешь, что мнѣ кажется? Мнѣ кажется, что ты уже никогда не вернешься, если теперь уѣдешь.

Эл. Карено. Что за странныя мысли.

Карено. Ты тамъ и останешься. Это мнѣ подсказывает мое чутье.

Эл. Карено. Вѣдь не за-границу же я уѣзжаю.

Карено. Ты замѣтила, я не спросилъ тебя, когда ты уѣзжаешь? Я не хочу этого знать. Ты не должна мнѣ это говорить. Щади меня, пока это возможно.

Эл. Карено. Милый Иваръ, я тебя совсѣмъ не узнаю! Я не понимаю, что съ тобою!

Карено. Прежде я ничего не имѣлъ противъ этого! Я говорилъ,—поѣзжай на нѣкоторое время. Но съ тѣхъ поръ все измѣнилось, теперь я не спокоенъ и не увѣренъ... Но, какъ хочешь.

Эл. Карено. Да, да.

Карено. (Осматривается). Подсвѣчники блестятъ, пыль вытерта, все чисто и красиво. Вотъ здѣсь ты сидѣла, когда работала. Когда я писалъ, ты сидѣла такъ тихо, точно мышка. Ты всегда тутъ сидѣла. Какъ-то разъ ножницы упали на полъ. Помнишь? Ты покраснѣла и сказала—„прости“. „Ты сказала—„прости“. Да благословить тебя Богъ, дитя мое. Ты попросила у меня

прощенья! И все это было такъ недавно, всего нѣсколько дней тому назадъ.

Эл. Карено. Я не понимаю, что съ тобой.

Карено. Я тебя мучаю; я сейчасъ уйду... Значить, ты хочешь уѣхать, Элина?

Эл. Карено. Ахъ, Господи, перестань говорить объ этомъ. Вѣдь не навсегда же.

Карено. Со всѣмъ остальнымъ бы я справился. Это было бы не такъ трудно. (Эл. Карено дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе). Я уйду. Ты стоишь передо мною, и я чувствую твою теплоту. Когда ты выпрямляешься, я вижу, какъ ты дышишь. Слово никогда раньше я не видѣлъ этого, не видѣлъ, чтобы ты такъ дышала. У тебя такая бѣлая шея. Зачѣмъ раньше я тебя такъ мало цѣловалъ? Теперь ты этого [не хочешь. Ты стоишь, насторожившись, боишься, что я подойду. Ты любишь другого Элина?

Эл. Карено. (Молчить).

Карено. (Страстно). Вѣдь ты не любишь другого? Вѣдь я люблю тебя; я хочу цѣловать тебя. (Дѣлаетъ шагъ къ ней).

Эл. Карено. (Быстро поднимаетъ утюгъ). Если ты по-смѣешь! (Они пристально смотрятъ другъ на друга).

Карено. Брось утюгъ къ чорту! Кого ты ждешь съ нимъ?

Эл. Карено. Я жду тебя.

Карено. Прости, Элина! (Отступаетъ назадъ).

Эл. Карено. (Опускаетъ утюгъ).

Карено. Прости, Элина! (Уходитъ на веранду).

Эл. Карено. (Безъ силъ опускается на стулъ. Черезъ минуту встаетъ и зоветъ). Ингеборгъ!

Ингеборгъ. (Отвѣчаетъ что-то изъ кухни; входитъ).

Эл. Карено. Убери, пожалуйста, утюгъ... Послушай, Ингеборгъ, я хочу съѣздить къ роднымъ. Пока меня не будетъ, смотри хорошенько за домомъ.

Ингеборгъ. Барыня ѣдетъ къ роднымъ?

Эл. Карено. Да. Домой, въ деревню. Это всего три мили отсюда.

Ингеборгъ. На нѣсколько дней?

Эл. Карено. Этого я еще не знаю. Конечно, на нѣсколько дней... Когда будешь вытирать пыль, не забудь картину въ спальнѣ, гдѣ изображенъ Христосъ.

Ингеборгъ. Хорошо.

Эл. Карено. Да, и здѣсь тоже помни о всѣхъ вещахъ. Только не трогай бумагъ моего мужа. Лучше пусть онѣ останутся пыльными, чѣмъ ты переложить ихъ съ мѣста на мѣсто. И не забудь каждый день наливать лампу, чтобы ему не приходилось дѣлать это самому.

Ингеборгъ. Въ которомъ часу барыня уѣзжаетъ?

Эл. Карено. Днемъ. Вотъ сейчасъ. Я только переодѣнусь. (Беретъ красное платье и идетъ въ спальню). Больше ничего. Если что понадобится купить, бери внизу въ лавкѣ. Бери съ собой книжку.

Эл. Карено. (Уходитъ въ спальню, Ингеборгъ — въ кухню).

Карено. (Входитъ взволнованный, грустный; тревожно осматривается, открываетъ дверь въ кухню). Жена здѣсь? (Получивъ отвѣтъ). Въ спальнѣ? (Идетъ къ спальнѣ, стучитъ тихо въ дверь; получивъ въ отвѣтъ отказъ). Нѣтъ, я и не хочу входить. Я рѣшилъ; я иду къ издателю. (Ищетъ шляпу).

Голосъ Эл. Карено. Я не слыхала, что ты сказалъ? (Дверь приотворяется).

Карено. Я сказалъ, что пойду къ издателю. Кое что въ моей книгѣ я могу передѣлать. Я это обдумалъ. Отрывокъ о либерализмѣ вызвалъ протестъ профессора Гиллинга. Я его вычеркну. И кое-какія другія излишне рѣзкія мнѣнія я тоже могу вычеркнуть. Все-таки останется еще большая книга. (Грубо). Я ее передѣлаю.

Голосъ Эл. Карено. Ты хочешь это сдѣлать?

Карено. Я вернусь съ авансомъ.

Гол. Эл. Карено. Какъ хочешь. (Дверь закрывается).

Карено. (Снова стучитъ) Что ты тамъ дѣлаешь? Теперь ты мною довольна? (Прислушивается). Я ухожу. (Хватаетъ свертокъ съ рукописью и быстро идетъ черезъ дверь въ глубинѣ. Вслѣдъ затѣмъ слышенъ громкій стукъ калитки, Бондезенъ тихо входитъ, осматривается, стучитъ въ дверь).

Эл. Карено. (Быстро выходитъ изъ спальни въ красномъ платьѣ, лифъ еще не застегнутъ, вскрикиваетъ и скрывается).

Голосъ Эл. Карено. Одну минуту.

Бондезенъ. Вы мелькнули, какъ видѣніе.

Голосъ Эл. Карено. Я сейчасъ выйду. Сейчасъ.

Бондезенъ. Но въ красномъ платьѣ! (Садится).

Эл. Карено. (Входитъ, останавливается у двери, радостно смотритъ на него).

Бондезенъ. (Вскакивая) Ахъ! (Идетъ ей на встрѣчу. Любуясь ею). Боже!

Эл. Карено. (Улыбаясь). Вотъ я и въ красномъ платьѣ. Вамъ нравится? (Протягиваетъ ему руку). Садитесь, пожалуйста. Мы, правда, уѣдемъ? Какъ я вамъ благодарна!

Бондезенъ. Экипажъ ждетъ внизу на улицѣ. (Садятся). Куда пошелъ вашъ мужъ? Я встрѣтилъ его на улицѣ, я почти столкнулся съ нимъ.

Эл. Карено. Мой мужъ въ городѣ.

Бондезенъ. (Замѣчаетъ сокола). А птица все-таки попала на свое мѣсто.

Эл. Карено. Да. Объ этомъ я расскажу вамъ по дорогѣ. Теперь все начинаетъ становиться на свое мѣсто, но теперь уже слишкомъ поздно. Теперь я хочу уѣхать; я это ему сказала, онъ знаетъ... Какъ я боялась, что вы придете раньше. Или совсѣмъ не придете.

Бондezenъ. (Любуясь). Большое дитя!.. Ну, одѣвайтесь!
Эл. Карено. Вы очень хотите?
Бондezenъ. Вамъ еще нуженъ отвѣтъ? (Беретъ ее за руку).
Эл. Карено. Какъ я рада, что и вы этого хотите.
Бондezenъ. Почему?
Эл. Карено. Потому что значить я не одна. Къ сожалѣнью, по мнѣ сразу видно, что я рада. Онъ говорить, что вокругъ меня сіяніе, и у меня новое выраженіе. Вы тоже это находите?
Бондezenъ. Да, вы вся сіяете.
Эл. Карено. Правда? Я хочу это сдѣлать теперь, потому, что, Богъ знаетъ, смогу ли я послѣ. Мы уѣдемъ. Я буду воображать себя молоденькой дѣвушкой, а вы...
Бондezenъ. А я?
Эл. Карено. „Повѣяло весной“—вы это знаете? Я люблю васъ каждой частичкой своего сердца. Посмотрите на меня.
Бондezenъ. (Хочетъ обнять ее).
Эл. Карено. Нѣтъ, нѣтъ. Сидите. Здѣсь только что былъ Ервенъ. Онъ очень несчастенъ. Онъ умолялъ помочь ему, но Иваръ не захотѣлъ.
Бондezenъ. Ервенъ опять приходилъ?
Эл. Карено. Да, но Иваръ былъ неумолимъ. И я теперь тоже... Верхъ экипажа поднять?
Бондezenъ. Да.
Эл. Карено. Можетъ быть, лучше его открыть?
Бондezenъ. Одѣвайтесь же, дорогая.
Эл. Карено. (Встаетъ). Вы сказали „дорогая“. (Откидываетъ голову и смотритъ на него). Теперь я совсѣмъ близко отъ васъ. (Внезапно) Ахъ! (Вдругъ обнимаетъ его, быстро цѣлуетъ и бѣжитъ черезъ комнату).
Бондezenъ. (Вскакиваетъ).
Эл. Карено. Нѣтъ, нѣтъ, сидите. Я сейчасъ пойду и одѣнусь. Мнѣ надо кое-что привести въ порядокъ. (Ухо-

дитъ въ спальню и выносить, спрятавъ подъ рукой, жилетку Карено. Стоить у дверей). Выйдите на минутку на веранду.
Бондezenъ. Вы хотите остаться одна?
Эл. Карено. Да.
Бондezenъ. Ухожу безъ особаго желанія, но... (Уходитъ на веранду).
Эл. Карено. (Начинаетъ быстро пришивать пуговицы къ жилету).
Бондezenъ. Входитъ.
Эл. Карено. (Прячетъ жилетку) Нѣтъ, я еще не совсѣмъ готова.
Бондezenъ. Да, но развѣ я не могу войти? Я не могу больше оставаться безъ васъ.
Эл. Карено. Мнѣ только надо пришить двѣ пуговицы вотъ къ этой жилеткѣ. Вотъ и все. Я не хотѣла обидѣть васъ. Это жилетка Ивара.
Бондezenъ. Вы можете сейчасъ объ этомъ помнить?
Эл. Карено. Я не хочу, чтобы онъ даже въ пустякахъ страдалъ изъ-за меня, потому что сегодня я сама радуюсь. Но думаю я только о васъ.
Бондezenъ. Это правда?
Эл. Карено. А вы не вѣрите? Я теперь не понимаю, какъ мнѣ могъ нравиться кто-нибудь кромѣ васъ.
Бондezenъ. (Отступая). Вы дѣлаете меня совсѣмъ глупымъ.
Эл. Карено. А вы меня. Сядьте. Вы мнѣ не мѣшаете. Одинъ разъ я прочитала книгу; въ ней не было ничего особеннаго, но я запомнила одну фразу: „Вы жжете меня, какъ пламя“.
Бондezenъ. (Обнимаетъ ее).
Эл. Карено. Нѣтъ! (Улыбаясь, показываетъ на стуль).
Бондezenъ. (Садится).
Эл. Карено. Теперь я готова, почти совсѣмъ готова... У вашего кучера есть бичъ?

Бондezenъ. У кучера? Конечно!

Эл. Карено. Но онъ не долженъ имъ бить лошадей. Я буду сама держать бичъ. Никто не долженъ страдать въ то время, когда я рада.

Бондezenъ. Хорошо. Вы сами будете держать бичъ.

Эл. Карено. Теперь я готова! Я только позову Ингеборгъ. (Кладетъ жилетъ въ спальню, на ходу беретъ кофточку, открываетъ дверь въ кухню). Ну, Ингеборгъ, я уѣзжаю. Смотри хорошенько за домою.

Ингеборгъ. (Въ дверяхъ). Хорошо. Счастливаго пути!

Эл. Карено. Благодарю. (Киваетъ). И поклонись моему мужу.

Ингеборгъ. Могу я чѣмъ-нибудь помочь?

Эл. Карено. Нѣтъ, благодарю. Г-нъ Бондezenъ мнѣ уже помогъ. (Улыбаясь, киваетъ и закрываетъ дверь. Слышенъ стукъ калитки).

Бондezenъ. (Вскакиваетъ). Это онъ. (Быстро помогаетъ Элинѣ одѣть кофточку).

Эл. Карено. Нѣтъ, это кто-нибудь другой. Онъ не могъ вернуться съ полъ дороги. Значитъ, онъ передумалъ.

Бондezenъ. (Затаивъ дыханіе). Да, шаги въ коридоръ.

Эл. Карено. Если это онъ, я могла бы съ нимъ проститься.

Бондezenъ. Вы это серьезно?

Эл. Карено. А вы всего боитесь? (Улыбаясь, закидываетъ голову). Мнѣ такъ хорошо съ вами. Подождите минутку. Опасность такъ мала. Я пойду по саду очень медленно.

Бондezenъ. А я пойду впередъ. (Хочетъ итти).

Эл. Карено. Нѣтъ, нѣтъ, я тоже иду. Но я громко стукну калиткой, чтобы онъ зналъ, гдѣ я.

Бондezenъ. (Затаивъ дыханіе). Ну идемъ! Вы идете?

Эл. Карено. (Радостно). Иду! иду! (Оба уходятъ черезъ дверь на веранду).

Карено. (Медленно входитъ изъ двери въ глубинѣ, подходитъ, колеблясь, къ двери спальни и стучитъ). Элина, я вернулся. (Прислушивается). Я опять передумалъ. (Прислушивается, громче). Элина, я не могу. Ты можешь говорить, что хочешь. (Прислушивается, стучитъ, бѣшено). Я не стану передѣлывать, ты слышишь? Я не въ состояніи. (Стучитъ снова). Почему ты не отвѣчаешь? Тебя тамъ нѣтъ? (Открываетъ дверь и заглядываетъ).

Ингеборгъ. (Входитъ удивленная).

Карено. Барыня въ кухнѣ?

Ингеборгъ. Нѣтъ, барыня уѣхала.

Карено. Уѣхала?

Ингеборгъ. Да, барыня поѣхала къ роднымъ.

Карено. Какъ? Уже?

Ингеборгъ. Да, они только что прошли черезъ садъ.

Карено. Кто „они“?

Ингеборгъ. Барыня и Бондezenъ.

Карено. Бондezenъ.

Ингеборгъ. Только что ушли. Барыня велѣла кланяться.

Можетъ быть, ихъ догнать?

Карено. Съ нею Бондezenъ? (Опускается на стулъ. Калитка громко стучаетъ).

Ингеборгъ. Они захлопнули калитку.

Карено. (Вскакиваетъ, открываетъ дверь на веранду и выбѣгаетъ).

Ингеборгъ. (За нимъ). Можетъ быть, мнѣ?..

Карено. (Возвращается, борясь самъ съ собой). Нѣтъ, оставь, они уже уѣхали... Благодарю, мнѣ больше ничего не надо, Ингеборгъ. (Снова опускается на стулъ).

Ингеборгъ. (Направляется къ двери въ кухню).

Карено. (Овладевъ собою). Я все забылъ, Ингеборгъ. Вѣдь мы же условились, что она поѣдетъ. Я просто забылъ. Ты понимаешь?

Ингеборгъ. Да, да.

Карено. За послѣднее время я такъ много работаль и такъ мало спаль, что сталъ все забывать... Да, да. Это все такъ и должно было быть. И Бондезенъ былъ такъ любезенъ, что согласился ее проводить. Онъ мнѣ общаль... Благодарю, Ингеборгъ; мнѣ больше ничего не надо.

Ингеборгъ. Хорошо...

Карено. А если кто-нибудь придетъ,—меня нѣтъ дома. Я долженъ работать. Калитку можешь запереть.

Ингеборгъ. Хорошо. (Уходитъ).

Карено (Ходить взадъ и впередъ. Онъ часто прикладываетъ руку ко лбу и сжимаетъ его, идетъ къ письменному столу, машинально перелистываетъ рукопись, отбрасываетъ ее и снова ходитъ взадъ и впередъ. Въ это время слышенъ стукъ калитки. Вслѣдъ затѣмъ входитъ Ингеборгъ).

Ингеборгъ. Три господина вошли въ садъ.

Карено. Меня нѣтъ дома. Я долженъ работать. (Садится къ письменному столу).

Ингеборгъ. Да, но я должна была ихъ впустить,—это городской фогтъ.

Карено. (Вскакиваетъ). Городской фогтъ! (Овладевъ собою). Попроси войти.

Ингеборгъ. (Уходитъ).

Карено. (Стоитъ согнувшись; стучать; онъ выпрямляется).

Войдите. (Входятъ Городской фогтъ и два свидѣтеля. У одного подъ мышкой протоколъ).

Карено. (Кланяется).

ДРАМА ЖИЗНИ.

ПЬЕСА ВЪ 4 ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Г-НЪ ОТЕРМАНЪ.

ТЕРЕЗИТА, ЕГО ДОЧЬ ОТЪ ПЕРВАГО БРАКА.

ГУСТАВЪ, }
ЭЛІАСЪ, } ЕГО СЫНОВЬЯ ОТЪ ВТОРОГО БРАКА.

ИВАРЪ КАРЕНО, КАНДИДАТЪ ФИЛОСОФІИ И ДОМАШ-
НІЙ УЧИТЕЛЬ.

Г-ЖА КАРЕНО.

ЕНСЪ СПИРЪ, ТЕЛЕГРАФИСТЪ.

ТЮ.

БРЭДЕ, ИНЖЕНЕРЪ.

СЛУЖАНКА.

ШКИПЕРЪ РЕЙЕРСЕНЪ, ПЕРВЫЙ ГОРНОРАБОЧІЙ, ВТО-
РОЙ ГОРНОРАБОЧІЙ, ЖЕНЩИНА ЛЕГКАГО ПОВЕДЕНІЯ,
ЛЕСТАДІАНЕЦЪ, СЕРЬЕЗНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ, ПЬЯНЫЙ,
ТОРГОВЕЦЪ КНИГАМИ, КУПЕЦЪ, ТОРГОВ. СУКНОМЪ,
СТАРУХА, МОЛОДАЯ ДѢВУШКА, МОЛОДОЙ ПАРЕНЬ,
ТРУППА СТРАНСТВУЮЩИХЪ МУЗЫКАНТОВЪ, ЯРМА-
РОЧНЫЕ ТОРГОВЦЫ, КУПЦЫ, ГОРНОРАБОЧІЕ, ПРО-
СТОЙ НАРОДЪ, ЖЕНЩИНЫ, ЛОПАРИ, КВЕНЫ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сѣверный ландшафтъ съ невысокими горами. Сланцовая гора направо и посрединѣ передняго плана загоразиваетъ почти весь видъ, виднѣется только часть высоко поднимающагося мыса направо. На самомъ переднемъ планѣ тропинка, пересѣкающая сцену справа направо. Лѣтній вечеръ. Блѣдный свѣтъ солнца, не бросающій никакой тѣни.

Голосъ Карено. (Слышится справа). Вотъ здѣсь, думалъ я. (Карено выходитъ по тропинкѣ и поднимается на сланцовую гору. Ему 39 лѣтъ, и волосы у него совершенно сѣдые). Вотъ здѣсь подходящее мѣсто, думалъ я.

Г-нъ Отерманъ. (Идетъ сзади, полного тѣлосложенія, 60 лѣтъ, съ веселымъ видомъ). Ну, здѣсь. (Также взбирается на гору и осматривается). Да. Ну такъ стройте здѣсь вашъ домикъ. Я дарю вамъ столько земли, сколько вы хотите.

Карено. Благодарю. Отсюда только пять минутъ ходьбы до усадьбы, такъ что я могу приходить сюда когда угодно.

Г-нъ Отерманъ. Вы, можетъ быть, немного побуравите?

Карено. Я взялъ съ собой двухъ рабочихъ, которые займутся этимъ.

Г-нъ Отерманъ. Вѣдь эти скалы должны быть, конечно, удалены... Это что-то въ родѣ башни, вы хотите строить?

Карено. Да, круглое зданіе. Я буду сидѣть тамъ и работать.

Г-нъ Отерманъ. Но почему же круглое?
Карено. Это для опыта. Я попробую быть освѣщеннымъ со всѣхъ сторонъ. Куполь будетъ изъ стекла.
Г-нъ Отерманъ. (Смѣясь). Такъ что вы будете сидѣть въ родѣ какъ бы подѣ колпакомъ для сыра.
Карено. И зимой я повѣшу сильный рефлекторъ въ куполь. Я люблю обиліе свѣта.
Г-нъ Отерманъ. Да, чего только не выдумаютъ эти философы.
Карено. Мой домъ будетъ горѣть, какъ звѣзда, здѣсь среди горъ.
Г-нъ Отерманъ. И вы будете сидѣть тамъ и писать ваше сочиненіе?
Карено. Пополнять его. Доканчивать. (Мечтательно). О, я уже написалъ много толстыхъ тетрадей. Хорошо работалось въ этомъ году, здѣсь на сѣверѣ.
Г-нъ Отерманъ. Ну, и когда вы окончите ваше сочиненіе?
Карено. Тогда я надѣюсь найти для него издателя.
Г-нъ Отерманъ. Да, конечно, вы найдете какого-нибудь издателя.
Карено. Нѣтъ, въ этомъ нельзя быть увѣреннымъ. Въ предыдущій разъ я нашелъ издателя, но онъ уже больше не согласится издавать. Онъ потерпѣлъ убытокъ.
Г-нъ Отерманъ. Книга не расходилась?
Карено. Да. Профессоръ Ервель писалъ противъ нея.
Г-нъ Отерманъ. Вотъ какъ? Онъ вашъ противникъ?
Карено. Да, всѣ противъ меня.
Г-нъ Отерманъ. Но вы увидите, вы найдете издателя и на этотъ разъ. А въ крайнемъ случаѣ вы можете сами напечатать ваше сочиненіе.
Карено. На это у меня нѣтъ средствъ.
Терезита. (Выходитъ по тропинкѣ справа, стройная, 25-ти лѣтъ, одѣтая въ черное, несмотря на лѣтнее время.

Она ходить, сильно выворачивая ноги). Да, вотъ мѣсто. Мы вмѣстѣ выбирали его. Какъ оно тебѣ нравится, папа?
Г-нъ Отерманъ. О-очень.
Карено. Я не знаю, какъ благодарить; вашъ отецъ хочетъ дать мнѣ столько земли, сколько мнѣ нужно.
Г-нъ Отерманъ. Повторяю вамъ, что эти горы ваши. Что мнѣ съ ними дѣлать? (Широко разводитъ руками). Я дарю вамъ все, что вы видите вплоть до самаго моря... Что же это не идутъ рабочіе?
Карено. Они обѣщались прійти въ скоромъ времени.
Терезита. За мной шло двое какихъ-то людей.
Г-нъ Отерманъ. Да, Карено, я радъ, что вы хотите построить вашу башню здѣсь, у насъ. Это меня очень радуетъ также изъ-за моихъ мальчиковъ; вы прекрасный учитель для нихъ. И если бы ихъ мать была въ живыхъ, она сказала бы то же самое.
Карено. Благодарю васъ за всю вашу доброту ко мнѣ.
Г-нъ Отерманъ. Если я могу вамъ быть полезнымъ въ постройкѣ вашей башни,—я къ вашимъ услугамъ.
Терезита. Да, папа, ему нужно лошадь и рабочихъ.
Г-нъ Отерманъ. Но вѣдь, все это будетъ устроено въ одинъ день. (Труппа музыкантовъ выходитъ по тропинкѣ слѣва; они кланяются и останавливаются).
Г-нъ Отерманъ. Здравствуйте... На-те вамъ. (Онъ находитъ въ карманѣ кроновикъ и передаетъ его Терезитѣ, а та передаетъ дальше первой скрипкѣ, которая стоитъ къ ней всего ближе).
Контрабасъ. (Старикъ съ сѣдой бородой, кланяется). Благодаримъ, г. консуль.
Г-нъ Отерманъ. (Сердечно смѣется). Нѣтъ, я не консуль. Столько же консуль нынѣшній годъ, какъ и прошлый годъ. Вы называете меня каждый годъ консуломъ.
Контрабасъ. (Кланяется). Покорнѣйше благодаримъ.

Г-нъ Отерманъ. Вы идете на сѣверъ, какъ всегда?
Контрабасъ. Да, на сѣверъ, изъ дома въ домъ, и потомъ обратно сюда къ ярмаркѣ.
Г-нъ Отерманъ. Но развѣ вы не знаете, что на сѣверѣ эпидемія?
Контрабасъ. Нѣтъ, мы этого не знаемъ. Что это такое на сѣверѣ?
Терезита. (Отцу). Онъ не понимаетъ, что значитъ „эпидемія“.
Г-нъ Отерманъ. На сѣверѣ заразительная болѣзнь, нервная горячка. Народъ умираетъ массами.
Контрабасъ. Да, это мы знаемъ.
Г-нъ Отерманъ. Но вы все-таки отправляетесь. Развѣ это такъ необходимо?
Контрабасъ. О-о, да, это для насъ необходимо. Почти у всѣхъ насъ дома—семьи.
Г-нъ Отерманъ. Ахъ, да, такъ съ Богомъ. Прощайте.
Контрабасъ. Покорнѣйше благодаримъ за вашу великую милость. (Группа кланяется и уходитъ направо).
Г-нъ Отерманъ. Да-а... какъ много людей нуждается въ помощи. Такъ много нужды. (Смотритъ на часы). Но гдѣ же это пропали рабочіе?
Карено. (Терезитѣ). Обратите вниманіе: контрабасъ говоритъ отъ лица всѣхъ. Первая скрипка должна была молчать. Всегда вотъ такъ.
Терезита. Но контрабасъ вѣдь всѣхъ старше.
Карено. Да, это правда. Онъ всѣхъ старше.
Терезита. Папа, почему же мы не заставимъ ихъ немного поиграть?
Г-нъ Отерманъ. Да, моя милая, почему же имъ не сказали? Впрочемъ, они сейчасъ будутъ играть на деревнѣ. (Улыбаясь). Нѣтъ, видно, мнѣ самому придется пойти за рабочими. (Спускается съ горы и идетъ направо).

Карено. Фрекенъ Терезита, ну вотъ, у меня будетъ и башня.
Терезита. (Садится около тропинки). Да, скоро у васъ будетъ башня. Я радуюсь этому больше всего, думая о зимѣ.
Карено. (Садится также). Почему такъ?
Терезита. Потому что она будетъ такъ ярко свѣтить. И я буду приходить opravлять вашу лампу каждый день.
Карено. Вы хотите это дѣлать? А я еще ничего для васъ не сдѣлалъ.
Терезита. На что это вы смотрите? (Немного отодвигается).
Карено. Такъ что же, фрекенъ Терезита?
Терезита. Вы смотрѣли на меня. (Дѣлаетъ надъ собою усилие). Да, такъ, стало быть, вы будете сидѣть здѣсь въ башнѣ и день и ночь?
Карено. Нѣтъ, я буду приходить домой на ночь.
Терезита. Такъ я буду васъ встрѣчать. Да, можетъ быть, вы этого не хотите? Но лампу я буду opravлять. (Вдругъ). Карено, мнѣ что-то грустно нынче.
Карено. Да, я это вижу. У васъ были какія-нибудь неприятности?
Терезита. Нѣтъ.
Карено. Вы вѣдь такъ смѣлы и горды.
Терезита. Но весь этотъ свѣтъ, въ которомъ вы будете сидѣть, мнѣ кажется, вреденъ для здоровья.
Карено. Это небольшой опытъ. Тамъ будутъ линзы наверху и внизу; я хочу провести свѣтъ ложными путями.
Терезита. Да-а? Я этого не понимаю.
Карено. Наши глаза видятъ всѣ предметы выпуклыми; я попробую видѣть плоскости. Это возможно. Я научусь большому, я изслѣдую все и все запомню. (Встаетъ въ восхищеніи). Стекла и свѣтъ, говорю я; стекла

и свѣтъ. Я возлагаю на это нѣкоторую надежду. Быть можетъ, мнѣ удастся при помощи оптическаго обмана нѣсколько расширить мое земное познаніе. Это, можетъ быть, удастся. Я проясню свой мозгъ свѣтомъ и, можетъ, приведу себя въ состояніе нѣкотораго рода ясновидѣнія. (Взволнованно). О-о, какъ бы я желалъ доискаться до сути.

Терезита. Давно вы уже стали такимъ?

Карено. Какимъ такимъ?

Терезита. Это я только такъ сказала.

Карено. Нѣтъ, позвольте, какимъ такимъ?

Терезита. Вы, какъ луна. (Дѣлаетъ надъ собой усиліе).

Ну, а если вы не сдѣлаете этого? Если вы не доищетесь до сути?

Карено. (Садится). Я попробую всевозможные способы. У меня имѣются другія средства про запасъ. Я ходилъ дома по своей комнатѣ и выплакивалъ, выдумывалъ это... Фрекень Терезита, Гѣте отдавалъ предпочтеніе тѣмъ, кто неправильно шель своимъ собственнымъ путемъ, передъ тѣми, кто правильно шель по чужому пути.

Терезита. (Разсѣяннo). Такъ дѣлалъ Гѣте.

Карено. Я написалъ свою социологію, теперь я пишу свою метафизику. Я не устаю, я полонъ силъ. Я думалъ и мечталъ. Я знаю, что знаютъ люди. Но я хочу знать больше.

Терезита. Карено, говорятъ, что вы женаты.

Карено. (Пристально смотритъ на нее).

(Двое рабочихъ выходятъ въ это мгновеніе справа. Они несутъ бурава, цѣпи, ломы, фитиль, порохъ и воду.)

Первый рабочій. (Въ красной шерстяной рубашкѣ) Здѣсь, что ль?

Карено. А, вотъ и рабочіе. (Встаетъ). Да, вотъ здѣсь. (Взбирается по горѣ и показываетъ). Вы сдѣлаете гдѣ-нибудь здѣсь буровую скважину и взорвете эту гору.

Первый рабочій. Это гранитъ. Надо сдѣлать двѣ скважины.

Второй рабочій. (Молодой, смуглый парень необыкновенной красоты). Это сланецъ.

Карено. Ну, сдѣлайте сначала одну скважину.

(Первый рабочій садится и вращаетъ буравъ; другой рабочій стоитъ выпрямившись и ударяетъ. Въ эту минуту раздаются звуки музыки странствующей труппы, доносящіяся справа. Удары раздаются въ тактъ.)

Карено. Фрекень Терезита, вотъ вы и дождались вашей музыки. (Возвращается къ ней). Послушайте, какъ гора звучитъ при каждомъ ударѣ. Теперь я вызываю подземныя силы. О, мнѣ предстоитъ великая задача.

Терезита. Я васъ лучше понимаю подъ музыку.

Карено. То, что я хочу сдѣлать, такъ просто, если подумать объ этомъ. Я хочу учиться у вещей, я хочу подслушивать у ихъ двери. Вамъ кажется, что это слишкомъ фантастично? Удастся мнѣ это, я увижу больше, чѣмъ видѣли до сихъ поръ люди.

Терезита. А знаете, что было бы прекрасно?

Карено. Знаю ли я, что было бы прекрасно? Ну, что же?

Терезита. Было бы прекрасно, если бы вы достигли этого.

Карено. (Возбужденно). Видите ль, фрекень Терезита наши представленія не есть нѣчто абсолютное. Мы даемъ имъ твердый исходный пунктъ, и они годны, они служатъ свою службу. Ударъ по бураву вызываетъ звукъ. Очень хорошо. Но почему бы удару по бураву не производить свѣта! Это уже зависитъ отъ меня самого. Слѣпорожденный можетъ легко научиться отличать кубъ отъ шара; но возвратите ему зрѣніе, и онъ не узнаетъ, гдѣ кубъ и гдѣ шаръ. Ну хорошо, я переимѣняю мой прежній исходный пунктъ, я слѣпорожденный.

Терезита. (Устало). Мнѣ грустно сегодня.

Карено. (Садится). Почему вамъ грустно? вы недовольны мною?

Терезита. Вами? Нѣтъ.

Карено. Вамъ не слѣдуетъ печалиться.

Терезита. Подумать только, неужели съ слѣпорожденнымъ будетъ такъ? Неужели онъ не отличить шара отъ куба?

Карено. (Встаетъ). Не отличить. Развѣ это не поразительно? Его исходный пунктъ измѣнился, когда онъ сдѣлался зрячимъ, и вещи показываютъ его сознанию чуждыя особенности. Такъ вотъ, именно это-то я и хочу сдѣлать, я хочу привести себя въ такое состояніе, въ которомъ я увидалъ бы дѣйствительность измѣненной. А такъ какъ нѣтъ ничего совершенно абсолютнаго, то я сажаю съ превеликимъ удовольствіемъ „Химеру“ на тронъ, приказываю ей существовать какъ факту, снабжаю ее значеніемъ, возлагаю на нее корону.

Терезита. Когда вы стоите такъ вотъ и что-нибудь говорите, то у васъ такой видъ, какъ будто вы плывете на лебедѣ.

Карено. (Смѣется). Ну, такъ я сяду. (Садится). На лебедѣ? Наоборотъ. Я сажу на своемъ старомъ черномъ конѣ, который несется галопомъ. Его хвостъ касается земли.

Терезита. У васъ локти въ чемъ-то бѣломъ. Подождите чуточку. (Вынимаетъ свой носовой платокъ и чистить имъ Карено.)

Карено. Это, вѣроятно, каменная пыль. Очень благодаренъ. (Мечтательно). И, кромѣ того, я, можетъ-быть, измѣню совершенно основаніе моего воспріятія времени. Чего я достигну этимъ? Очень многого. Я устремлю свою душу къ берегамъ вѣчности. Да. (Воспла-

меняется отъ своихъ собственныхъ словъ и встаетъ. Если бы я совершенно остановилъ потокъ ощущений, то время исчезло бы. Если бы я уменьшилъ быстроту потока не болѣе, чѣмъ въ пять разъ, то я поставилъ бы вверхъ дномъ всѣ свои представленія. День и ночь смѣнялись бы каждыя четыре минуты, рожа сѣялась бы, созрѣвала и убиралась въ одно мгновеніе. Внезапно я достигаю восьмидесятилѣтняго возраста и умираю. Но я умираю молодымъ. Мое представленіе высчитываетъ мой возрастъ и находитъ, что мнѣ 15 лѣтъ и 10 дней. (Стоитъ мгновеніе молча, потомъ садится).

Терезита. Карено, говорятъ, что вы женаты?

Карено. (Послѣ нѣкотораго молчанія). Нѣтъ, я не женатъ. Почему вы спрашиваете объ этомъ?

Терезита. Я слышала объ этомъ.

Карено. Я не женатъ. Вамъ это рассказалъ Енсъ Спиръ? Онъ вамъ такъ много всего рассказываетъ. Когда-то я былъ женатъ.

Терезита. Но ваша жена жива?

Карено. (Въ раздумьѣ). Вы два раза на дню спрашиваете, женатъ ли я; что это значить? Если бы вы знали, какъ необходимо вы должны спросить объ этомъ еще разъ.

Терезита. Подумать только, и вотъ вы умираете пятнадцати лѣтъ, говорите вы. Развѣ это не такъ?

Карено. Вы въ такомъ безпокойномъ состояніи духа сегодня, фрѣкенъ Терезита.

Терезита. (Вдругъ встаетъ, отходить на два шага и возвращается назадъ). Я знаю кой-что, за что вы и папа не похвалили бы.

Карено. Что вы такое знаете?

Терезита. Я готовлю роскошный обѣдъ и угощаю имъ вашу собаку.

Карено. Ну-у, за это, конечно, вашъ отецъ не сталъ бы васъ наказывать.

Терезита. И вотъ я приглашаю голоднаго молодого чело-
вѣкастоять при этом и смотрѣть. (Краткое молчаніе).
Карено. Я не знаю, зачѣмъ вы это говорите. (Музыка разда-
ется сильнѣе).
Терезита. Я говорю это, потому что мнѣ это шепнули
на ухо. А то зачѣмъ бы мнѣ было говорить это...
Слышите, теперь музыка становится нѣжнѣе.
Карено. Мнѣ кажется, она раздается все громче.
Терезита. Теперь она стала меланхоличной. (Порывисто
опускается на то мѣсто, гдѣ сидѣла раньше. Музыка
умолкаетъ. Рабочіе перестаютъ ударять).
Первый рабочій. (Вытаскиваетъ буравъ и изслѣдуетъ
его; говорить, обращаясь къ Карено). Мягче этой
горы мнѣ не приходилось бурить.
Карено. (Встаетъ и хочетъ отвѣчать).
Терезита. (Съ горечью). Развѣ мои послѣднія слова также
несправедливы?
Карено. Нѣтъ, развѣ они не справедливы? Вовсе нѣтъ,
фрѣкенъ Терезита.
Первый рабочій. Почва мягка, какъ глина.
Карено. Такъ это сланецъ, говорите вы? (Входитъ на
гору). Глина?
Первый рабочій. Я теперь уже и не знаю, что это та-
кое. (Наполняетъ водой скважину).
Карено. Да, да, ну пусть будетъ, что будетъ. Бурите
дальше. (Сходитъ назадъ).
Г-нъ Отерманъ. (Появляется справа). Рабочіе пришли?
Карено. Они бурятъ. Гора поразительно мягка.
Первый рабочій. Почти какъ глина.
Г-нъ Отерманъ. (Смѣясь). Какъ глина? (Всходитъ на гору,
продолжая разговоръ съ рабочими).
Карено. (Терезитѣ). Развѣ ваши слова оказались неспра-
ведливы? Я, можетъ, васъ чѣмъ-нибудь обидѣлъ сейчасъ?
Терезита. Нѣтъ, вы меня не обидѣли.

(Въ то время, какъ снова начинаютъ раздаваться удары рабо-
чихъ, музыка заигрываетъ новую вещь, на этотъ разъ въ
большемъ отдаленіи. Удары раздаются въ тактъ).
Карено. Скажите мнѣ, что съ вами сегодня?
Терезита. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. (Смотритъ на него). Вы хо-
тите это знать? (Встаетъ). Впрочемъ, со мной ничего.
Карено. Раньше обыкновенно вы бывали веселѣе.
Терезита. Хоть бы перестала эта музыка.
Карено. Фрѣкенъ Терезита, не вы ли сами желали ее по-
слушать?
Терезита. Я такъ была увѣрена въ томъ, что вы станете
спорить. (Съ жаромъ). Ну, а теперь мнѣ вовсе не хо-
чется ея слушать.
Карено. Я могу пойти къ музыкантамъ и сказать имъ,
чтобъ они перестали.
Терезита. (Умоляющимъ тономъ). Нѣтъ, не уходите. (Ози-
рается кругомъ). Впрочемъ, вамъ не къ чему быть
здѣсь; если вамъ ужъ такъ хочется уйти.
Карено. Я не понимаю васъ.
Терезита. Я сама себя не понимаю. (Стремительно са-
дится). Но мнѣ хотѣлось бы быть около васъ.
Карено. Какъ это вамъ пришло въ голову?
Г-нъ Отерманъ. (Идетъ по направленію къ нимъ; смѣясь).
Мнѣ думается, Карено, я подарилъ вамъ болото.
Карено. Болото?
Г-нъ Отерманъ. Буравъ опускается все глубже и глубже
съ каждымъ ударомъ. Не хотите ли пойти и посмо-
трѣть? (Возвращается къ рабочимъ).
Карено. Хорошо. (Хочетъ итти на гору).
Терезита. (Встаетъ). Простите мнѣ.
Карено. Право, мнѣ нечего прощать вамъ.
Терезита. Подождите немного, вы все еще въ бѣломъ.
(Очищаетъ его носовымъ платкомъ). Ну, вотъ теперь идите.
(Карено опять хочетъ итти на гору).

Терезита. Такъ вы идете?

Карено. (Смотритъ на нее). Нѣтъ. (Спускается назадъ).

Терезита. Ну, теперь вы, конечно, что-нибудь думаете обо мнѣ?

Карено. Вы нынче находитесь въ необыкновенно беспокойномъ состояніи духа, вотъ что я думаю.

Терезита. Я увѣрена, что если бы было въ моей власти чѣмъ-нибудь васъ порадовать, то я сдѣлала бы это.

(Входитъ Тю, древній старикъ, онъ останавливается, выпрямившись, и держитъ въ рукахъ фуражку).

Карено. Кто это?

Терезита. (Оборачивается). Это Тю.

Карено. Чего ему нужно?

Терезита. И всегда-то здѣсь свѣтитъ солнце. Не можете ли вы сказать мнѣ, почему больше не идетъ дождь?

Карено. Да вѣдь дождь шелъ позавчера.

Терезита. Нѣтъ, дождя не было.

Карено. Я увѣряю васъ.

Терезита. Ну, хорошо, а то мы опять начнемъ спорить и объ этомъ. Ну, я сдаюсь. Позавчера былъ дождь.

(Короткое молчаніе).

Карено. Я видѣлъ васъ однажды такой же раньше.

Терезита. День и число. Я увѣрена, что вы помните.

Карено. Это было въ первый разъ, какъ я васъ встрѣтилъ; въ самый первый день. Тому уже годъ.

Терезита. Я надѣюсь, я произвела на васъ хорошее впечатлѣніе?

Карено. На это вы, конечно, не надѣетесь. Вы объ этомъ ни разу не подумали... Но чего нужно этому человѣку? Онъ не уходитъ.

Терезита. Это Тю... Знаете, почему мнѣ хотѣлось бы быть около васъ, Карено?

Карено. Нѣтъ.

Терезита. Потому что вы не грѣшите. Да, вамъ ни разу не приходило въ голову, что вы имѣете право грѣшить.

Карено. И что это такое вы говорите!

Терезита. Потому-то мнѣ и хотѣлось бы быть около васъ.

Карено. (Смѣясь). Я и прежде слыхалъ отъ васъ такіа фантазіи.

Терезита. Тамъ вонъ стоитъ теперь этотъ человѣкъ. Я ничего ему не скажу, если онъ самъ первый не заговоритъ. (Вдругъ). Здравствуй, Тю.

Тю. Здравствуйте.

Терезита. Хочешь ты, чтобъ я съ тобой поговорила?

Тю. Нѣтъ?

Терезита. Куда идешь ты на этотъ разъ?

Тю. Я иду далеко.

Терезита. Всегда съ босыми ногами. Развѣ тебѣ не холодно?

Тю. Нѣтъ.

Терезита. (Обращается къ Карено). Въ иные дни люди обречены на томительное страданіе; оно приходитъ къ нимъ, никто не знаетъ откуда. Тогда вся земля лежитъ и упорно смотритъ на тебя со враждой.

Карено. (Къ Тю). Вы желаете поговорить съ г. Отерманомъ?

(Тю не отвѣчаетъ).

Терезита. (Рѣшительно). Одинъ только вопросъ.

Карено. Вы обращаетесь къ этому человѣку?

Терезита. Ваша жена блондинка или брюнетка?

Карено. Фрэнкенъ Терезита!

Терезита. Блондинка или брюнетка?

Карено. Она была блондинка. Я уже забылъ объ этомъ.

Терезита. Типичная блондинка?

Карено. Да, типичная блондинка. У ней были свѣтлые глаза.

Терезита. Она уже не молода?

Карено. Какъ вамъ сказать, она была также очень молоденькая... Оставьте меня въ покоѣ.

(Музыка замолкаетъ. Рабочіе перестаютъ ударять).

Г-нъ Отерманъ. (Приходить). Ну вотъ. Скважина теперь готова... А-а, смотрите-ка, да тамъ Тю. Здравствуй, Тю.

Тю. Здравствуйте.

Г-нъ Отерманъ. Свѣжъ и бодръ, какъ всегда. Все тотъ же.

Тю. Пока могу еще волочить ноги.

Г-нъ Отерманъ. Н-да. Но тебѣ теперь уже много лѣтъ,

Тю. (Отыскиваетъ въ карманѣ крону и подаетъ ему).

Карено. (Къ Терезитѣ). Онъ не благодарить.

Терезита. (Про себя). Подумать только, весь огромный, необъятный земной шаръ лежитъ и упорно смотритъ на тебя съ безконечной враждой.

Карено. Вашъ отецъ раздаетъ деньги всѣмъ. Онъ вѣчно подаетъ.

Г-нъ Отерманъ. Да, да, Тю, сохрани тебя Господь.

Тю. У меня до васъ дѣло.

Г-нъ Отерманъ. (Снисходительно). У тебя нынче есть дѣло? (Кричитъ рабочимъ). Ну вотъ, заряжайте теперь, и конецъ дѣлу.

Первый рабочій. Мы заряжаемъ.

Терезита. Папа, Карено говорить, что ты слишкомъ щедро всѣмъ подаешь.

Г-нъ Отерманъ. (Смѣясь). Вотъ какъ? Я не такъ уже, стало быть, богатъ, чтобы мнѣ можно было побѣднѣть на одну крону.

Тю. Мнѣ нужно сказать одну вещь.

Г-нъ Отерманъ. Тебѣ нужно сказать что-то?.. Я обезпеченъ, а есть много людей, которые вѣчно нуждаются. Теперь вотъ свирѣпствуетъ горячка въ Корсфьордѣ, тамъ народъ терпитъ ужасную нужду. Я послалъ на сѣверъ нѣсколько муки; но что это — капля въ морѣ. Болѣзнь идетъ дальше, она переходитъ изъ дому въ

домъ; дѣти умираютъ. Черезъ нѣкоторое время она придетъ, можетъ быть, и сюда.

Терезита. Сюда?

Г-нъ Отерманъ. Она идетъ на югъ.

Терезита. Я буду васъ беречь, Карено.

Г-нъ Отерманъ. (Слегка обнимаетъ ее). Мое милое дитя. (Оставляетъ ее). Скажите мнѣ, Карено, что вы мнѣ посоветуете сдѣлать съ моими двумя малышами? Пустить ихъ по торговой части?

Карено. Одною, — да. Онъ настоящій спекулянтъ. Онъ разыскиваетъ яйца дикихъ птицъ и продаетъ ихъ на кухню.

Г-нъ Отерманъ. Это Густавъ.

Карено. Другой имѣетъ склонность къ музыкѣ и путешествіямъ.

Г-нъ Отерманъ. Это Эліасъ. Онъ походить на мать. Я подумывалъ немножко потратиться на него, если у меня найдутся средства. Отослать его куда-нибудь.

Терезита, а ты поиграла бы немножко съ нимъ иногда.

Терезита. Спроси теперь Карено, что онъ посоветуетъ тебѣ сдѣлать со мною.

Г-нъ Отерманъ. (Улыбается и беретъ ее за подбородокъ). Съ тобой, чертенокъ? Ты отправишься въ какой-нибудь пансіонъ. Ха-ха. Да, это тебѣ слѣдуетъ. И получишься порядку. (Обнимаетъ ее). Ахъ, а тамъ явится кто-нибудь и возьметъ тебя въ одинъ прекрасный день. Что же дѣлать.

Первый рабочій. (Кричитъ). Берегись!

Г-нъ Отерманъ. Ну, сейчасъ они взорвутъ. Ступай отсюда. (Уводитъ Терезиту влѣво).

Тю. У меня до васъ дѣло.

Г-нъ Отерманъ. Хорошо, теперь не время. Смотрите, уходите прочь, Карено. Вотъ сюда.

Первый рабочій. (Кричитъ). Берег-и-сь!

Тю. Миѣ нужно сказать одну вещь.

Г-нъ Отерманъ. (Подходить къ нему и уводитъ его направо). Ну, развѣ ты не видишь, что мину сейчасъ подожгутъ! Съ ума ты сошелъ! Уходи! (Машетъ ему руками, поспѣшно уходитъ съ Терезитой и Карено налѣво. Первый рабочій удаляется съ признаками страха. Второй рабочій поджигаетъ фитиль и спокойно отходитъ. Тю стоитъ мгновеніе и печально слѣдитъ взоромъ за г. Отерманомъ. Слышно, какъ г. Отерманъ сердито кричитъ слѣва: „Да побойся ты Бога!“ Фитиль дымится. Тю медленно отходитъ вправо. Мину взрываетъ. Глыбы бѣлаго камня разбрасываются во всѣ стороны. Открывается далекій видъ, на заднемъ планѣ виднѣется горный хребетъ, налѣво высокій мысъ и еще дальше съ той же стороны клочокъ голубого моря. Направо два окрашенныхъ въ красное зданія. Музыка играетъ вдалекѣ)

Первый рабочій. (Приближается спокойно къ миѣ и кричитъ). Иди наза-а-дъ!

Второй рабочій. (Приходитъ). Это бѣлый камень.

Г-нъ Отерманъ. (Появляется справа). Бѣлый камень?

Карено. (Вслѣдъ за нимъ). Бѣлый камень?

Первый рабочій. Это бѣлый камень. Миѣ думается, это какой-нибудь рѣдкій сортъ камня.

Г-нъ Отерманъ. Но, Боже мой?..

Второй рабочій. (Тыкаетъ ломомъ).

Г-нъ Отерманъ. Что это такое?

Второй рабочій. Это мраморъ. (Кладетъ ломъ на землю).

Карено. Мраморъ?

Первый рабочій. Ну, я это и хотѣлъ сказать. Это мраморъ.

Г-нъ Отерманъ. Это невозможно. Посмотрите-ка еще разъ, Гейеръ.

Первый рабочій. Да, посмотри-ка еще разъ, Гейеръ. Поскорѣе, слышишь ты?

Второй рабочій. (Снова ударяетъ ломомъ). Это мраморъ. (Кладетъ ломъ на землю).

Первый рабочій. Это ни на что иное и не похоже. Это мраморъ, вполне очевидно.

Карено. Подумать только, мраморъ! (Сбѣгаетъ внизъ къ Терезитѣ, которая только что появилась справа). Слышите, это мраморъ. Я построю свою башню на мраморномъ основаніи. (Уходитъ назадъ къ миѣ).

Терезита. (Идетъ за нимъ). Мраморъ?

Первый рабочій. Да. Толстый слой сланца и подъ нимъ чистый, настоящій мраморъ.

Карено. Какъ это странно! Не правда ли, это можно назвать основаніемъ... но куда же дѣлся этотъ человѣкъ?

Терезита. Какой человѣкъ?

Карено. Этотъ старикъ. Сѣдой старикъ.

Терезита. Онъ ушелъ.

Карено. Онъ дважды что-то хотѣлъ сказать.

Терезита. Папа, что это Тю хотѣлъ сказать?

Г-нъ Отерманъ. (Въ раздумьѣ). Что это Тю хотѣлъ сказать?

Карено. У него было до васъ дѣло.

Г-нъ Отерманъ. Дѣло? (Овладеваетъ собой). Ахъ, это у него всегда. Онъ такой старый. Иные думаютъ, что это вѣчный жидъ. Да, вѣдь, это о Тю вы спрашиваете?

Карено. Ну да.

Г-нъ Отерманъ. Ему много пришлось претерпѣть, когда онъ былъ молодъ; онъ потерялъ все свое состояніе. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ такимъ.

Карено. А что это онъ отъ васъ хотѣлъ?

Г-нъ Отерманъ. Этого я не знаю... Иные называютъ его „Справедливостью“.

Карено. „Справедливость“.

Г-нъ Отерманъ. Да. Онъ дурачекъ... Ну, а миѣ нужно

домой—сдѣлать кой-какія распоряженія. (Смотритъ на часы). Я стою вотъ и думаю, что вашу башню прійдется выстроить въ другомъ мѣстѣ.

Карено. Выстроить въ другомъ мѣстѣ?

Г-нъ Отерманъ. А то здѣсь, вѣдь, грунтъ состоитъ изъ мрамора. Тутъ, можетъ быть, скрыты вокругъ насъ несмѣтныя сокровища.

Карено. Вотъ потому-то здѣсь она и должна быть. Я радуюсь этому. Мнѣ будетъ хорошо работать здѣсь, среди всего этого блеска... Но... меня не на шутку поразило, что этого человѣка зовутъ „Справедливостью“. Я какъ разъ пишу главу о мудрой Немезидѣ.

Первый рабочій. Продолжать намъ?

Карено. Да, ломайте дальше. Ровную площадку. (Г. Отерманъ спускается по тропинкѣ и идетъ въ раздумьи направо. Рабочіе начинаютъ работать ломомъ).

Карено. (Опускается). И именно поэтому, мнѣ кажется. Потому, что грунтъ такъ драгоцененъ... Вы не замѣтили никакихъ особенностей въ этихъ двухъ рабочихъ, фрѣкенъ Терезита?

Терезита. (Немного спустя). Нѣтъ.

Карено. Одинъ изъ нихъ болтаетъ, распоряжается, предостерегаетъ. Другой молчитъ и поджигаетъ фитиль. И также этотъ другой различаетъ каменные породы.

Терезита. Это Гейеръ. Онъ былъ на каторгѣ.

Карено. Что-о?

Терезита. Тамъ онъ научился камнеломнымъ работамъ.

Карено. За что же онъ попалъ на каторгу?

Терезита. За изнасилованіе. Ну, теперь я, наконецъ, поняла, отчего мнѣ не по себѣ сегодня.

Карено. Отчего же?

Терезита. Енсъ Спиръ сдѣлалъ мнѣ предложеніе. (Наблюдаетъ за нимъ).

Карено. Что-о? Сдѣлалъ предложеніе?

Терезита. Что вы на это скажете?

Карено. Ну, теперь я понимаю, отчего вы такъ безпокойны съ самаго утра.

Терезита. (Улыбается). Да, не правда ли? Вѣдь, отъ этого я такъ безпокойна. (Смѣется). Это вскружило мнѣ голову.

Карено. И можно поздравить васъ?

Терезита. Ну, а какъ, по вашему, мнѣ нужно поступить?

Карено. Развѣ вы еще не покончили съ этимъ?

Терезита. Нѣтъ.

Карено. Н-да, что отвѣтить на это? Что же, по моему, согласиться. То-есть я хочу сказать, если вы сами... Посторонній, конечно, не можетъ такъ хорошо... Но, по моему, согласиться.

Терезита. А мнѣ хотѣлось бы, чтобы по вашему было не такъ.

Карено. Не подумайте чего-нибудь. У меня, собственно, никакого не можетъ быть мнѣнія на этотъ счетъ.

Терезита. Такъ какъ, по моему, этого не должно быть.

Карено. Да-а, но тогда, конечно, вы этого не сдѣлаете. Не примете предложенія.

Терезита. Ну, а приму я, и дѣлу конецъ.

Карено. Ну, это только такъ вы говорите.

Терезита. И никому не будетъ дѣла до этого.

Г-нъ Отерманъ. (Необыкновенно блѣдный и сильно взволнованный выходитъ справа). Но тутъ вездѣ мраморъ. (Показываетъ кругомъ).

Карено. Такъ что жъ?

Г-нъ Отерманъ. Здѣсь нельзя строить башню.

Карено. Но..? Вы подарили мнѣ участокъ. Весь, до самаго моря, сказали вы.

Г-нъ Отерманъ. Тутъ мраморъ, слышите вы. Я дарю вамъ вонъ тотъ мысъ. Стройте вашу башню тамъ. Я

ислѣдую окрестности; здѣсь долженъ быть мраморъ повсюду кругомъ. Господь съ вами, Карено.

Карено. На мысу? Тамъ вонъ? (Показываетъ).

Г-нъ Отерманъ. Да. Пусть башня будетъ построена на лѣсной опушкѣ. Тамъ она будетъ служить маякомъ для кораблей. (Ко второму рабочему, показывая). Сдѣлай еще скважину тамъ вонъ.

Первый рабочій. Хорошо.

Г-нъ Отерманъ. А здѣсь должны быть сокровища на громадную сумму. (Спускается по тропинкѣ и уходитъ направо).

Терезита. Ну, что, Карено, пропало ваше веселье?

Карено. Вы не замѣтили, фрѣкенъ Терезита, какъ онъ былъ блѣденъ? Огоньки пробѣгали въ его глазахъ.

Терезита. Въ глазахъ Тю?

Карено. Нѣтъ, въ глазахъ вашего отца. Въ нихъ пробѣгали огоньки. (Рабочіе начинаютъ бурить).

Карено. Пойдете вы со мной къ новому мѣсту?

Терезита. Нѣтъ. Мнѣ нужно домой къ Енсу Спиру.

Карено. Да, это правда. Простите. (Кланяется и уходитъ налево).

Терезита. (Смотритъ ему вслѣдъ; тихо). Карено. (Складываетъ руки крестъ на крестъ. Молчаніе. Вдругъ кричитъ). Гейеръ!

Второй рабочій. (Идетъ къ ней).

Терезита. Чтобъ никогда этого больше не было? Слышишь ты? (Топаешь ногой). Не приходи больше.

(Уходитъ направо).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Въ усадьбѣ г. Отермана. Направо широкая приличная каменная лѣстница и нѣкоторая часть главнаго зданія съ окнами. Видъ перваго дѣйствія, но только съ другой стороны. На мысу построено высокое, похожее на башню, зданіе. Море усѣяно шхерами, о которыя разбиваются волны. Осень, кой-гдѣ снѣгъ. Отдаленный шумъ съ моря. Три часа пополудни. Смеркается.

Изъ дому слышится игра на фортепiano. Енсъ Спиръ, 30-лѣтній мужчина съ бородой, у лѣстницы. Онъ куритъ и слушаетъ музыку. Г. Отерманъ выходитъ поспѣшно справа, проходитъ мимо крыльца и исчезаетъ за отдаленнѣйшимъ угломъ зданія. Немного спустя онъ возвращается.

Г-нъ Отерманъ. Какое нынче бурное море.

Енсъ Спиръ. Испортилась погода.

Г-нъ Отерманъ. Что новенькаго на линіи, Енсъ Спиръ? (Музыка прекращается).

Енсъ Спиръ. Кой-какія поврежденія на сѣверной линіи этой ночью.

Терезита. (Выходитъ на лѣстницу). Папа, кофе налито и стынеть.

Г-нъ Отерманъ. Мнѣ некогда. Гдѣ дѣти?

Терезита. Я не знаю.

Г-нъ Отерманъ. Если узнаешь, то скажи мнѣ, гдѣ они; мнѣ ихъ нужно.

Терезита. Я поищу ихъ.

Г-нъ Отерманъ. Такъ много вездѣ работы, а у меня некому исполнять ее.

Терезита. Да, но, папа, ты расчелъ всю прислугу.
Г-нъ Отерманъ. Развѣ мы можемъ платить имъ? (Къ
Енсу Спиру). Люди потеряли всякій стыдъ, Енсъ Спиръ;
они требуютъ прибавки, они высасываютъ челоуѣка.
А если не сдѣлаешь по-ихнему, они уходятъ.
Енсъ Спиръ. Вы такъ хорошо играли, фрѣкенъ Терезита.
Терезита. Такъ я поставлю кофе тебѣ въ контору.
Г-нъ Отерманъ. Не нужно, мнѣ некогда пить его.
Енсъ Спиръ. (Терезитѣ). Вы не видали Карено? Я ищущего, чтобы передать ему телеграмму.
Г-нъ Отерманъ. (Продолжаетъ). И въ концѣ концовъ у насъ нѣтъ средствъ болѣе для такой барской жизни.
Терезита. Карено тамъ въ башнѣ.
Г-нъ Отерманъ. Я повторяю тебѣ, Терезита, не зажигай лампы вечеромъ раньше четырехъ часовъ. Ты не можешь себѣ представить, дочка, сколько сжигаемъ мы масла въ годъ. (Уходитъ направо за отдаленнѣйшій уголь главнаго зданія).
Терезита. Вы все еще ищите Карено?
Енсъ Спиръ. Нѣтъ.
Терезита. Какъ нѣтъ.
Енсъ Спиръ. (Съ улыбкой). Я вотъ стоялъ здѣсь и слушалъ вашу прекрасную музыку, какъ вы видите.
Терезита. Ну-ка дайте мнѣ взглянуть на телеграмму.
Енсъ Спиръ. Я запечаталъ ее.
Терезита. Тамъ подписано: Элина?
Енсъ Спиръ. Да.
Терезита. Буду вечеромъ. Элина?
Енсъ Спиръ. Да, такъ приблизительно.
Терезита. Вы правы. Это, очевидно, отъ его жены.
Енсъ Спиръ. Какъ мнѣ хотѣлось бы этого!
Терезита. Сколько времени?
Енсъ Спиръ. Три часа.

Терезита. Три часа. Черезъ часъ она будетъ здѣсь. Здѣсь, вмѣстѣ съ нами. (Прислоняется къ периламъ).
Енсъ Спиръ. Я рассказалъ вамъ эту новость для того только, чтобы предупредить васъ во-время, фрѣкенъ Терезита.
Терезита. Разумѣется. И я васъ поняла. Ха-ха.
(Густавъ и Элиасъ входятъ слѣва, каждый со своей лопатой для сгребанія снѣга на плечахъ).
Енсъ Спиръ. Что это вы дѣлали, дѣти?
Густавъ. Мы расчищали дорогу къ башнѣ. Ее опять замело.
Енсъ Спиръ. Карено тамъ?
Густавъ. Да.
Элиасъ. Да, онъ былъ тамъ.
Терезита. Папа спрашивалъ васъ. Онъ въ конторѣ.
(Густавъ и Элиасъ бросаютъ лопаты и уходятъ, рѣзаясь, мимо главнаго зданія направо).
Терезита. Вы ждете, чтобы ваша возлюбленная сказала что-нибудь, Енсъ Спиръ?
Енсъ Спиръ. Нѣтъ.
Терезита. Я тоскую по васъ, когда васъ нѣтъ. Я всюду за вами.
Енсъ Спиръ. Это неправда.
Терезита. Почему же это неправда?
Енсъ Спиръ. Вы не станете тосковать по челоуѣкѣ изъ-за того только, что онъ васъ любитъ. фрѣкенъ Терезита.
Терезита. Какъ вы думаете, пароходъ будетъ здѣсь черезъ полчаса?
Енсъ Спиръ. Можетъ быть. Если ничего не случится.
Терезита. (Смотритъ на него). Что же можетъ случиться?
Енсъ Спиръ. Ну, да, что же можетъ случиться?
Терезита. Развѣ что-нибудь при входѣ въ гавань?
Енсъ Спиръ. Входъ въ гавань сопряженъ со многими опасностями. (Молчаніе).
Терезита. (Смѣется). Какія у васъ смѣшныя морщинки на лицѣ. Ха-ха.

Енсъ Спиръ. Вы тому причина, что у меня морщинки.
Терезита. Какъ вы скучны! Вы только челоуѣкъ. Вы мнѣ
надоѣли.
Енсъ Спиръ. А Карено?
Терезита. Нѣтъ, нѣтъ, тотъ не отъ міра сего. Когда я
иду ему навстрѣчу, я въ упоръ смотрю на него и го-
ворю шопотомъ: „Да“. Такъ какъ мнѣ кажется, что
это луна идетъ ко мнѣ и чего-то хочетъ отъ меня.
Енсъ Спиръ. Вы слыхали объ Истаръ?
Терезита. Что такое?
Енсъ Спиръ. Я сказалъ: Истаръ.
Терезита. (Опять начинаетъ смѣяться). Боже мой, у васъ
видъ, словно у какого-нибудь меланхоличнаго кота изъ
басни.
Енсъ Спиръ. А вы его можете сдѣлать счастливѣйшимъ
дуракомъ въ свѣтѣ.
Терезита. Вы не думаете половины изъ того, что говорите.
Енсъ Спиръ. Да, это правда.
Терезита. Такъ зачѣмъ же вы тогда это говорите?
Енсъ Спиръ. Такая уже у меня тактика.
Терезита. А въ глубинѣ души своей вы исполнены без-
стыдства по отношенію ко мнѣ.
Енсъ Спиръ. Да.
Терезита. Это тоже такая у васъ тактика?
Енсъ Спиръ. Нѣтъ, это принципъ.
Терезита. Какъ вы хорошо отвѣчаете за себя. Ха, ха.
Енсъ Спиръ. Вы должны также знать, какъ мнѣ это
трудно.
Терезита. (Устало, смотря прямо передъ собой въ небо).
Да, да, Енсъ Спиръ. Легко можетъ случиться, вы въ
концѣ концовъ такъ меня измучите, что я сдамся. Это
вполнѣ возможно. (Повертывается къ нему). Но если
бы вы только знали, какъ вы мнѣ противны.
Енсъ Спиръ (Низко кланяется).

Терезита. Зачѣмъ вы такъ низко поклонились?
Енсъ Спиръ. Чтобы скрыть, что я смѣялся.
Терезита. Вы смѣялись? (Насмѣшливо). Надъ кѣмъ-ни-
будь изъ насъ двоихъ?
Енсъ Спиръ. (Улыбается). Вы не ошиблись фрѣкенъ.
Терезита. Вонъ Карено. (Кричитъ). Карено!
(Карено появляется слѣва).
Енсъ Спиръ. Я васъ ищу.
Терезита. Вы съ башни?
Карено. Да.
Терезита. Вы покончили тамъ съ своими дѣлами на се-
годня?
Карено. Да.
Терезита. Онъ покончилъ тамъ съ своимн дѣлами на
сегодня.
Енсъ Спиръ. Вы все еще вѣрите, Карено, въ свой этотъ
свѣтъ и стекла?
Карено. Я ни во что не вѣрю. Но я надѣюсь на все.
Енсъ Спиръ. И поддерживаете огонь въ вашей священ-
ной лампѣ.
Карено. Я счастливо работалъ за послѣднее время. Иныя
вещи становятся ясными для меня. Ночью наступаетъ
мое время.
Енсъ Спиръ. Что же вы испытываете тогда?
(Вынимаетъ телеграмму изъ кармана).
Карено. Я влюбленъ въ ночь, я цѣлый день хожу и до-
жидаюсь ея. И когда она, наконецъ, приходитъ, я са-
жусь тамъ у себя и размышляю. По временамъ мнѣ
удаётся видѣть дальше, чѣмъ я видѣлъ.
Терезита. Вы не ждете сюда гости?
Карено. Гости? Я? (Улыбается). Какую же такую гостью
мнѣ ждять сюда?
Енсъ Спиръ (Протягиваетъ телеграмму).
Карено. Что это такое?

Терезита. Это вамъ.
Карено. Мнѣ?
Енсъ Спиръ. (Показывая). Распишитесь вотъ здѣсь.
(Подаетъ ему карандашъ).
Карено. Отъ кого это могло бы быть?.. Здѣсь, вы говорите?
Енсъ Спиръ. (Показываетъ). Ну да, распишитесь вотъ здѣсь.
Карено. (Расписывается). Телеграмма. Увѣрены ли вы, что это мнѣ?
Енсъ Спиръ. Быть можетъ, это какое-нибудь назначеніе. Васъ награждаютъ.
Карено. Я не жду никакой награды. (Расписывается).
Енсъ Спиръ. Чего вамъ больше хотѣлось бы? Ленты или креста?
(Уходитъ, смѣясь, направо и машетъ киванціей).
Терезита. Хотите, я вамъ ее прочту?
Карено. Нѣтъ, благодарю. О, нѣтъ, благодарю. (Смѣется). Это, вѣроятно, не такъ ужъ опасно. (Распечатываетъ телеграмму и читаетъ).
Терезита. Лента или крестъ?
Карено. (Перечитывая нѣсколько разъ). Сегодня вечеромъ? Не можете ли вы мнѣ сказать, дѣйствительно ли здѣсь стоитъ „сегодня вечеромъ“?
Терезита. (Читаетъ). Сегодня вечеромъ.
Карено. Сегодня вечеромъ. (Вдругъ). Сегодня на морѣ буря.
Терезита. Это всегда бываетъ здѣсь осенью.
Карено. Въ особенности здѣсь у береговъ, мнѣ кажется.
Ну, пусть ее бушуетъ, буря.
Терезита. Конечно, пусть ее бушуетъ, буря.
Карено. Наступаетъ опасная ночь. Тамъ должны гибнуть корабли.
Терезита. Къ чему вы это говорите?

Карено. Ну, пусть ихъ гибнуть, говорю я.
Терезита. Какъ вы поблѣднѣли!
Карено. Фрѣкенъ Терезита, меня нѣтъ дома ни для кого посторонняго въ случаѣ, если кто придетъ, спросить меня.
Терезита. Да?
Карено. Послушайте-ка, что тамъ дѣлается. (Прислушивается). Во мракѣ ночи.
Терезита. Это море.
Карено. Вы слышали крикъ?
Терезита. Нѣтъ.
Карено. (Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ за предѣлы двора и прислушивается, наклонившись впередъ; вдругъ возвращается назадъ). А моя лампа, фрѣкенъ Терезита!
Терезита. Ваша лампа? Да, вѣдь, вы покончили на сегодня дѣла въ башнѣ?
Карено. Придетъ почтовый пароходъ. Это не относится къ моимъ занятіямъ.
Терезита. Ну, пусть его приходитъ.
Карено. (Встревоженный). Развѣ вы не видите, что начинается смеркаться. И что море заливаютъ всѣ шхеры?
Терезита. (Подходя къ нему совсѣмъ близко). Ну хорошо. Вы получите свою лампу.
Карено. (Радостно). Благодарю, благодарю. Нельзя ли немножко поторопиться. Дѣло къ спѣху.
Терезита. Вы получите свою лампу, повторяю вамъ! (Всходитъ по лѣстницѣ въ домъ).
Г-нъ Отерманъ. (Возвращаясь по той же дорогѣ, по которой онъ ушелъ). А вы здѣсь? Я какъ разъ шелъ и думалъ о васъ, Карено.
Карено. Могу я чѣмъ-нибудь услужить вамъ?
Г-нъ Отерманъ. Да, въ самомъ дѣлѣ, вы можете мнѣ помочь, если только захотите. Вы можете кой-что поработать для меня. Я не поспѣваю вездѣ.

Карено. Что же это будет за работа, г-нъ Отерманъ?

Г-нъ Отерманъ. Всевозможная работа; въ конторѣ, въ лавкѣ, на пристани. Вы занимаетесь съ дѣтьми до обѣда, и у васъ весь вечеръ свободный. (Тю появляется слѣва. Онъ стоитъ, выпрямившись, съ серьезнымъ видомъ, держа фуражку въ рукахъ).

Карено. Вонъ стоитъ какой-то человѣкъ.

Г-нъ Отерманъ. (Оборачивается). Тю... А, ты опять здѣсь, Тю. Да.

Г-нъ Отерманъ. Откуда ты идешь?

Тю. Съ сѣвера.

Г-нъ Отерманъ. Ну, какъ горячка?

Тю. Болѣзнь подходитъ все ближе и ближе.

Г-нъ Отерманъ. Чего тебѣ нужно?

Тю. У меня есть дѣло до васъ.

Г-нъ Отерманъ. Вѣчно у него дѣла. Войди въ домъ, тамъ стоитъ для тебя моя чашка кофе. (Ведетъ Тю къ лѣстницѣ).

Тю. Мнѣ нужно кой-что сказать.

Г-нъ Отерманъ. Въ другой разъ. (Кричитъ). Терезита, отдай Тю мое кофе... (Показываетъ въ его направленіи рукой).

Тю. (Входитъ по лѣстницѣ въ домъ, оглядываясь назадъ).

Г-нъ Отерманъ. Вотъ у меня крона и въ карманѣ.

Карено. Онъ хотѣлъ что-то сказать.

Г-нъ Отерманъ. Мнѣ некогда. Я долженъ вездѣ поспѣть. Народъ отъ меня разбѣжался, и я не въ состояніи больше держать прислугу. Это для меня слишкомъ дорого.

Карено. Вы шутите, г-нъ Отерманъ. Это для васъ-то, съ вашимъ богатствомъ.

Г-нъ Отерманъ. (Трясетъ печально головой). Вы сами не знаете, что говорите.

Карено. Развѣ вы не продали мраморныя ломки за громадныя деньги?

Г-нъ Отерманъ. Ну да, но я, быть можетъ, могъ бы получить за нихъ еще больше. Вы не считаете, что я потерялъ. Подумайте только, если бы я подождалъ до сихъ поръ.

Карено. (Безпокойно). Нѣтъ, послушайте море.

Г-нъ Отерманъ. И всѣ эти потери и платежи разоряютъ меня. Я не преувеличиваю.

Карено. Я стою, какъ на иголкахъ, въ ожиданіи своей лампы.

Г-нъ Отерманъ. Вы опять въ башнѣ сегодня вечеромъ?

Карено. Да.

Г-нъ Отерманъ. Вы все больше и больше времени проводите тамъ. Какая въ томъ польза?

Карено. Я работаю надъ своимъ трудомъ.

Г-нъ Отерманъ. Вы исписываете массу бумаги. Это разрастается до безконечности. Кто все это станетъ печатать?

Карено. Вы, г-нъ Отерманъ. Вы обѣщали.

Г-нъ Отерманъ. Я?

Карено. Въ тотъ день, когда вы нашли мраморъ.

Г-нъ Отерманъ. (Смѣется). Богъ съ вами. Чтобы я что-нибудь такое сказалъ!

Карено. Да, вы такъ сказали.

Г-нъ Отерманъ. Но я вовсе не хотѣлъ этого сказать.

Карено. Вы не хотѣли этого сказать?

Г-нъ Отерманъ. Но, вѣдь, это, мой милый, невозможно.

Карено. У меня есть трое взрослыхъ свидѣтелей противъ васъ.

Г-нъ Отерманъ. Вотъ какъ? Трое свидѣтелей? (Мѣняетъ разговоръ). Когда вы окончите ваше произведеніе?

Карено. Этого я не знаю. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Г-нъ Отерманъ. (Умоляющимъ тономъ). Но я умоляю васъ, вы должны дать мнѣ отсрочку въ этомъ. Тутъ пахнетъ большой суммой. А что вы думаете? Къ чему спѣшить съ вашимъ произведеніемъ? Дайте ему полежать у васъ въ портфель нѣсколько лѣтъ. Я вамъ это совѣтую ради васъ же самихъ.

Карено. Оно лежало у меня двадцать лѣтъ.

Г-нъ Отерманъ. Вы всѣ грабите меня. Вы безсердечны. (Неподвижно смотритъ налѣво). Видите тамъ что-то черное? Это горнорабочіе. Вотъ они возвращаются домой, теперь они окончили работу на этотъ день въ моей горѣ, въ моемъ мраморѣ. О-о, это просто какое-то проклятіе. (Спѣшить навстрѣчу рабочимъ).

Терезита. (Сходя по лѣстницѣ) Вы все не ушли?

Карено. Все не ушелъ, фрѣкенъ Терезита. Я жду лампы.

Терезита. Она послана. Все въ порядкѣ.

Карено. Я жду ее, стою здѣсь и жду, жду. Каждая минута дорога.

Терезита. Лампа уже тамъ. Сейчасъ ее зажгутъ.

Карено. Кто ее понесъ?

Терезита. Тю.

Карено. Тю?

Терезита. „Справедливость“.

Карено. (Уходитъ и исчезаетъ за отдаленнѣйшимъ угломъ зданія. Слышатся голоса. Терезита всходитъ по лѣстницѣ и входитъ въ домъ. Горнорабочіе появляются слѣва съ инструментами на плечахъ. Впереди нихъ г-нъ Отерманъ; онъ то пойдетъ, то остановится, то пойдетъ, то остановится, не переставая въ то же время говорить).

Г-нъ Отерманъ. Вы находите все больше и больше, вы суете свой носъ подъ каждый бугорокъ, и вездѣ оказывается мраморъ. Что вы скажете въ свое оправданіе?

Первый рабочій. Объ этомъ вы можете поговорить съ инженеромъ. Онъ сейчасъ придетъ.

Г-нъ Отерманъ. Въ особенности я прошу тебя, Гейсръ, не стараться изо всѣхъ силъ высасывать меня. Ужъ очень что-то ты глубоко видишь подъ землей. (Въ домѣ зажигается лампа, она бросаетъ свой свѣтъ изъ оконъ на улицу и освѣщаетъ сцену. Тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ раздается бѣшенная игра на фортепіано).

Г-нъ Отерманъ. Да ужъ очень что-то ты востроглазъ, мой милый. Это, вѣдь, ты нашелъ послѣднюю жилу?

Второй рабочій. Инженеръ приказалъ мнѣ искать.

Г-нъ Отерманъ. Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до инженера.

Третій рабочій. А намъ до васъ нѣтъ никакого дѣла. (Енсъ Спиръ показывается справа и останавливается у лѣстницы).

Первый рабочій. А онъ правду говоритъ. Намъ до васъ нѣтъ никакого дѣла.

Г-нъ Отерманъ. Съ ума вы, что ли, сошли?

Четвертый рабочій. Мы вовсе не ваши рабочіе.

Г-нъ Отерманъ. Такъ чьи же это вы рабочіе?

Четвертый рабочій. Компанейскіе.

Первый рабочій. Совершенно вѣрно. Мы компанейскіе рабочіе.

Г-нъ Отерманъ. Вы почти всѣ находитесь у меня въ книгахъ. Что вы на это скажете? (Перемѣняетъ разговоръ). Не узнаете вы, что ль, люди добрые, старика Отермана?

Нѣкоторые рабочіе. Ну такъ что же вамъ отъ насъ нужно?

Г-нъ Отерманъ. (Увлекаетъ съ собой двухъ изъ нихъ). Что мнѣ отъ васъ нужно? Вырубите достаточно мрамора и больше не находите. Не находите больше новыхъ мѣстъ.

Нѣкоторые рабочіе. (Которые прислушивались). Вотъ еще что выдумалъ!..

Г-нъ Отерманъ. (Обращаясь ко всѣмъ). Я награжу васъ за это. Много у меня не найдется, правду сказать, но немножко я могу вамъ дать. Немножко я могу одолжить. (Все возрастающій ропотъ и смѣхъ).

Г-нъ Отерманъ. Я повыгребу все старое золото.

Четвертый рабочій. Что касается меня, я не стою у васъ въ книгахъ.

Г-нъ Отерманъ. Я хочу себѣ оставить мой мраморъ.

Голоса. Вонъ идетъ инженеръ. (Всѣ смотрятъ налѣво).

Г-нъ Отерманъ. (Шныряетъ кругомъ). Повсюду однѣ только потери. Что ни человѣкъ, то пройдоха или мошенникъ. (Къ Енсу Спиру). Не правда ли, Енсъ Спирь?

Голоса. Разговаривай теперь съ инженеромъ.

Г-нъ Отерманъ. Я все уже переговорилъ съ инженеромъ (Замѣчаетъ, что въ домѣ зажжена лампа). Что это, въ домѣ уже засвѣтили огонь?

Енсъ Спирь. Да.

Г-нъ Отерманъ. Говорилъ, вѣдь, имѣ, что это намъ не по средствамъ тратить столько масла! Въ четыре часа, говорилъ я. Не раньше четырехъ часовъ.

Енсъ Спирь. Барышня играетъ.

Г-нъ Отерманъ. Пойду, потушу лампу. (Поднимается по лѣстницѣ и входитъ въ домъ).

Четвертый рабочій. Ему нечего было разговаривать съ инженеромъ.

Третій рабочій. Мнѣ кажется, въ него просто бѣсъ вселился.

Нѣкоторые рабочіе. (Смѣясь). Да, намъ тоже это кажется.

Второй рабочій. Вспомни-ка, сколько онъ дѣлалъ добра раньше.

Инженеръ Брэде. (Показывается слѣва. Онъ маленькаго роста и сутуловатъ; говоритъ тоненькимъ голо-

сомъ; на немъ шуба, но онъ все-таки зябнетъ). Чего вы здѣсь остановились?

Первый рабочій. Мы разговаривали съ г-номъ Отерманомъ.

Четвертый рабочій. Онъ просто неузнаваемъ.

Третій рабочій. Я говорилъ уже, что въ него, по-моему, бѣсъ вселился.

Инженеръ Брэде. Да твоего мнѣнія никто и не спрашиваетъ.

(Лампа въ домѣ гаснетъ.)

Нѣкоторые рабочіе. Вотъ, онъ, не къ ночи будь помянутъ, погасилъ свѣтъ. (Фортепіано умолкаетъ. На сценѣ темно. Шумъ съ моря возрастаетъ.)

Голосъ инженера Брэде. Маршъ.

(Инженеръ Брэде и рабочіе уходятъ налѣво. Вдругъ зажигается сильный свѣтъ въ башнѣ на мысу. Свѣтъ распространяется кругомъ. Енсъ Спирь оборачивается и смотритъ въ ту сторону Терезита спускается по лѣстницѣ съ зажженнымъ фонаремъ и зрительной трубой. Енсъ Спирь выступаетъ впередъ).

Терезита. (Вздрагиваетъ). Кто это?

Енсъ Спирь. Это я.

Терезита. Чего вамъ нужно? Мнѣ ужасно не нравится, что вы постоянно за мной по пятамъ.

Енсъ Спирь. (Улыбаясь). Я стоялъ здѣсь и слушалъ опять вашу прекрасную музыку.

Терезита. Да, но мнѣ это не нравится, понимаете вы?

Енсъ Спирь. Зачѣмъ вы съ фонаремъ?

Терезита. Какое вамъ до этого дѣло? Мнѣ вовсе не охота сидѣть тамъ въ темнотѣ.

Енсъ Спирь. Вамъ не страшно сегодня вечеромъ?

Терезита. Страшно?

Енсъ Спирь. (Показываетъ на зрительную трубу). На что вамъ она?

Терезита. Ужъ не думаете ли вы, что я обязана отдавать вамъ отчетъ въ этомъ? (Смотритъ въ трубу по направленію къ башнѣ.) Какой тамъ яркій свѣтъ.

Енсъ Спирь. Угодно вамъ спросить у меня, гдѣ теперь находится почтовый пароходъ?

Терезита. Нѣтъ... Ну, а гдѣ онъ?

Енсъ Спирь. Теперь онъ здѣсь, у входа въ гавань.

Терезита. Ну, конечно, онъ теперь здѣсь, у входа въ гавань.

Енсъ Спирь. Я встрѣтилъ Тю внизу, на дорогѣ.

Терезита. Я послала его съ лампой.

Енсъ Спирь. Да, онъ несъ лампу, которая теперь тамъ такъ свѣтитъ.

Терезита. (Нетерпѣливо). Вѣдь я говорю вамъ, что я послала Тю съ лампой.

Енсъ Спирь. Да-а.

Терезита. Да-а? Что такое?

Енсъ Спирь. Ничего. Я взвѣсилъ лампу на рукѣ.

Терезита. Вы взвѣсили лампу?

Енсъ Спирь. Она была почти пустая.

Терезита. (Опускаетъ зрительную трубу и подноситъ къ его лицу фонарь). Она была пустая, Енсъ Спирь?

Енсъ Спирь. (Пристально смотритъ на нее). Нѣтъ.

Терезита. (Смотря въ трубу). Мнѣ кажется, свѣтъ ослабѣваетъ?

Енсъ Спирь. Свѣтъ ослабѣваетъ?

Терезита. (Подаетъ ему трубу). Онъ уменьшается.

Енсъ Спирь. (Смотря въ трубу). Онъ устроилъ иллюминацію въ честь прибытія своей супруги.

Терезита. Онъ уменьшается?

Енсъ Спирь. Да.

Терезита. (Ставить фонарь наземь и прислоняется къ периламъ лѣстницы). Знаете, что меня такъ печалитъ?

Енсъ Спирь. Знаю ли я? То, что приѣжаетъ г-жа Карено?

Терезита. То, что вы такая жалкая душонка.

Енсъ Спирь. (Смотря въ трубу). Вотъ лампа гаснетъ.

Терезита. Подумайте только, если бы вы не были такимъ. Вѣдь, я могла бы стать женой порядочнаго человѣка.

Енсъ Спирь. (Смотритъ на нее съ улыбкой). Вы, френкенъ Терезита?

Терезита. (Въ бѣшенствѣ). Ха-ха, вы расчесываете свою рыжую бороду свинцовымъ гребешкомъ, чтобы заставить ее почернѣть.

Енсъ Спирь. Да.

Терезита. Я видѣла, какъ вы сегодня это дѣлали.

Енсъ Спирь. Да.

Терезита. Да, вѣдь, у васъ только борода и можетъ краснѣть.

Енсъ Спирь. Вотъ лампа мигаетъ.

Терезита. (Складываетъ руки). Боже мой, Карено—тотъ, кого я люблю. Сейчасъ я думаю о немъ.

Енсъ Спирь. (Опускаетъ трубу и смѣется).

Терезита. Вы смѣетесь. Вы всегда смѣетесь. Зубоскалите.

Енсъ Спирь. Я смѣюсь, чтобъ скрыть, какъ я печаленъ.

Терезита. Ваша человѣческая печаль меня трогаетъ очень мало.

Енсъ Спирь. Я къ этому отношусь совершенно равнодушно. Я вовсе не состраданія прошу у васъ.

Терезита. Ну, а къ чему же вы не относитесь равнодушно. Я никогда не видала васъ воодушевленнымъ.

Енсъ Спирь. (Страстно). Къ вамъ, къ вамъ я не отношусь равнодушно. Ваши каменные глаза дѣйствуютъ на меня, ваши вывернутыя ноги и ваши длинные руки. Когда вы подходите, грѣхъ вздымается, словно темно-

красныя розы, во мнѣ. Я хочу, чтобъ вы стали моею.
Терезита, я хочу, чтобъ вы навсегда стали моею. (Дѣ-
лаетъ движеніе схватить ее).

Терезита. (Уклоняется). Чтобъ этого больше не было.

Енсъ Спиръ. Нѣтъ, это будетъ. Я постоянно буду про-
сить васъ.

Терезита. (Топаетъ ногой). Чтобъ никогда этого больше
не было!

Енсъ Спиръ. (Улыбается).

Терезита. Вотъ вы опять улыбаетесь вашей развратной
улыбкой. О, ротъ—позорное пятно на вашемъ лицѣ.

Енсъ Спиръ. Лампа погасла тамъ.

Терезита. Погасла? Сейчасъ? (Схватываетъ зрительную
трубу и смотритъ).

Енсъ Спиръ. Свершилось.

Терезита (Бросаетъ трубу на лѣстницу и принимаетъ
свое прежнее положеніе). Тотъ, кого я люблю, не хо-
дитъ за мной и не хватаетъ меня. Вы, Енсъ Спиръ,
лишь гадъ земной, васъ больше не существуетъ. Вы
научили меня вашимъ отвратительнымъ ужимкамъ.

Енсъ Спиръ. Съ которыми вы и раньше были знакомы.

Терезита. О, нѣтъ, неправда. Я со многимъ не была
раньше знакома. Я помню. Но вы были маленькое
животное.

Енсъ Спиръ. А Карено, тотъ—луна?

Терезита. Да, Карено, тотъ—словно какой-то зеленый
островъ, къ которому подходишь и чувствуешь себя
тамъ дома.

Енсъ Спиръ. Прекрасная мысль.

Терезита. Такъ послушайте еще болѣе прекрасную. Я
видѣла разъ во снѣ большой зеленый цвѣтокъ и себя.
О, если бы я никогда не просыпалась!

Енсъ Спиръ. Честь вамъ и слава! (Съ моря слышится
свистокъ сирены).

Терезита. Что это?

Енсъ Спиръ. Пароходъ свиститъ.

Терезита. Развѣ сегодня вечеромъ есть какіе пароходы
у входа въ гавань?

Енсъ Спиръ. Онъ пристаесть.

Терезита. Вы вотъ стоите и позволяете шагъ за шагомъ
унижать васъ. Это вамъ пріятно, вы этимъ наслаж-
даетесь. (Вдругъ приближается къ нему). О-о, я васъ
ударю. (Ударяетъ его въ грудь).

Енсъ Спиръ. Сильнѣй! (Снова слышится свистокъ си-
рены).

Терезита. Опять свистокъ?

Енсъ Спиръ. И это васъ продолжаетъ удивлять.

Терезита. Я ударила васъ, Енсъ Спиръ.

Енсъ Спиръ. Вы ударили меня цвѣткомъ. (Съ моря слы-
шится выстрѣлъ).

Терезита. Что это?

Енсъ Спиръ. Сигнальный выстрѣлъ.

Терезита. Что тамъ творится въ открытомъ морѣ! И
свистки, и выстрѣлы, и буря. Дьявольская болтовня.
(Снова свистокъ, прерываемый выстрѣломъ).

Енсъ Спиръ. Нынче вечеромъ лампа Карено оказала бы
свою услугу, если бы она не изсякла.

Терезита. Лампа была пустая, Енсъ Спиръ?

Енсъ Спиръ. Нѣтъ.

Терезита. Лампа была пустая.

Енсъ Спиръ. Какая дерзость съ вашей стороны призна-
ваться въ такой массѣ убійствъ. (На дворѣ глухое
безпокойство, звукъ шаговъ. Голоса. Огненная полоса
поднимается съ моря).

Терезита. Что это за огонь?

Енсъ Спиръ. Это ракета.

Терезита. Вы думаете, тамъ на открытомъ морѣ—вѣрная
гибель?

Енсъ Спиръ. По всѣмъ вѣроятіямъ.
Терезита. Никто не долженъ стоять между нимъ и мною.
Кланяйтесь мнѣ, Енсъ Спиръ, низко кланяйтесь за мое дѣяніе. (Енсъ Спиръ низко кланяется и улыбается)
Терезита. Еще ниже! Недостойно низко! Я уничтожу всякаго, кто станетъ намъ на пути. Я люблю его, о, я становлюсь на цыпочки въ стремленіи къ нему.
Енсъ Спиръ. Послушайте! Какъ спокойно на дворѣ!
Терезита. Сейчасъ онъ придетъ.
Енсъ Спиръ. Вы останетесь здѣсь?
Терезита. Я хочу его увидетьъ.
Голосъ Карено. (Вдали). Лампа гаснетъ. Пароходъ...
Терезита. Вотъ онъ. Это его голосъ.
Голосъ Карено. (Ближе). Лампу! Лампу!
Енсъ Спиръ. Лампа была неполна, фрѣкенъ Терезита?
Карено. (Входитъ, тяжело переводя духъ). Лампа выгорѣла.
Я замѣтилъ, что она гаснетъ и побѣжалъ оттуда.
Терезита. Она погасла.
Карено. (Оборачивается). Да, она погасла. Она сейчасъ погасла. Съ ней что-то случилось.
Терезита. Она была неполна.
Карено. Она была неполна? Боже мой, какъ дурно вы поступили.
Второй рабочій. (Выходитъ справа съ фонаремъ). Г-нъ Отерманъ здѣсь?
Енсъ Спиръ. Нѣтъ.
Двое другихъ рабочихъ. (Выходятъ также справа; одинъ изъ нихъ съ фонаремъ). Гдѣ г. Отерманъ?
Енсъ Спиръ. Вѣроятно, въ конторѣ.
Второй рабочій. Мы должны отправиться на море спасать.
Карено. Да, отправляйтесь спасать: Богъ васъ наградитъ за то, отправляйтесь поскорѣе.

Двое другихъ рабочихъ. Намъ нужно лодку г-на Отермана.
Карено. Возьмите се! Возьмите! (Бѣжитъ за уголь дома и кричитъ). Г-нъ Отерманъ!
Терезита. (Поникая головой). Онъ хочетъ спасти ее.
Одинъ изъ рабочихъ. (Терезитѣ). Вашъ фонарь коптитъ.
Терезита. Да? Ну пусть его коптитъ. Я отверну его еще больше. (Отвертываетъ). Енсъ Спиръ!
Енсъ Спиръ. Я здѣсь.
Терезита. (Показываетъ во внутренность дома). Пойдемте туда.
Енсъ Спиръ. (Беретъ ея фонарь въ руку).
Терезита. Хо-хо, пойдемте туда. Красный пѣтухъ поетъ во мнѣ. (Входитъ по лѣстницѣ, въ сопровожденіи Енса Спиръ).
Голосъ Карено. Итакъ, они могутъ взять вашу лодку? (Карено, въ ужасномъ безпокойствѣ, появляется справа, въ сопровожденіи г-на Отермана).
Г-нъ Отерманъ. Мою лодку? (Къ рабочимъ). Въ чемъ тутъ дѣло? (Слышится выстрѣлъ съ моря).
Одинъ изъ рабочихъ. Вотъ, слышите въ чемъ тутъ дѣло. (Свѣтъ струится изъ оконъ дома. Пришелъ Тю).
Г-нъ Отерманъ. Мою лодку? Думаете вы, что тамъ такъ опасно?
Карено. Ну да, да. Тамъ несчастіе, слышите вы.
Тю. Пароходъ натолкнулся?
Карено. Онъ натолкнулся. Скорѣй, ребята! (Показываетъ рабочимъ путь мимо отдаленнѣйшаго угла главного зданія и самъ уходитъ за ними).
Г-нъ Отерманъ. (Кричитъ). Будьте поосторожнѣй съ лодкой, насколько это возможно. (Уходитъ за ними).
Тю. Подождите немножко. Я хотѣлъ бы... (Останавливается и стоитъ одинъ, высокій, стройный, съ фуражкой въ рукахъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Ярмарка въ участкѣ г-на Отермана; лавки, палатки, лотки. Купцы, моряки, лопари, квены, мужчины и женщины. Труппа музыкантовъ изъ перваго дѣйствія. Горнорабочіе.

Зимній вечеръ. Свѣтитъ луна, сѣверное сіяніе. Снѣгъ. Фонари зажжены.

Народъ движется въ безпорядкѣ по базарной площади. Купецъ. (У своей лавки). Что новенькаго сегодня?

Торговецъ сукномъ. (У своей палатки). Ничего новаго насколько мнѣ извѣстно.

Простолюдинъ. Горячка пришла.

Карено. (Который прохаживается среди толпы). Горячка пришла?

Простолюдинъ. Ярмарочные торговцы занесли ее сюда. Она началась вчера.

Карено. Умеръ кто-нибудь?

Простолюдинъ. Двое умерло.

Купецъ. (Руки въ боки). Вотъ уже цѣлый годъ я все слышу про эту горячку. Я ее больше не боюсь.

Молодой паренъ. Я знаю хорошее средство противъ горячки.

Чей-то голосъ. Что же это за средство?

Молодой паренъ. Нужно встать на четвереньки и такъ бѣжать три дня.

Многіе. (Смѣясь). Этакъ набѣгаешься!

Молодой паренъ. И тогда нужно остановиться и перевести духъ у стѣны.

Голоса. У чего?

Молодой паренъ. У стѣны. И въ стѣну нужно вбить костыль.

Многіе. Костыль? Зачѣмъ это?

Молодой паренъ. И на костыль нужно будетъ повѣситься. (Громкій смѣхъ въ толпѣ).

Молодой паренъ. Вотъ какое мое средство противъ горячки. (Смѣхъ возобновляется).

Лестадианецъ. (Съ поднятымъ къ небу пальцемъ). Не шути съ этимъ, молодой человекъ. (Труппа музыкантовъ начинаетъ играть вдалькѣ).

Молодой паренъ. Эхъ-ма!

(Схватываетъ дѣвушку и начинаетъ танцевать. Веселье. Большинство удаляется по направленію къ музыкѣ).

Купецъ. Какъ торгуете?

Торговецъ сукномъ. Скверно.

Купецъ. А мнѣ нечего жаловаться. Пойдетъ дѣло и дальше такъ,—придется телеграфировать за новыми товарами.

Торговецъ сукномъ. И требовать ихъ доставки сюда экстреннымъ пароходомъ?

Купецъ. Да, экстреннымъ пароходомъ. (Входитъ въ лавку).

Торговецъ сукномъ. Ха-ха! Пожалуй, ему кто и повѣрить.

(Входитъ въ палатку. Г-жа Карено, 33-лѣтняя дама съ свѣтлыми волосами и начинающейся полнотой, появляется со стороны музыки. За ней слѣдуютъ Терезита и Енсъ Спиръ).

Г-жа Карено. А ты отбился, Иваръ?

Карено. Я прохаживаюсь.

Г-жа Карено. Ты ходишь и думаешь?

Карено. Такъ страшно. Этотъ народъ изъ моего племени. Я узнаю ихъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Я сейчасъ поклонился одной дѣвушкѣ. Она сложила руки крестомъ надъ головой и отвѣтила на поклонъ. Тогда забилась моя кровь лопаря ей навстрѣчу.

Г-жа Карено. Ты лучше бы желалъ остаться одинъ?

Карено. Да.

Г-жа Карено. Ну, идемте.

(Повертывается и уходитъ вмѣстѣ съ двумя другими).

Терезита. (Возвращается). Вы лучше бы желали остаться одинъ?

Карено. Нѣтъ.

Терезита. Ваша жена стоитъ и смотритъ на насъ.

Карено. Теперь она пошла... Послушайте, я пришелъ сюда на ярмарку ради васъ. Я зналъ, что вы здѣсь.

Терезита. (Удивленная). Вы пришли ради меня?

Карено. (Посмотрѣвъ на нее). Да, ваше удивленіе искренне. Вы вѣрите мнѣ во всемъ, фрѣкенъ Терезита, вы не подозреваете меня ни въ чемъ. Я могъ бы, напри- мѣръ, быть занятымъ вами, быть безумно влюбленнымъ въ васъ, и вы не повѣрили бы этому!

Терезита. Ну, я не могла бы надѣяться на это.

Карено. Мы ходимъ каждый день другъ около друга, какъ двое невидимокъ, не встрѣчаясь. Но я уже больше не прохожу мимо васъ. Вы постоянно впереди меня. Кто вы?

Терезита. (Съ затаенной радостью). Я—ваша?

Карено. Я не знаю, я не знаю. Нѣтъ, вы не моя. Какъ вы можете объ этомъ спрашивать? Правда, что вы разъ осенью хотѣли пустить ко дну почтовый пароходъ?

Терезита. Этого я не знаю. Я думала только о васъ.

Карено. Вы не дрогнете ни однимъ мускуломъ. Вы творите зло прямо передъ лицомъ Господа и не испытываете въ томъ никакихъ угрызений совѣсти?

Терезита. Я могу чувствовать сразу только одно.

Карено. Красный пѣтухъ пѣлъ въ васъ, сказали вы.

Терезита. Это я не вамъ сказала.

Карено. Да, не мнѣ, я слышалъ это потомъ. Одинъ человекъ рассказывалъ объ этомъ. Но я все-таки не могъ забыть съ тѣхъ поръ, что красный пѣтухъ пѣлъ въ васъ.

Терезита. И вотъ явилась ваша супруга.

Карено. Зачѣмъ вы говорите объ этомъ?

Терезита. Когда она уѣдетъ?

Карено. Этого я не знаю... Ахъ, какое у васъ красивое, мягкое боа? (Подносить ея боа къ губамъ).

Терезита. Вы цѣлуете мое боа?

(Тащить его къ себѣ и цѣлуетъ въ то же самое мѣсто).

Карено. Что вы сдѣлали сейчасъ?

Терезита. Что-нибудь хорошее или дурное. Этого я не знаю... Карено.

Карено. Ну?

Терезита. Что я сдѣлала?

Карено. Ну да?

Терезита. Я поцѣловала васъ.

Г-жа Карено. (Появляется съ Енсомъ Спиромъ). Мы не помѣшали невзначай?

Карено. Вы не мѣшаете.

Терезита. Нѣтъ, нѣтъ, вы мѣшаете, Енсъ Спиръ.

Енсъ Спиръ. Мнѣ кажется, вы могли бы хоть немного снизить къ моему стремленію побыть вблизи васъ, фрѣкенъ.

Терезита. Вотъ вы опять сказали то, чего вы вовсе не думаете. (Послѣ нѣкотораго раздумья). Хорошо, я пойду съ вами. (Уходитъ съ Енсомъ Спиромъ).

(Музыка доносится съ болѣе близкаго разстоянія).

Г-жа Карено. (Смотритъ имъ вслѣдъ). Богъ съ тобой, у нея мужскія руки.

Карено. У кого?

Г-жа Карено. Да, что я хотѣла сказать: ты сталъ такой скучный за послѣднее время.

Карено. Да-а.

Г-жа Карено. Такой безжизненный. Ты былъ прежде не такимъ.

Карено. Да, многое прежде было иначе.

Г-жа Карено. Я не знаю, чего тебѣ недостаетъ. (Оборачивается). Но въ самомъ дѣлѣ, неужели это я буду бродить здѣсь, оставаясь серьезной все время.

Карено. Какъ тебѣ угодно, Элина.

Г-жа Карено. Вѣдь я не могу такъ. (Приближается къ нему и беретъ его подъ руку).

Карено. (Освобождается). Нѣтъ, не нужно этого.

Г-жа Карено. Даже и этого нельзя? Ну хоть разокъ? Знаешь что, дольше я не въ состоянїи этого выносить.

Карено. Я лучше желалъ бы только остаться одинъ.

Г-жа Карено. Можетъ, ты лучше желалъ бы видѣть, чтобы я погибла въ тотъ вечеръ осенью, когда я приѣхала?

Карено. Нѣтъ, Элина. Ты была желанной гостьей. Я ждалъ тебя.

Г-жа Карено. И первымъ дѣломъ ты спросилъ, гдѣ я оставила свои открытые глаза. Ха-ха!

Карено. Да, гдѣ ты ихъ оставила? Они были совершенно голубые.

Г-жа Карено. (Поетъ). Тахи-тахо; это танецъ съ бубномъ. (Показываетъ на Терезиту и Енса Спира). Вонъ они возвращаются.

Карено. Кто возвращается?

Г-жа Карено. Она косолапая... Да, Боже мой, какъ ты похудѣлъ. (Оборачивается). Ты наскучилъ мнѣ своей просвѣтленной душой.

Карено. И зачѣмъ это ты приѣхала?

Г-жа Карено. Нѣтъ, да ты съ ума сошелъ. Спрашиваешь, зачѣмъ я приѣхала къ своему законному мужу?

Карено. Безъ котораго ты преспокойно обходилась въ теченіе десяти лѣтъ.

Г-жа Карено. (Поетъ). Тахи-тахо; это танецъ съ бубномъ. (Оборачивается). Я больше уже не деревенская дѣвченка, должна я тебѣ сказать. До свиданья. (Уходитъ среди лотковъ направо).

(Г-нъ Отерманъ появляется съ той же стороны, еще худѣе, въ изношенной одеждѣ. Онъ поднимаетъ что-то съ земли и суетъ въ карманъ. Онъ бормочетъ вполголоса).

Купецъ (У своей двери). Здравствуйте, г-нъ Отерманъ.

Г-нъ Отерманъ. Я только что говорилъ самъ съ собой, что народъ становится все расточительнѣй и расточительнѣй. Здѣсь вотъ повсюду въ снѣгу я нахожу рыболовные крючки, гвозди, пуговицы.

Купецъ. (Руки въ боки). Неужели вы, г-нъ Отерманъ, въ самомъ дѣлѣ, думаете, что мы должны подбирать такую дрянь? Въ нашъ новый вѣкъ?

Г-нъ Отерманъ. (Продолжаетъ). Ну, точь-въ-точь, какъ будто всѣ стали богачами. Какъ будто у нихъ всѣ ящики набиты имуществомъ и деньгами. (Къ Карено). Вы знаете, гдѣ мальчики?

Карено. У карусели.

Г-нъ Отерманъ. Я такъ часто думаю о томъ, что я оставляю имъ въ наслѣдство. Я думаю объ этомъ день и ночь. Вѣдь у меня ничего нѣтъ.

Торговецъ сукномъ. (У своей двери). Ха-ха. Да-а, имъ остается, дѣйствительно, мало, г-нъ Отерманъ.

Г-нъ Отерманъ. Я держу для нихъ учителя. Я плачу за ихъ обученіе съ великими жертвами для самого себя. Это единственное, что я могу сдѣлать.

Терезита. (Появляется съ Енсомъ Спиромъ). Ваша жена ушла?

Карено. Да.

Г-нъ Отерманъ. (Продолжаетъ). Но на сколько времени хватить у меня средствъ на это. (Къ Карено). Я говорю, на сколько времени хватить у меня средствъ на это. Держать за такую дорогую плату учителя для нихъ.

Терезита. (Къ Карено). Вы пойдете съ нами?

Карено. Да. (Уходитъ съ Терезитой и Енсомъ Спиромъ).

Какой-то человѣкъ. (Приходитъ). Можемъ мы помѣстить къ кому-нибудь въ домъ больную женщину?

Г-нъ Отерманъ. Ко мнѣ въ домъ?

Тотъ же человѣкъ. Она заболѣла сію минуту на нашихъ глазахъ въ лодкѣ. Она уже лежитъ и бредитъ.

Г-нъ Отерманъ. У меня нѣтъ дома. Являются люди и желаютъ помѣститься въ моемъ домѣ, они все заполняютъ; а денегъ за себя не платятъ.

Тотъ же человѣкъ. У женщины горячка.

Г-нъ Отерманъ. Я ничѣмъ не могу помочь въ этомъ, мой милый. (Опять находить что-то на снѣгу и суеть въ карманъ).

Тотъ же человѣкъ. Вы не откажете намъ въ благодѣяніи.

Г-нъ Отерманъ. Я не желаю занести горячку себѣ въ домъ. Съ ума ты сошелъ?

Тотъ же человѣкъ. Мы положимъ ее въ домъ. Вы не можете отказаться отъ этого. (Повертывается и поспѣшно уходитъ).

(Музыка молчитъ. Народа появляется все больше и больше. Смѣхъ и шумное веселье).

Г-нъ Отерманъ. Я не могу отказаться отъ этого? Что жъ я долженъ содержать больницу для всѣхъ?

Голосъ изъ толпы. Горячка уже появилась.

Молоденькая дѣвушка. Уже появилась?

Тотъ же голосъ. Двое лежатъ въ нашемъ лодочномъ сараѣ.

Второй голосъ. И двое въ нашемъ сараѣ.

(Веселье уменьшается).

Какой-то человѣкъ. (Приходитъ). Что случилось?

Второй голосъ. Горячка пришла.

Лестадианецъ. (Съ поднятымъ къ небу пальцемъ). Это Божья кара.

Пьяный. Что это—Божья кара? Что это—Божья кара, что такое?

Третій голосъ. Молчи, Аронъ.

Пьяный. Хе-хе. Мнѣ хотѣлось бы только узнать, что это Божья... что это Божья кара. Хе-хе.

(Появляется труппа музыкантовъ, которые кланяются г-ну Отерману).

Г-нъ Отерманъ. У меня для васъ ничего больше нѣтъ. У меня нѣтъ денегъ. Чего вамъ надо?

Контрабасъ. Намъ ничего не надо, г-нъ консуль. Мы играемъ.

Г-нъ Отерманъ. Да, вы все играете и играете и зарабатываете много денегъ, а мнѣ какая польза отъ этого. Вы должны платить мнѣ каждый годъ за наемъ.

Контрабасъ. За наемъ? У насъ нѣтъ дома на вашей землѣ.

Г-нъ Отерманъ. Да, у васъ нѣтъ дома. Это даже остроумно. У васъ нѣтъ никакихъ расходовъ. А деньги вы загребаете. (Уходитъ среди палатокъ направо).

Купецъ. (Руки въ боки). Ха, ха. А онъ уже не въ полномъ разумѣ.

Пьяный. Да. Хе-хе. Онъ не въ полномъ... Онъ съ ума сошелъ. (Вдругъ кланяется очень серьезно и почти-тельно купцу). Я говорю, онъ съ ума сошелъ.

Купецъ. Разумъ у него все больше и больше затемняется. Богатство его погубило.

Пьяный. Да. Хе-хе. Это самое ужасное; я видѣлъ, какъ богатство взяло и погубило его. (Кланяется опять купцу). Я говорю, что это самое... что это самое ужасное, какъ... (Веселье опять возрастаетъ. Музыканты дуютъ на пальцы и выстраиваются у лавки купца).

Чей-то голосъ. Сколько стаканчиковъ ты нынче хватилъ, Аронъ? (Смѣхъ въ толпѣ).

Пьяный. Я? Сколько стаканчиковъ? (Кланяется въ третій разъ купцу). Я говорю, что это нѣчто такое ужасное, какъ... (Обращаясь къ человѣку, который тянетъ его за куртку). Оставь, говорю тебѣ. (Музыка играетъ).

Пьяный. (Поетъ сильно жестикулируя). Двѣнадцатилѣтнія дѣвочки и полный до верха стаканъ. (Начинаетъ танцовать).

Серьезный человѣкъ. И это — мѣсто, гдѣ свирѣпствуетъ горячка!

Многіе. Ты дѣло говоришь. (Вдругъ пьяный падаетъ на снѣгъ).

Серьезный человѣкъ. Такъ вотъ, Аронъ, смотри не шути больше нынче. (Идетъ къ нему и хочетъ поднять его). Ну, вставай, слышишь! (Къ народу). У него лицо посинѣло.

Многіе. Что? (Спѣшать къ нему).

Серьезный человѣкъ. Съ нимъ, должно быть, ударъ. (Многіе дѣлаютъ знакъ музыкѣ, которая замолкаетъ).

Серьезный человѣкъ. Возьмите и отнесите его въ домъ. (Пьянаго уносятъ).

Лестадіанецъ. (Съ поднятымъ къ небу пальцемъ). Это перстъ Божій.

Молоденькая дѣвушка. Я больна. Меня знобитъ.

Пожилая женщины. Иди домой, дитя. Иди домой.

Молоденькая дѣвушка. Я не могу. Помогите мнѣ. (Молоденькой дѣвушкѣ помогаютъ уйти).

Торговецъ книгами. (У своего стола). Настали послѣднія времена. Придите и купите слово Божіе. (Предлагаетъ книжки).

Какой-то человѣкъ. (Показываетъ). Посмотрите-ка, какимъ краснымъ становится сѣверное сіяніе.

Многіе. (Восклицаютъ). Словно кровь!

Женщина. Ахъ, Боже мой, Боже мой!

Первый каменотесъ. Нѣтъ..? У меня часы остановились.

Второй каменотесъ. Остановились? (Смотритъ на свои часы). Пять часовъ.

Первый каменотесъ. (Смотритъ на свои часы, трясетъ ихъ, прислушивается). Я этого не понимаю. Они шли до самой послѣдней минуты. Они остановились на пяти.

Лестадіанецъ. (Съ поднятымъ къ небу пальцемъ). Подумайте о концѣ.

Женщина. Ахъ, Боже мой, Боже мой!

Другой человѣкъ. Случилось столько чудеснаго въ эти дни. Въ моемъ приходѣ отелился необыкновенный теленокъ.

Третій человѣкъ. (Четвертому). Ты слышалъ муху сегодня ночью.

Четвертый человѣкъ. О да. Я долго лежалъ и слушалъ ее. Муха—среди зимы.

Третій человѣкъ. (Четвертому). А что же это былъ за теленокъ?

Женщина. (Кричитъ). Молчи, не говори объ этомъ! (Другія женщины окружили ее и отводятъ ее въ сторону).

Одна изъ женщинъ. Молчи. Она беременна.

Пятый человѣкъ. Я встрѣтилъ человѣка на мосту.

Многіе. (Собираются вокругъ него). Человѣка? Что же съ нимъ случилось?

Пятый человѣкъ. Ноги у него были не какъ у всѣхъ людей. Онѣ были, какъ обрубки.

Многіе. Обѣ ноги?
Пятый мужчина. Обѣ ноги.
Квенъ. (Восклицаетъ, обращаясь къ небу). Юмала!
Первый человѣкъ. (Къ пятому). Ты съ нимъ не разговаривалъ?
Пятый человѣкъ. Я поздоровался, но онъ не отвѣтилъ.
Онъ держалъ фуражку въ рукахъ.
Другой. Куда же онъ дѣлся?
Пятый мужчина. (Обернувшись). Вотъ онъ стоитъ. (Показываетъ на Тю. У Тю на ногахъ фантастическіе башмаки, надѣтые пяткой напередъ, носкомъ назадъ. Въ рукахъ онъ держитъ фуражку).
Многіе. (Отступаютъ передъ нимъ назадъ). Спаси насъ Господи!
Лопарь. (Складываетъ крестъ-на-крестъ руки надъ головой и восклицаетъ). Ибмель! Ибмель!
Простолюдинъ. Кто это?
Шкиперъ Рейерсенъ. (Старикъ, въ высокіхъ непромокаемыхъ сапогахъ). Ты его знаешь?
Рыбакъ. Нѣтъ.
Женщина. (Въ мужской народной курткѣ). Я тоже его не знаю.
Разсѣянные голоса. И я не знаю.
Торговецъ книгами. Мнѣ кажется, я его знаю.
Лестадианецъ. (Съ поднятымъ къ небу пальцемъ). Это Тю, „Справедливость“.
Отецъ. (Сыну). Иди и почитай что-нибудь.
Сынъ. У меня есть только молитва рыбаковъ.
Отецъ. Иди и почитай молитву. (Уходитъ съ сыномъ).
Простолюдинъ. (Къ Тю). Зачѣмъ ты носишь такіе башмаки?
Тю. Ты меня знаешь?
Простолюдинъ. Нѣтъ.
Тю. (Къ другому). Ты меня знаешь?

Другой. Нѣтъ. И я тебя не знаю.
Тю. Вы всѣ меня знаете и уклоняетесь отъ меня. Когда вы видите мои слѣды на снѣгу, то вы повертываетесь и идете другимъ путемъ.
Многіе. (Въ ужасѣ). Посмотрите на его башмаки.
Тю. Когда я шель на сѣверъ, вы шли на югъ. Двадцать лѣтъ вы избѣгали меня. Теперь я настигъ васъ.
Старуха. (Умоляюще). Приди, помолись о насъ.
Тю. (Смотритъ на нее съ удивленіемъ).
Старикъ. Да, приди, помолись о насъ.
Тю. У меня есть одно дѣло. (Раздается громкій выстрѣлъ).
Лопари. (Складываетъ руки крестъ-на-крестъ надъ головой). Ибмель! Ибмель!
Женщины. Что это?
Старуха. Иисусе Христе!
Второй каменотесъ. Это былъ просто взрывъ мины въ каменоломнѣ.
Лестадианецъ. (Съ поднятымъ къ небу пальцемъ). Не шути съ этимъ, молодой человѣкъ.
Второй каменотесъ. (Удивленный). Ну, слыхаль ли ты подобную глупость! Это былъ просто взрывъ мины, говорю я.
Старикъ. (Въ экстазѣ). Ты долженъ помолиться о насъ. Идемъ сюда. (Уводитъ Тю).
Тю. Да?.. Я хотѣлъ бы что-то... (Тю 'уводятъ. Большинство слѣдуетъ за нимъ; Терезита, Енсъ Спиръ и Карено остаются. Въ отдаленіи среди лавокъ и палатокъ изрѣдка проходятъ люди).
Квенъ. (Восклицаетъ, обращаясь къ небу). Юмала! (Спѣшить за толпой).
Карено. Что это здѣсь происходитъ? Призываютъ Бога на всѣхъ языкахъ.
Енсъ Спиръ. Это восточная симфонія.
Терезита. Вы уходите, Енсъ Спиръ?

Енсь Спирь. И то—правда. Дѣйствительно, я долженъ быть на станціи по дѣламъ службы. Надѣюсь, вы извините. (Кланяется и уходитъ направо).

Карено. Это становится совершенно невыносимымъ для меня. Вы меня отталкиваете отъ себя и нарушаете весь мой покой.

Терезита. (Тихо). А вы тоже нарушили мой.

Карено. Я больше не работаю, я не могу окончить своей главы о справедливости, такъ какъ я все время думаю о васъ. Башня стоитъ пустая, трудъ всей моей жизни гибнетъ.

Терезита. Это васъ мучить?

Карено. (Схватываетъ ея боа). Нѣтъ, нѣтъ. Это для меня наслажденіе.

Терезита. Я никогда не думала дожить до этого дня.

Карено. Терезита!

Терезита. Что?

Карено. Одно ваше имя струится во мнѣ. Оно развивается словно шелковое знамя.

Терезита. Да, когда вы зовете меня.

Карено. Терезита!

Терезита. Что? Чего вы хотите? (Бросается ему на шею).

О-о, нѣтъ, подождите, я стану на колѣни. Нѣтъ, нѣтъ, не говорите ничего, я буду всецѣло вашей. (Опускается на колѣни). Вы любите меня теперь?

Карено. Да. (Поднимаетъ ее съ земли).

Терезита. (У его плеча). Скажите еще разъ. Говорите это все время.

Карено. Почему вы стали на колѣни?

Терезита. Я повиновалась кому-то.

Карено. Вы были словно змѣя; почему вы были такой? Вы подняли голову и откинулись назадъ. Я видѣлъ вашу необыкновенно сильную грудь.

Терезита. Я ломала руки въ стремленіи къ вамъ, Карено. Я стояла въ своей комнатѣ, и пристально смотрѣла на стѣну, и прислушивалась къ вамъ... Дыхните на меня.

Карено. (Дышитъ на нее).

Терезита. Еще. Это какъ будто звѣздный свѣтъ. Съ шумомъ я возношусь отъ земли. (Снова появляется все больше и больше народа на ярмаркѣ).

Карено. (Вдругъ обнимаетъ ее). Ну, идемте.

Терезита. Итти?

Карено. А то что жъ мы будемъ стоять здѣсь среди всѣхъ этихъ людей?

Терезита. Куда же вы хотите меня увести отсюда?

Карено. Туда. (Показываетъ направо). Домой.

Терезита. (Послѣ нѣкотораго раздумья). Туда, гдѣ ваша жена. (Тихо отходить отъ него).

Карено. Моя жена? (Горячо). Она мнѣ не жена. Больше не жена. Навсегда.

Терезита. (Оборачивается). Она уѣзжаетъ сегодня вечеромъ? (Уходитъ медленно направо).

Карено. (Стоитъ одно мгновеніе и думаетъ, затѣмъ поспѣшно идетъ по ярмаркѣ).

Какой-то человѣкъ. Поднимается вѣтеръ.

Другой человѣкъ. Къ ночи холодѣетъ. Сѣверное сіяніе даетъ себя знать.

Первый. Вокругъ луны—кольцо.

Енсь Спирь. (Появляется справа съ телеграммой въ рукахъ). Шкиперу Рейерсену, на яхту „Звѣзда юга“.

Второй человѣкъ. Его здѣсь нѣтъ.

Третій человѣкъ. Онъ въ молельнѣ. Я схожу за нимъ. (Уходитъ направо).

Женщина сомнительнаго поведенія. (Появляется справа въ густой красной вуали). Это для меня?

Енсь Спирь. Телеграмма? Нѣтъ. А вы чего-нибудь ждете?

Женщина сомнительнаго поведенія. Да. Я жду телеграммы отъ того или другого бразильскаго ювелира съ жгучими глазами.

Енсъ Спиръ. А-а. Кто вы?

Женщина сомнительнаго поведенія. (Поетъ). Зовутъ меня Морой; тахи-тахо... А вы кто?

Енсъ Спиръ. Вы прогуливаетесь по ярмаркѣ?

Женщина сомнительнаго поведенія. Какъ видите. Я развлекаюсь.

Енсъ Спиръ. Вы идете изъ молельни?

Женщина сомнительнаго поведенія. Ха, ха, ха. Мое бѣдное сердце, приверженное земному... Вы о чемъ-нибудь еще хотите спросить, г-нъ Енсъ Спиръ?

Енсъ Спиръ. Вы меня знаете?

Женщина сомнительнаго поведенія. У васъ глаза словно блуждающіе огоньки.

Енсъ Спиръ. Куда вамъ итти?

Женщина сомнительнаго поведенія. Куда вамъ угодно.

Енсъ Спиръ. (Удивленный). Вы можете безъ конца болтать. Съ вашей густою вуалью на лицѣ.

Женщина сомнительнаго поведенія. (Сдергиваетъ сладострастнымъ движеніемъ вуаль со шляпы, пристально смотритъ на Енса Спира одно мгновеніе и прячетъ вуаль въ карманъ, уходя направо).

Енсъ Спиръ. Г-жа Карено.
(Г-нъ Отерманъ выходитъ слѣва, занятый разговоромъ съ инженеромъ Брэде, въ сопровожденіи горнорабочихъ въ блузахъ и съ инструментами на плечахъ).

Г-нъ Отерманъ. Дѣло не въ томъ, что тамъ есть мраморъ; но дѣло въ томъ, что вы его находите. Вы все находите и находите. Вы не оставите мнѣ мрамора даже на одну ступеньку для лѣстницы.

Инженеръ Брэде. У меня нѣтъ приказа отъ компаніи оставить вамъ нѣсколько ступенекъ.

Г-нъ Отерманъ. Но мы могли бы придти къ соглашенію относительно этого. Я отблагодарилъ бы васъ.

Инженеръ Брэде. (Къ горнорабочимъ). На всякій случай я беру васъ въ свидѣтели словъ г-на Отермана. Вы слышали, что онъ сказалъ?

Первый рабочій. Да.

Инженеръ Брэде. (Холодно приподнимаетъ шляпу, прощаясь, и уходитъ направо въ сопровожденіи горнорабочихъ).

Г-нъ Отерманъ. Это мой мраморъ.

Торговецъ книгами. (Съ книжками въ рукахъ). Прійдите, купите слово Божіе.

Г-нъ Отерманъ. Это я-то? Развѣ я могу что-нибудь купить? Вѣдь, меня совсѣмъ обобрали.

Торговецъ книгами. Вотъ мѣста Библии на каждый день въ году. Вотъ „Негритянка Нелли“ или „Цвѣтокъ Суматры“. Вотъ „Кроткій утѣшитель“.

Г-нъ Отерманъ. (Качая головой). Я не могу купить.

Торговецъ книгами. (Разсерженный). Вы не можете купить? При вашихъ-то средствахъ?

Г-нъ Отерманъ. Да проститъ вамъ Богъ ваши слова! Я все потерялъ.

Торговецъ книгами. Такъ я подарю вамъ эту книгу.

Г-нъ Отерманъ. (Съ жадностью схватываетъ ее). Благодарю. (Прячетъ книгу въ карманъ).

Окружающіе. Онъ беретъ книгу. Не стыдится.

Торговецъ книгами. И да будетъ она вамъ въ благословіе!

Г-нъ Отерманъ. Всѣ эти люди, Енсъ Спиръ, — богачи. Они страшно много зарабатываютъ.

Енсъ Спиръ. Я встрѣтилъ вашу дочь. Она больна.

Г-нъ Отерманъ. Терезита больна? (Ищетъ вокругъ себя на землѣ и по временамъ прячетъ что-то въ карманъ).

Енсъ Спиръ. Она, навѣрно, схватила горячку. Она дрожала, когда она шла домой.

Шкиперъ Рейерсенъ. (Въ сопровожденіи многихъ другихъ, появляется справа). Шкиперъ Рейерсенъ съ яхты „Звѣзда Юга“.

Енсъ Спиръ. (Подаетъ ему телеграмму и показываетъ). Распишитесь вотъ здѣсь. (Къ г-ну Отерману). Итакъ, ваша дочь больна.

Г-нъ Отерманъ. Что же я, Енсъ Спиръ, по вашему, долженъ сдѣлать? (Продолжаетъ искать что-то по ярмаркѣ).

Енсъ Спиръ. (Беретъ расписку себѣ и идетъ за г-номъ Отерманомъ).

Какой-то человѣкъ. Что новенькаго, шкиперъ?

Шкиперъ Рейерсенъ. (Который, наконецъ, открылъ телеграмму). Приказъ объ отплытіи. Появилась навага въ одномъ мѣстѣ. (Карено и г-жа Карено появляются справа).

Карено. Это очень хорошо, что я тебя сразу нашель. Ты должна уѣхать, Элина.

Г-жа Карено. Но я вовсе не боюсь горячки, слышишь ты.

Карено. Она переходитъ отъ человѣка къ человѣку. Я ни за что не могу поручиться, если ты дольше останешься здѣсь.

Какой-то человѣкъ. Когда вы снимаетесь съ якоря, шкиперъ?

Шкиперъ Рейерсенъ. Сегодня вечеромъ.

Тотъ же человѣкъ. Вамъ не дождаться лучшаго вѣтра. Прямо въ спину.

Шкиперъ Рейерсенъ. Но онъ крѣпчаетъ къ ночи. (Смотритъ на небо).

Карено. (Шкиперу Рейерсену). Куда вы направляетесь?

Шкиперъ Рейерсенъ. На югъ. (Карено отводитъ шкипера Рейерсена въ сторону и разговариваетъ съ нимъ).

Служанка. (Съ непокрытой головой и въ бѣломъ кухонномъ передникѣ поспѣшно выходитъ справа). Г-нъ Отерманъ здѣсь? (Замѣчаетъ его). Г-нъ Отерманъ, фрѣкенъ Терезита больна.

Карено. (Порывисто). Терезита?

Г-нъ Отерманъ. (Въ сопровожденіи Енса Спира). У нея горячка?

Служанка. Да. Она проситъ послать за докторомъ.

Г-нъ Отерманъ. Что? Мнѣ некого послать за докторомъ.

Служанка. Я могу переговорить съ кѣмъ-нибудь изъ горнорабочихъ.

Г-нъ Отерманъ. (Къ Енсу Спиру). Вы думаете, можетъ быть, что это дешево послать лодку за докторомъ. (Служанкѣ). Ты поторгуйся съ ними, слышишь? Вѣдь эти негодяи задерутъ цѣну. (Снова ищетъ что-то по ярмаркѣ. Служанка поспѣшно уходитъ направо).

Карено. Я переговорилъ съ этимъ человѣкомъ, Элина. Ты можешь отправиться съ нимъ.

Г-жа Карено. (Съ выраженіемъ разочарованія). Съ этимъ старикомъ-то?

Шкиперъ Рейерсенъ. Но только поскорѣе. Мы должны встрѣтиться на пристани черезъ часъ. (Удаляется вверхъ по ярмаркѣ).

Карено. (Съ лихорадочнымъ возбужденіемъ). Итакъ, скорѣй домой и собирайся. (Уводитъ чуть не насильно г-жу Карено вправо).

Голосъ г-жи Карено. Мнѣ ѣхать съ этимъ старикомъ! (Пришло много народу. Музыканты изъ труппы дуютъ на пальцы и снова собираются играть.)

Купецъ. (У своей двери). Ничего не подѣлаешь, приходится телеграфировать.

Торговецъ сукнами. (У своей двери). За новыми товарами?

Купецъ. За еще большей партией новыхъ товаровъ. (Входить).

Торговецъ сукнами. У него нынче не было ни одного покупателя. (Входитъ).

Г-нъ Отерманъ. (Енсу Спиру, который удаляется). Вы идете домой, Енсъ Спиръ?

Енсъ Спиръ. Да.

Г-нъ Отерманъ. Вы попросите не посылать почтовой лодки.

Енсъ Спиръ. Не посылать?

Г-нъ Отерманъ. Да. Моей дочери, слава Богу, очевидно, лучше.

Енсъ Спиръ. Откуда вы это знаете?

Г-нъ Отерманъ. Мнѣ пришло это въ голову. Ахъ, чистѣйшее разореніе со всѣхъ сторонъ. (Идетъ вверхъ по ярмакѣ).

Енсъ Спиръ. (Слѣдуетъ за нимъ. Музыка начинаетъ тихо играть).

Какой-то человѣкъ. (Приходитъ). Аронъ умеръ.

Многіе. Онъ умеръ. (Дѣлаютъ знакъ музыкѣ, которая умолкаетъ).

Женщины. О Господи, Господи!

Серьезный человѣкъ. Видите, какъ коротка жизнь человѣческая.

Лестадианецъ. (Съ поднятымъ къ небу пальцемъ). Смерть—возмездіе за грѣхи. (Плачь и ропотъ):

Торговецъ книгами. Настали послѣднія времена, люди добрые. Прийдите, купите слово Божіе.

Служанка. (Появляется снова съ правой стороны; кричитъ). Г-нъ Отерманъ, никто изъ рабочихъ не хочетъ ѣхать за докторомъ.

Г-нъ Отерманъ. (Въ сопровожденіи Енса Спира). Никто не хочетъ?

Служанка. Да. Они боятся, что къ ночи разразится буря.

Г-нъ Отерманъ. (Радуясь). Сбережена копеечка на черный день. (Служанкѣ). Скажите Терезитѣ, что она выздоровѣетъ завтра.

Енсъ Спиръ. (Послѣ нѣкотораго раздумья). Скажите Терезитѣ, что я ѣду.

Г-нъ Отерманъ. Вы?

Купецъ. (Выходитъ изъ лавки съ телеграммой въ рукахъ). У меня здѣсь телеграмма. Не можете ли вы ее послать немедленно.

Енсъ Спиръ. (Разрываетъ конвертъ и читаетъ). Вы ничего не продаете?

Купецъ. (Руки въ боки). Это васъ не касается.

Енсъ Спиръ. (Подаетъ ему телеграмму обратно). Вы просите вашего хозяина о присылкѣ денегъ для возвращенія домой?

Купецъ. (Въ бѣшенствѣ). Пошлете вы телеграмму?

Енсъ Спиръ. (Отбрасываетъ отъ себя телеграмму). Нѣтъ. У меня есть другое дѣло. (Служанкѣ). Иди домой. (Застегиваетъ свое пальто, надвигаетъ шляпу на голову и исчезаетъ за предѣлами ярмарочной площади. Служанка уходитъ направо).

Купецъ. (Кричитъ вдогонку Енсу Спиру). Вы за это отвѣтите. (Поднимаетъ съ земли телеграмму и стремительно входитъ въ свою лавку).

Торговецъ сукнами. (Стоявшій все время у двери). Ха-ха. Вотъ у него какіе были новые товары-то. (Входить. Слышится звукъ проносящихся мимо колокольчиковъ, лай собакъ и топотъ какъ будто бы множества животныхъ).

Терезита. (Появляется справа въ незастегнутомъ платьѣ

и съ распущенными волосами и осматривается кругомъ).

Его здѣсь нѣтъ?

Многіе. Кого?

Терезита. Я не хочу, чтобъ у меня была горячка; зачѣмъ это нужно? Я лежала у себя дома въ постели, но я встала и пришла сюда. Я хочу быть здѣсь на воздухѣ.

Многіе. Что это за колокольчики?

Терезита. Да, это я сдѣлала. Я выпустила весь скотъ.

Многіе. Зачѣмъ это?

Терезита. Послушайте, какъ прыгаютъ коровы. Почему здѣсь такъ тихо? Играйте, музыканты; у меня есть здѣсь корона. (Находитъ въ карманѣ корону и подаетъ ее).

Серьезный человѣкъ. У нея горячка.

Терезита. Теперь жизнь бьетъ ключемъ, и собаки лаютъ. Да, играйте, музыканты. У меня медовый мѣсяцъ моей новой любви.

Серьезный человѣкъ. Это грѣшно даже и слушать.

Старуха. (Застегиваетъ Терезитѣ платье). Грѣхъ надъ ней. Это Терезита Огерманъ.

Лестадианецъ. (Поднимаетъ палецъ къ небу и хочетъ говорить).

Терезита. Скажите ему, когда онъ придетъ, что я была здѣсь и искала его, скажите ему это. Я искала двадцать лѣтъ. (Лестадианцу). О ты, рабъ Божій, что ты обо мнѣ думаешь?

Старуха. (Беретъ свою шаль и накидываетъ ее на плечи Терезитѣ). Дай я тебѣ помогу. (Уводитъ ее).

Лестадианецъ. Не грѣши больше.

Терезита. (Оборачивается). Не грѣшить больше? О ты, рабъ Божій, я не грѣшу, я повинуюсь нѣкому. Я хожу и ишу его по широкому свѣту.

Серьезный человѣкъ. Это она заговаривается, навѣрно о своемъ отцѣ. Гдѣ г-нъ Огерманъ? (Тю стоитъ уже давно поблизости налѣво).

Старуха. Ну идемъ, дитя.

Терезита. Вонъ—Тю. Ты долженъ получить корону. (Бросаетъ ему монету и уходитъ направо со старухой. Тю устремляется впередъ, спотыкается въ своихъ башмакахъ и падаетъ).

Серьезный человѣкъ. Ты упалъ? (Подаетъ Тю монету и помогаетъ ему встать).

Нѣкоторые изъ толпы. (Приподнимаются на цыпочки). Кто упалъ?

Другіе. „Справедливость“.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

То же мѣсто, что и во второмъ дѣйстви, только снѣга уже нѣтъ. Море спокойно. Поздній вечеръ весной. Солнце еще не заходило.

Служанка лежитъ на окнѣ и чиститъ стекла съ наружной стороны. Справа появляется г-нъ Отерманъ, еще больше похудѣвшій и совсѣмъ бѣдно одѣтый; онъ громко бормочетъ самъ съ собой и ищетъ глазами вокругъ себя по землѣ.

Г-нъ Отерманъ. (Про себя). Вы находите все больше и больше, съ каждымъ днемъ вы находите все больше и больше. (Останавливается и, показывая, разводитъ руками.) Большія, бѣлыя глыбы подъ землей. (Идетъ). Вы не оставите мнѣ даже на одну дощечку для стола. (Замѣчаетъ служанку). Вѣдь говорилъ вамъ, вы не должны тратить мыла.

Служанка. Да, мы не должны тратить мыла.

Г-нъ Отерманъ. Вы должны мыть водой. Можно вымыть необыкновенно чисто и одной водой.

Служанка. Я скажу объ этомъ барышнѣ.

Г-нъ Отерманъ. Терезита дома?

Служанка. Нѣтъ, она вышла изъ дому съ инженеромъ.

Г-нъ Отерманъ. А также вы должны итти и разыскать меня, когда вамъ покажется, что меня долго нѣтъ дома.

Служанка. Да, мы должны разыскивать васъ.

Г-нъ Отерманъ. А то вы недостаточно хорошо присматривали за мной въ послѣднее время. Кто знаетъ, я могу заболѣть.

Служанка. Да.

Г-нъ Отерманъ. Или... (Осматривается кругомъ). Меня можетъ подстеречь какой-нибудь рабочій.

Служанка. Правда.

Г-нъ Отерманъ. Потому что всѣ рабочіе — разбойники. (Енсу Спиру, который появляется, еле плетясь, изъ-за отдаленнѣйшаго угла зданія въ довольно потертой одеждѣ). Что новенькаго на линіи сегодня, Енсъ Спиръ?

Енсъ Спиръ. На какой линіи?

Г-нъ Отерманъ. На телеграфной.

Енсъ Спиръ. Вы забываете, что я получилъ отставку.

Г-нъ Отерманъ. Да, правда, вы получили отставку. Чѣмъ же вы теперь занимаетесь?

Енсъ Спиръ. Ничѣмъ. Я не работаю. Отъ работы человѣкъ глупѣетъ и грубѣетъ.

Г-нъ Отерманъ. Счастливый вы человѣкъ, если вы все-таки можете существовать. А я работаю, не покладая рукъ.

Енсъ Спиръ. (Служанкѣ). Фрѣкенъ Терезита дома?

Служанка. Нѣтъ, она вышла изъ дому съ инженеромъ.

Г-нъ Отерманъ. А я говорю, я работаю, не покладая рукъ.

Енсъ Спиръ. У каждого свой вкусъ. (Къ Карено, который появляется справа). Вы блуждаете, какъ и я.

Карено. Я блуждаю.

Енсъ Спиръ. И смотрите на людей со всей снисходительностью, которой они заслуживаютъ. Итакъ, фрѣкенъ Терезита ушла съ инженеромъ?

Служанка. Да. (Закрываетъ окно и начинаетъ чистить стекла съ внутренней стороны. Карено повертывается и уходитъ).

Енсъ Спиръ. Вотъ онъ ушелъ... А у меня есть новость. (Показываетъ рукой налѣво). Тамъ нашли новую жилу.

Г-нъ Отерманъ. (Приходить въ замѣшательство). Еще новую жилу? Енсъ Спиръ, они не останавливаются, они находятъ каждый день новыя жилы. Этому конца-края не будетъ.

Енсъ Спиръ. Ее нашли сегодня утромъ. (Прислоняется къ периламъ лѣстницы).

Г-нъ Отерманъ. Сегодня утромъ, сегодня утромъ. Еще новую жилу. (Уходитъ мелкими сѣменящими шажками направо. Терезита и инженеръ Брэде появляются слѣва. У инженера Брэде въ рукахъ пистолеть).

Инженеръ Брэде. (Снимаетъ шляпу). Да, здѣсь я долженъ васъ покинуть, фрэкень.

Терезита. Скажите, что это огорчаетъ васъ.

Инженеръ Брэде. Это приводитъ меня въ отчаяніе... Не хотите ли вы оставить у себя пистолеть?

Терезита. Нѣтъ, благодарю.

Инженеръ Брэде. До скорого свиданія. (Кланяется и повертывается).

Терезита. (Енсъ Спиру). Если это вы стоите тамъ, такъ я лучше пойду обратно съ инженеромъ.

Енсъ Спиръ. Это не я. Когда-то это былъ я.

Терезита. Вы всегда поворачиваете на это. За что вы получили отставку, Енсъ Спиръ?

Енсъ Спиръ. За то, что я оставилъ разъ зимой телеграфную контору.

Терезита. И отправились за докторомъ для меня.

Енсъ Спиръ. Да.

Терезита. Ну, развѣ это не мило съ моей стороны, что я даю вамъ возможность сказать мнѣ это лишній разъ?

Енсъ Спиръ. Благодарю васъ.

Терезита. (Раздраженно). Но зачѣмъ вы это сдѣлали? Я васъ о томъ не просила. А теперь я должна постоянно видѣть передъ собой ваше тощее лицо чиновника въ отставкѣ.

Енсъ Спиръ. Мнѣ больно, что я доставляю вамъ не-приятности.

Терезита. Щеки у васъ все больше и больше вваливаются, одежда у васъ изнашивается.

Енсъ Спиръ. Я и сюда явился также за тѣмъ, чтобы вызвать ваше сожалѣніе.

Терезита. Врите больше. Зачѣмъ вы сюда пришли, говорите вы?

Енсъ Спиръ. (Медленно). Я пришелъ сюда, фрэкень Терезита, чтобы поблагодарить васъ за обѣдъ, который ваша служанка принесла мнѣ сегодня утромъ.

Терезита. Но, вѣдь, вы отослали обѣдъ обратно?

Енсъ Спиръ. Да, я отослалъ его обратно.

Терезита. И все-таки благодарите?

Енсъ Спиръ. Да, и все-таки благодарю.

Терезита. (Послѣ нѣкотораго раздумья). Ну, хорошо, вы это сдѣлали. Такъ что же дальше.

Енсъ Спиръ. А вы намѣреваетесь продолжать присылать мнѣ обѣдъ?

Терезита. А вы намѣреваетесь продолжать нуждаться въ немъ?

Енсъ Спиръ. Во всякомъ случаѣ я попрошу васъ быть великодушной и прекратить это.

Терезита. (Смѣясь). Я могу и не обѣщать не дѣлать этого больше, Енсъ Спиръ. Отъ этого вы не должны выходить изъ себя. Вы должны снова найти себѣ работу.

Енсъ Спиръ. Благодарю; что было, то прошло. (Уходитъ).

Терезита. (Смотря ему вслѣдъ). Вы великолѣпны нынче. Что случилось бы, если бы я послала вамъ сегодня вечеромъ миску супа?

Енсъ Спиръ. (Оборачиваясь). А случилось бы то, фрэнкень Терезита, что я въ подходящій моментъ подошелъ бы къ вамъ, схватилъ бы васъ за кисть руки и предложилъ бы вамъ многозначительнымъ образомъ двѣ кроны. (Пристально смотритъ нѣкоторое время на нее, затѣмъ медленно уходитъ направо).

Карено. (Появляется изъ-за отдаленнѣйшаго угла зданія; нервно). Терезита?

Терезита. (Проводитъ по лбу рукою).

Карено. Васъ не было дома. Я искалъ васъ. Вы были вмѣстѣ съ инженеромъ.

Терезита. Что онъ хотѣлъ этимъ сказать? Онъ далъ бы мнѣ многозначительнымъ образомъ двѣ кроны.

Карено. Кто?

Терезита. Онъ такъ сказалъ. Вы понимаете, что это значитъ. (У ней мелькаетъ мысль). А! (Ударяетъ ногой въ землю). Я это сдѣлаю. (Стискиваетъ руки и въ бѣшенствѣ ходитъ взадъ и впередъ). Я это сдѣлаю. (Останавливается и кричитъ). Николина!

Служанка. (Открываетъ окно). Что?

Терезита. Отнеси Енсу Спиру миску супа.

Служанка. Хорошо. (Закрываетъ окно).

Терезита. (Кричитъ черезъ окно и показываетъ знаками). Большую миску. (Поворачивается; съ дѣланной мягкостью). Это вы, Карено? Вы что?

Карено. Вы опять гуляли съ инженеромъ?

Терезита. Мы стрѣляли изъ пистолета.

Карено. Вы такъ много бываете вмѣстѣ съ нимъ.

Терезита. Да, я начинаю его любить. Вы еще что-нибудь хотите узнать?

Карено. Я не могу... я не умѣю ссориться съ вами. И я больше ни въ чемъ не буду упрекать васъ. Скажите мнѣ только, Терезита, это вы серьезно?

Терезита. Да благословитъ васъ Богъ, вы нѣсколько трогаете меня вашимъ откровеннымъ вопросомъ.

Карено. (Затронутый). Я не хочу растрогивать васъ. Я хочу знать правду.

Терезита. Вы не оказались, Карено, тѣмъ, за кого я васъ принимала. Я заявила это вамъ уже раньше. Вы человѣкъ, какъ всѣ люди, исполненный простого и глупаго грѣха. Вы мнѣ надоѣли.

Карено. Но когда-нибудь, когда-нибудь вы меня любили?

Терезита. Боже мой, ужъ не думаете ли вы, что я любила ваше лицо лопаря и ваши тонкія ноги? Ахъ, нѣтъ, вы не красавецъ. Но вы были такимъ тихимъ; я думала, вы были полны чѣмъ-то изъ иного міра, потому что ваше лицо дѣйствовало на меня. И вотъ я разочаровалась въ васъ.

Карено. Почему вы разочаровались во мнѣ. Развѣ я не говорилъ, какъ и прежде, о стеклахъ и о свѣтѣ?

Терезита. Каждый вечеръ вы приходили и смотрѣли на меня. Вотъ такъ. (Смотритъ на него, скосивъ глаза). И это что-то значило. И этимъ вы наконецъ наскучили мнѣ.

Карено. Теперь я никогда больше не буду смотрѣть на васъ такъ.

Терезита. (Трясетъ головой). Теперь это уже поздно.

Карено. (Горячо). Но, странный вы человѣкъ, такъ чего же вы желали бы отъ меня?

Терезита. Чего бы я желала отъ васъ, Карено? Вѣтка склонялась въ моей рукѣ, когда я стояла передъ вами.

Карено. Какъ она склоняется теперь передъ инженеромъ?

Терезита. Да.

Карено. А что вы любите въ немъ?

Терезита. Быть можетъ, его горбъ. Богъ знаетъ, что моему сердцу угодно въ немъ.

Карено. (Хватаетъ ее за руку). Ударьте меня въ лицо и скажите, что я вашъ, слышите вы?

Терезита. Какъ это печально, что вы просите меня объ этомъ.

Карено. Дайте мнѣ время и пока не покидайте меня, Терезита. Не кончайте съ этимъ теперь. Подождите до новаго свиданья.

Терезита. (Съ выраженіемъ отвращенія). Вамъ еще чего-нибудь надо? (Солнце заходитъ).

Карено. Нѣтъ. Только чтобъ вы еще разъ взвѣсили это.

Терезита. Вотъ солнце зашло совсѣмъ.

Г-нъ Отерманъ. (Появляется изъ-за отдаленнѣйшаго угла зданія, бормоча что-то про себя; замѣчаетъ Карено). Новая жила, Карено. Опять новая жила. Я сейчасъ вотъ иду и думаю, что я долженъ поговорить съ вами. (Терезита всходитъ по лѣстницѣ въ домъ. Карено, не отдавая себѣ отчета въ томъ, протягиваетъ руку ей вслѣдъ).

Г-нъ Отерманъ. Мальчики подростаютъ. Имъ придется въ будущемъ самимъ пробивать себѣ дорогу. Жестокая нужда идетъ за мной по пятамъ, Карено.

Карено. Мальчики сидятъ въ комнатахъ и читаютъ.

Г-нъ Отерманъ. Они читаютъ? Хорошо. Вы ихъ учитель. Я необыкновенно доволенъ вами.

Карено. Очень благодаренъ.

Г-нъ Отерманъ. Но я вижу, что я больше не въ состояніи на это. Это превышаетъ мои средства.

Карено. Что это вы хотите сказать мнѣ, г-нъ Отерманъ?

Г-нъ Отерманъ. Это мнѣ очень непріятно. Мальчики любятъ васъ; но они принуждены въ будущемъ остаться безъ учителя.

Карено. Что? Вы мнѣ отказываете?

Г-нъ Отерманъ. Я разоренъ. Сегодня нашли новую жилу.

Карено. (Послѣ нѣкотораго молчанія). Хорошо, г-нъ Отерманъ. Я принимаю отказъ. (Медленно уходитъ направо).

Г-нъ Отерманъ. (Бормочетъ и ищетъ что-то вокругъ себя на землѣ). Вы преслѣдуете меня. Вы шепчетесь за моей спиной и показываете пальцемъ на меня. У васъ зло на умѣ. (Останавливается). Бѣлыя горы подъ землей. (Широко разводитъ руками, показывая). Вотъ такія большія.

Инженеръ Брэде. (Показывается слѣва съ пистолетомъ въ рукѣ; молча кланяется).

Г-нъ Отерманъ. Сегодня опять новая жила, слышу я?

Инженеръ Брэде. Побочная жила. Отвѣтвленіе главной жилы.

Г-нъ Отерманъ. Это одно и то же. Это моя жила.

Инженеръ Брэде. Вы хотите сказать—компаніи.

Г-нъ Отерманъ. Я заслуживаю всеобщаго сожалѣнія. У меня нѣтъ больше даже куска хлѣба.

Инженеръ Брэде. Въ такомъ случаѣ вы заслуживаете глубочайшаго сожалѣнія.

Г-нъ Отерманъ. Я думалъ обратиться къ вамъ. Вы можете снова поставить меня на ноги.

Инженеръ Брэде. Если бы я только могъ, я сдѣлалъ бы это съ величайшимъ удовольствіемъ.

Г-нъ Отерманъ. (Радостно). Да, это правда, это правда? Вы это сдѣлаете? Вы поможете встать мнѣ на ноги?.. Это моей дочери вы добиваетесь? Я, вѣдь, вижу, что вы постоянно съ ней разгуливаете. Прекрасная дѣвушка, не правда ли? (Треплетъ его по животу). Что вы скажете, молодой человѣкъ? Хе-хе, вы большой плутъ, большой плутъ. (Показываетъ на домъ). Вонъ видите ея окно. Она тамъ живетъ. Навѣщайте ее только время отъ времени, слышите вы. О-о, вы веселый парень, вижу я.

Инженеръ Брэде. (Въ смущеніи). Фрэкень Терезита дома?
Г-нъ Отерманъ. Я схожу за ней сейчасъ... Г-нъ инженеръ, такъ вы можете оставить для меня новую жилу?
Инженеръ Брэде. Какимъ это образомъ, вы полагаете, можно сдѣлать?
Г-нъ Отерманъ. Я заплачу вамъ за это. Мы можемъ подѣлиться. Пусть жила лежитъ, гдѣ она лежитъ, глубоко скрытая въ землѣ.
Инженеръ Брэде. То, что вы мнѣ предлагаете, не что иное, какъ преступленіе.
Г-нъ Отерманъ. Меня обманули.
Инженеръ Брэде. (Продолжаетъ). Кромѣ того, что это и глупо въ то же время.
Г-нъ Отерманъ. Такъ вы знаете другой способъ?
Инженеръ Брэде. (Холодно). Нѣтъ. Я не знаю никакого другого способа.
Терезита. (Сходитъ по лѣстницѣ съ свѣтлой радостью). Солнце зашло. Солнце взошло.
Инженеръ Брэде. (Низко кланяется).
Г-нъ Отерманъ. Вотъ мой мраморъ. (Снова поспѣшно скрывается за отдаленнѣйшимъ угломъ зданія, повторяя: Вотъ мой мраморъ).
Инженеръ Брэде. Вы, фрэкень Отерманъ, конечно, не ожидали снова такъ скоро увидать меня?
Терезита. Нѣтъ. Вы доставили мнѣ новую радость.
Инженеръ Брэде. Благодарю за доброе слово.
Терезита. (Смотритъ на него). Вы признательны за такую малость?
Инженеръ Брэде. Это для меня много значитъ. Развѣ вы этого не понимаете?
Терезита. (Вдыхаетъ въ себя воздухъ). Чувствуете вы испаренія земли?

Инженеръ Брэде. (Тоже вдыхаетъ воздухъ). До меня доносится только запахъ камня изъ копей.
Терезита. Вы уже возвращаетесь домой?
Инженеръ Брэде. Нѣтъ. Я почувствовалъ только какое-то безпокойство и отправился прогуляться. Вы, фрэкень Отерманъ, сегодня со мной что-то сдѣлали.
Терезита. Фрэкень Отерманъ всегда сдѣлаетъ что-нибудь скверное.
Инженеръ Брэде. Изъ тѣхъ словъ, которыя вы имѣли любезность сказать мнѣ во время нашей прогулки, долженъ я, быть можетъ, заключить, что я для васъ не совсѣмъ безразличенъ?
Терезита. (Показываетъ на горы). Тамъ уже зазеленѣло.
Инженеръ Брэде. (Приставляетъ лорнетъ и осматривается кругомъ; кланяется.) Я вижу только васъ.
Терезита. Хотите вы войти въ домъ?
Инженеръ Брэде. Вы не хотите болѣе стрѣлять? Такъ я лучше поговорю съ вами.
Терезита. На что это вы стоите и смотрите?
Инженеръ Брэде. Я смотрѣлъ на нѣчто прекрасное. Я смотрѣлъ на вашу шею. (Кланяется).
Терезита. Ну, пойдѣте стрѣлять. (Идетъ съ инженеромъ Брэде налѣво).
Карено. (Появляется справа). Одно слово! Вы обдумали? Я не могу успокоиться.
Терезита. Я обдумала. Все прошло, милостивый государь. (Инженеръ Брэде отходить влѣво).
Карено. Навсегда прошло?
Терезита. Да. (Идетъ дальше).
Карено. (Съ вытянутыми впередъ руками). Терезита!
Терезита. (Оборачивается и топаетъ въ землю ногой). Фрэкень Терезита! (Уходитъ за инженеромъ Брэде).
Карено. (Стоитъ нѣкоторое время и смотритъ ей вслѣдъ рѣшительно). Ну, хорошо! Пусть будетъ фрэкень Те-

резита! (Хватается нѣсколько разъ за голову и ходить
взадъ и впередъ; останавливается у окна и кричить).
Дѣти. (Густавъ и Эліасъ сходятъ по лѣстницѣ).
Карено. Милыя дѣти, хотите вы оказать мнѣ услугу?
Оба. О, да.
Карено. Я буду вамъ очень благодаренъ.
Густавъ. Что же мы должны сдѣлать?
Карено. Вы должны отправиться въ башню и немного
привести тамъ все въ порядокъ. Подметите немножко
и сотрите немножко пыль.
Оба. Хорошо.
Карено. Я долженъ снова начать работать.
Эліасъ. Это было такъ весело.
Густавъ. Мы должны сейчасъ же пойти?
Карено. Да, благодарю. Идите сейчасъ же. Вотъ ключъ.
(Подаетъ ключъ Густаву). Но вы не должны трогать
ни одной бумаги на столѣ.
Оба. Хорошо.
Карено. Я буду вамъ очень благодаренъ, дѣти. (Густавъ
и Эліасъ убѣгаютъ за отдаленнѣйшій уголъ зданія).
Г-нъ Отерманъ. (Появляется, бормоча, справа; замѣча-
етъ Карено). Итакъ, Карено, тогда было другое дѣло.
На случай, если вы хотите уѣхать тотчасъ же...
Карено. Я не уѣду тотчасъ же.
Г-нъ Отерманъ. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Я васъ
прошу.
Карено. Съ завтрашняго дня я снова принимаюсь за ра-
боту надъ своимъ трудомъ.
Г-нъ Отерманъ. Правда?
Карено. И окончу главу о справедливости. Это должна
быть глава безъ сучка и безъ задоринки.
Г-нъ Отерманъ. Но вамъ, вѣдь, отказали отъ мѣста.
Карено. Г-нъ Отерманъ, избавьте меня отъ необходимо-
сти отвѣчать яснѣе: я доканчиваю свое произведеніе.

(Пришелъ Тю. Онъ босикомъ и стоитъ съ фуражкой
въ рукахъ).
Г-нъ Отерманъ. Это, можетъ быть, займетъ много вре-
мени?
Карено. Нѣтъ, не бойтесь этого. Теперь это должно итти
быстро, я приложу всѣ силы къ этому. О-о, беспо-
лезно итти впереди и манить. Слѣдуетъ только итти
сзади и пускать въ ходъ свой длинный бичъ. Вертись
вертись, круглый клубокъ. Я вонзаю тебѣ стержень въ
тѣло.
Г-нъ Отерманъ. (Къ Тю). Ты опять здѣсь? У меня нѣтъ
для тебя больше ничего. Уходи.
Карено. У меня есть корона. (Подаетъ Тю корону).
Г-нъ Отерманъ. Но потомъ что, Карено? Я думаю объ
этомъ.
Карено. Потомъ я буду безмолвствовать. Я буду сидѣть
на краю свѣта и молчать, въ то время какъ всѣ дру-
гіе будутъ говорить. Я буду прислушиваться къ тому,
что они говорятъ, и думать о томъ и улыбаться. Вѣдь
ничто уже не будетъ удивлять меня.
Г-нъ Отерманъ. То-есть, я хотѣлъ сказать, когда вы
всю башню заполните исписанной бумагой...
Карено. Тогда вы должны будете напечатать это.
Г-нъ Отерманъ. И вамъ не надоѣло повторять эту шутку.
Карено. (Рѣзко). Я не желаю больше препираться съ вами.
У меня имѣется трое взрослыхъ свидѣтелей противъ
васъ. (Уходитъ, гордо выпрямившись, направо).
Г-нъ Отерманъ. У него трое взрослыхъ свидѣтелей про-
тивъ меня. Трое взрослыхъ свидѣтелей. (Обращаясь
къ Тю). Ты слышалъ это?
Тю. Да.
Г-нъ Отерманъ. Ни у кого нѣтъ ни капли жалости. (При-
ближается къ нему). Ты получилъ корону, Тю?
Тю. Да.

Г-нъ Отерманъ. Я давалъ тебѣ много денегъ въ старые дни. Дай мнѣ теперь ты.

Тю. Ты хочешь отъ меня получить монету?

Г-нъ Отерманъ. Передь тобою—нищій.

Тю. (Подаетъ ему крону).

Г-нъ Отерманъ. Благодарю, Тю. Ты оказалъ мнѣ благодарѣніе. (Суетъ монету въ карманъ; разговариваетъ самъ съ собой). Съ завтрашняго дня онъ опять начнетъ писать. У него трое взрослыхъ свидѣтелей. (Уходитъ, бормоча, за отдаленнѣйшій уголъ зданія).

Тю. (Искоса, съ покорностью, смотритъ ему вслѣдъ. Терезита и инженеръ Брэде появляются слѣва. Терезита впереди, бѣжитъ).

Терезита. (Горячо). Нѣтъ, говорю я. Не разговаривайте со мной больше. О чемъ такое вы мечтаете? Ужъ не думаете ли вы, что вы можете быть любовникомъ? (Мѣряетъ его взглядомъ съ головы до ногъ).

Инженеръ Брэде. Я думаю, что я могу питать искреннюю любовь къ вамъ.

Терезита. (Со скорбью). Но это было не то, чего я искала; нѣтъ, это было не то. (Сурово). Какъ вы осмѣлились поцѣловать меня въ шею, милостивый государь.

Енсъ Спиръ. (Появляется, съ блѣднымъ лицомъ, изъ-за отдаленнѣйшаго угла зданія, идетъ прямо по направлению къ Терезитѣ, хватается ее за кисть руки, пристально смотритъ на нее и выставляетъ на видъ монету. Той же самой рукой показываетъ онъ нѣсколько разъ на окно Терезиты. Наконецъ онъ всовываетъ монету ей въ руку, оставляетъ ее и уходитъ обратнотѣмъ же путемъ, какъ прищель).

Терезита. (Со стономъ). Что такое?... Что онъ сдѣлалъ?

Инженеръ Брэде. Что онъ сдѣлалъ?

Терезита. Двѣ кроны? Это былъ Енсъ Спиръ? (Бросается къ отдаленнѣйшему углу зданія и кричитъ)

Ахъ, вы это за супъ? Вамъ нѣтъ необходимости платить такъ дорого. Да въ довершеніе всего, онъ стоялъ уже со вчерашняго дня; наша собака не стала его ѣсть. (Возвращается назадъ къ инженеру Брэде и хватается его за руку). Онъ хотѣлъ только заплатить за супъ, который я послала ему.

Инженеръ Брэде. А я хочу только попросить у васъ прощенія въ томъ, что я тамъ на дорогѣ...

Терезита. Какъ вы думаете, онъ слышалъ, что я ему кричала вслѣдъ?

Инженеръ Брэде. Это мой самый затаенный огонь пробился наружу. Я не могъ противостоять вамъ.

Терезита. Развѣ я не назвала его собакой.

Инженеръ Брэде. Вы вотъ стоите и все время говорите объ Енсѣ Спирѣ и объ его двухъ кронахъ.

Терезита. Развѣ я говорю объ этомъ. (Приходитъ въ себя). Извините, вы хотѣли что-то сказать мнѣ?

Инженеръ Брэде. Да, я васъ люблю, Терезита.

Терезита. Здравствуй, Тю.

Тю. Здравствуйте.

Терезита. Онъ заплатилъ мнѣ только за супъ.

Инженеръ Брэде. Я стою вотъ и думаю о томъ, что вашему отцу хотѣлось бы, чтобы я скрылъ находку новой жилы. Но это невозможно.

Терезита. (Разсѣяннo). Развѣ это возможно?

Инженеръ Брэде. Другое дѣло, если вашъ отецъ войдетъ въ переговоры объ обратномъ выкупѣ камнеломни.

Терезита. Да, это совсѣмъ другое дѣло.

Инженеръ Брэде. И тогда я могъ бы, какъ главный управляющій, представить камнеломню истощившейся, мраморъ исчерпаннымъ.

Терезита. О чемъ вы говорите?

Инженеръ Брэде. О томъ, что вашъ отецъ можетъ получить обратно камнеломню за дешевую цѣну.
Терезита. Можетъ получить камнеломню обратно? Это, навѣрно, порадуетъ его.
Инженеръ Брэде. А васъ это не радуетъ?
Терезита. (Смотритъ на него) Ахъ, убирайтесь вы съ глазъ моихъ долой, милостивый государь!
Инженеръ Брэде. Терезита, это не можетъ быть вашимъ искреннимъ желаніемъ. Дѣлайте со мной, что хотите. Скажите, чего вы отъ меня требуете?
Терезита. (Беретъ пистолетъ). Можете вы одолжить мнѣ его?
Инженеръ Брэде. Одолжить? Я вамъ дарю его.
Терезита. Онъ заряженъ?
Инженеръ Брэде. (Снимаетъ перчатку и осматриваетъ пистолетъ). Въ немъ еще два заряда.
Терезита. Тю! Возьми этотъ пистолетъ и поиди съ нимъ къ Енсу Спиру. Если онъ спроситъ, кто прислалъ, то скажи, что—я. Тогда онъ пойметъ.
Тю. Хорошо. (Беретъ пистолетъ).
Терезита. Подожди немножко, Тю. Вотъ деньги Енса Спира. Онъ платитъ тебѣ самъ. (Подаетъ Тю монету. Въ то же самое мгновеніе пистолетъ разряжается, слышится выстрѣлъ и громкій крикъ. Терезита, шатаясь, идетъ по направленію къ лѣстницѣ. Тю выпускаетъ пистолетъ, и онъ падаетъ на землю).
Инженеръ Брэде. Ты выстрѣлилъ, безумецъ? (Мечется въ замѣшательствѣ).
Тю. Пистолетъ самъ выстрѣлилъ.
Инженеръ Брэде. (Кричитъ). На помощь!
Енсъ Спиръ. (Поспѣшно выходитъ изъ-за отдаленнѣйшаго угла зданія). Мнѣ показалось, я слышалъ выстрѣлъ?

Инженеръ Брэде. Да, фрѣкенъ Отерманъ... Выстрѣлъ попалъ въ нее.
Енсъ Спиръ. Вы застрѣлили ее?
Инженеръ Брэде. Нѣтъ, онъ. (Показываетъ на Тю). Пистолетъ разрядился самъ.
Енсъ Спиръ. Онъ? (Торопливо осматриваетъ Терезиту, беретъ ее себѣ на руки и вноситъ ее по лѣстницѣ въ домъ).
Инженеръ Брэде. Я пошлю народъ за докторомъ. (Уходитъ налѣво. Вдругъ прорывается пламя изъ башни на мысу).
Служанка. (Выходитъ изъ-за отдаленнѣйшаго угла зданія въ замѣшательствѣ). Пожаръ. Я видѣла, какъ онъ сдѣлалъ это. Это былъ г-нъ Отерманъ, г-нъ Отерманъ. Онъ поспѣшно заперъ дверь на замокъ, а затѣмъ поджегъ. Я видѣла это. Господи, помилуй и помоги намъ.
Тю. Терезита умерла.
Служанка. (Смотритъ на него, ничего не понимая). Да, я говорю, я была на дворѣ. Онъ самъ просилъ присматривать за нимъ. И вотъ онъ поспѣшно заперъ дверь и поджегъ. Да проститъ меня Господь, я не осмѣлилась войти внутрь.
Тю. Терезита умерла.
Служанка. Что ты это тутъ стоишь и говоришь? Терезита умерла?
Тю. Пистолетъ самъ выстрѣлилъ.
Служанка. (Кричитъ). Это правда? (Взбѣгаетъ по лѣстницѣ въ домъ).
Г-нъ Отерманъ. (Появляется изъ-за отдаленнѣйшаго угла зданія, какъ-будто убѣгая отъ кого-нибудь, съ трудомъ переводя дыханіе, вслухъ разговаривая съ самимъ собой). Они опять преслѣдовали меня. Они громко разговаривали тамъ. Тамъ ихъ было много,

они лежали тамъ и подслушивали. (Стира
Кто разговаривалъ? Никто не разговаривалъ, никто,
говорю я. Мнѣ только показалось. (Смотритъ по на-
правленію къ башнѣ, гдѣ пламя разгорается все силь-
нѣе). Теперь горитъ его произведеніе. Три свидѣтеля,
ты говоришь? Ха-ха! Рукописи горятъ. (Оттираетъ потъ
съ лица и снова смотритъ по направленію къ башнѣ).
Все деревянное строеніе пропадаетъ. Я могъ бы упо-
требить его на что-нибудь. (Замѣчаетъ Тю). Зачѣмъ
ты стоишь здѣсь, Тю. Ты подслушивалъ?

Енсъ Спирь. (Сходитъ по лѣстницѣ). Г-нъ Отерманъ,
ваша дочь умерла.

Г-нъ Отерманъ. Что вы говорите?

Енсъ Спирь. (Ведетъ его къ лѣстницѣ). Войдите и по-
смотрите.

Г-нъ Отерманъ. Терезита, вы говорите?

Енсъ Спирь. Войдите и посмотрите. (Вводитъ его по
лѣстницѣ на самый верхъ и затворяетъ за нимъ дверь;
самъ возвращается къ Тю). Такъ это ты выстрѣлилъ
Тю? Зачѣмъ трогалъ ты пистолетъ?

Тю. Она мнѣ его дала.

Енсъ Спирь. Что ты долженъ былъ сдѣлать съ нимъ?

Тю. Я долженъ былъ его отнести.

Енсъ Спирь. (Смотритъ на него). Ко мнѣ?

Тю. Да.

Енсъ Спирь. (Послѣ нѣкотораго молчанія). Итакъ, ты
исполнилъ теперь свое дѣло. Ты, что всегда хочешь
что-то сказать, сказалъ ли ты сегодня свое слово?

Тю. Пистолетъ самъ выстрѣлилъ.

Енсъ Спирь. Да, вполне естественно... Это тебя зовутъ
„Справедливостью“?

Тю. Да.

Енсъ Спирь. Да, справедливость, это, вѣдь, слѣпой звѣрь.
Она мститъ, не разбирая. Ея удары произвольны.

(Беретъ пистолетъ и осматриваетъ его; про себя).
Тутъ еще остался одинъ зарядъ. (Замѣчаетъ, что башня
въ огнѣ). Что это?

Тю. Горитъ башня.

Енсъ Спирь. Ты стоишь здѣсь и смотришь, какъ горитъ
башня, и не говоришь ни слова? (Пожимаетъ плечами).
Да, это тоже все равно. (Вдругъ). Знаешь ты, что
такое справедливость? Это нѣчто тамъ, на небесахъ.
Она стоитъ терпѣливо и смотритъ, какъ люди совер-
шаютъ преступленія, но вотъ она стремительно спус-
кается внизъ и караетъ смертью. (Снова осматри-
ваетъ пистолетъ; про себя). Тутъ еще остался одинъ
зарядъ... Однимъ словомъ, придешь ты ко мнѣ завтра
за этимъ пистолетомъ?

Тю. Приду.

Енсъ Спирь. Улыбка проскользнула у тебя на лицѣ?
Ты чему-то обрадовался? Итакъ ты придешь за писто-
летомъ?

Тю. Приду.

Енсъ Спирь. Ты найдешь его въ моей комнатѣ. Ты сту-
чишься; никто не отвѣчаетъ; но тыходишь безъ даль-
нѣйшихъ разсужденій. Дверь отперта.

Тю. Да.

Енсъ Спирь. И пистолетъ лежитъ у меня въ рукѣ. (Пря-
четъ пистолетъ у себя въ одеждѣ и уходитъ за отда-
леннѣйшій уголъ зданія).

Карено. (Появляется справа). Счастливая встрѣча, ста-
рикъ. Я хочу поговорить съ тобой, прежде чѣмъ писать
дальше.

Тю. Терезита умерла.

Карено. Терезита? О ней мы не будемъ упоминать.

Тю. Она умерла.

Карено. Умерла?

Тю. Выстрѣлъ попалъ въ нее.

Карено. Я слышалъ выстрѣлъ. Онъ попалъ въ нее?
Тю. Да.
Карено. Какъ-разъ въ нее! Какъ-разъ въ нее!
Г-нъ Отерманъ. (Сходитъ, разстроенный, по лѣстницѣ).
Мою дочь застрѣлили, Карено.
Карено. Я слышалъ это. Человѣкъ весь во власти высшей силы.
Г-нъ Отерманъ. Она умерла.
Карено. (Замѣчаетъ пожаръ башни, гдѣ огонь уже ослабѣваетъ). Великій Боже! Тамъ горить?
Тю. Башня горить!
Карено. (Складываетъ руки надъ головою). Башня горить!)
Мои рукописи! (Ошеломленный, идетъ, шатаясь, по направленію къ лѣстницѣ). Трудъ всей мсей жизни горить.
Г-нъ Отерманъ. (Смотритъ въ направленіи къ башнѣ).
Всѣ стекла. И все дерево.
Карено. Что это—небесная кара за мой грѣхъ? Такъ вотъ какая расплата!
Г-нъ Отерманъ. Мою дочь застрѣлили.
Карено. (Вскакиваетъ). Да, а ваши сыновья сгорѣли.
Г-нъ Отерманъ. Мои сыновья? Гдѣ Густавъ и Эліасъ?
Карено. Они были въ башнѣ.
Г-нъ Отерманъ. (Пристально смотритъ одно мгновенье на него). Такъ это они разговаривали въ башнѣ?
(Вскрикиваетъ пронзительно, бросаясь къ отдаленнѣйшему углу зданія). Эліасъ!
Карено. Мудрая Немезида! (Уходитъ направо со сложенными на груди руками и глубоко склоненной головой).
Тю. (Остается одинъ среди площадки, высокой, стройный и съ фуражкой въ рукахъ).

З А К А Т Ъ.

ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ АКТАХЪ.

Л И Ц А.

ИВАРЪ КАРЕНО.

ФРУ ЭЛИНА КАРЕНО.

САРА.

РЕДАКТОРЪ БОНДЕЗЕНЪ.

АЛЕКСАНДРА.

ПРОФЕССОРЪ ЕРВЕНЪ.

ФРЕКЕНЪ НАТАЛІЯ ХОВИНДЪ.

МИНИСТРЪ КУЛЬТУРЫ.

КАНДИДАТЪ ТАРЕ.

ЛЕО ХЕЙБРО.

ХУДОЖНИКЪ ВІУМЪ.

ЧЛЕНЪ „ГОРЫ“.

ДЕПУТАТЪ ОТЪ ПРАВЫХЪ.

МУЗЫКАНТЫ.

ПЕРВЫЙ АКТЪ.

(Комната Карено. Бѣдная обстановка; посрединѣ столъ съ книгами, деревянныя стулья, садовая скамейка со спинкой. Ни одной картины на стѣнахъ. Налѣво сзади печка. Направо спереди большой письменный столъ, на немъ зажженная лампа и много книгъ и журналовъ. Въ задней стѣнѣ широкія створчатыя двери; когда они открываются, въ нихъ видно окно передней съ бѣлыми занавѣсками. Налѣво дверь въ кухню и направо въ остальныя комнаты. Осенній вечеръ).

Карено. (Сидитъ за письменнымъ столомъ. Пятидесяти лѣтъ, бритый, съ волосами, почти бѣлыми, въ коричневомъ поношенномъ платьѣ). Вы говорите о будущемъ моей философіи? Это зависитъ отъ того, имѣетъ ли она вообще будущее.

Бондезенъ. (56 лѣтъ, толстый, нѣсколько изысканно одѣтый, въ креслѣ). Но вѣдь вы имѣете же своихъ послѣдователей.

Карено. Я стою во главѣ нѣкоторой группы, вотъ и все. До сихъ поръ охотно думаютъ, что философія есть только рядъ мыслей; я всегда полагалъ, что философія есть жизнь, приведенная въ систему посредствомъ мыслей.

Бондезенъ. Я страшный осель въ такихъ вещахъ.

Карено. Шагъ за шагомъ ощупью пришелъ я ко всѣмъ своимъ выводамъ. Цѣлыхъ два года сидѣлъ я на вы-

сотахъ съвера подъ постояннымъ огнемъ экспериментовъ. До тѣхъ поръ, пока моя работа не была прервана.

Бондezenъ. Когда у васъ сгорѣли ваши бумаги?

Карено. Да, и когда я испыталъ великій кризисъ, во всемъ. Тогда поднялись мои сомнѣнія. Десять лѣтъ носилъ я ихъ и теперь живу съ ними.

Бондezenъ. (Смѣется). Вамъ это не легко, Карено.

Карено. Что дѣлать! Это страданія переходнаго возраста...

Вотъ хотѣлъ бы получить теперь стипендію на путешествіе. Вы ничего не слышали объ этомъ, Бондezenъ?

Бондezenъ. О стипендіи? Нѣтъ. Но по моему мнѣнію вы не должны возлагать на нее большихъ надеждъ.

Карено. Быть можетъ, все-таки получу. Вѣдь заслужилъ же.

Бондezenъ. Конечно.

Карено. Уже десять лѣтъ, какъ я не въ оппозиціи. Надъ своими книгами насидѣлся и надумался. И ничего больше не издавалъ, а жилъ только уроками.

Бондezenъ. Но вы еще не помирились съ профессоромъ Ервеномъ?

Карено. Нѣтъ, конечно, нѣтъ. Но вѣдь въ концѣ концовъ я все-таки не безъ заслугъ, научныхъ такъ сказать заслугъ. (Звонокъ). Ага, это посоль.

Бондezenъ. Мнѣ уйти?

Карено. Наоборотъ, прошу васъ, останьтесь. Это одинъ изъ „Горы“. Онъ, вѣроятно, сдѣлаетъ мнѣ предостереженіе, потому что я на послѣднемъ собраніи былъ недостаточно радикаленъ.

Бондezenъ. Даже вы однажды были недостаточно радикальны!

Карено. Не правда ли! Вы встрѣчали что-нибудь подобное? Боже мой, я не могу быть такъ же настроенъ, какъ въ тридцать лѣтъ, съ тѣхъ поръ я сталъ нѣсколько другимъ.

Бондezenъ. Да, къ старости приходитъ мудрость.

Карено. Ну, что касается этого, то пятьдесятъ лѣтъ вовсе еще не старость. Я никогда не буду старъ.

Александра. (Молодая, блѣлая дѣвушка съ темными бровями входитъ слѣва; подаетъ Карено телеграмму). Извольте. (Тайкомъ бросаетъ взглядъ на Бондезена, на который тотъ отвѣчаетъ).

Карено. (Подписываетъ квитанцію и отдаетъ ее. Вскрываетъ телеграмму и читаетъ; Александрѣ, которая хочетъ итти). Подождите минутку, Александра. (Пишетъ нѣсколько словъ и кладетъ записку вѣстѣ съ телеграммой въ конвертъ). Отнесите это сейчасъ фрекень Ховиндъ. Вы знаете, гдѣ она живетъ?

Александра. Знаю. (Уходитъ налѣво).

Карено. Я думалъ, это Таре.

Бондezenъ. Какъ его фамилія?

Карено. Таре. Это удивительный чудакъ, дорогой мой. Ему почти нечего ѣсть, какъ мнѣ сказали; но это не смущаетъ моего Таре. Я не встрѣчалъ человѣка, который бы до такой степени не обращалъ ни на что вниманія. (Смѣется). Очень хорошо, что вы здѣсь.

Бондezenъ. Чего же онъ хочетъ?

Карено. Похоже на то, что хочетъ допросить меня. На послѣднемъ собраніи „Горы“ требовали, чтобы я высказался относительно выборовъ. Ну хорошо. Я это сдѣлалъ. Тогда поднимается Таре и говоритъ: господинъ Карено раньше думалъ не такъ.

Бондezenъ. Развѣ человѣкъ всегда долженъ думать такъ, какъ думалъ раньше?

Карено. Не правда ли? Все таки, вѣдь можетъ кое-что измѣняться, ну, самое незначительное по крайней мѣрѣ. Никто не станетъ отрицать этого. И несмотря на все, нашелся человѣкъ, котораго это очень задѣло.

Бондezenъ. Именно поэтому, мнѣ кажется.

Карено. Да, очень возможно, что именно поэтому. (Встает и ходит). Увѣряю васъ, въ послѣднее время мнѣ становится немного трудно на всемъ чувствовать тяжесть общественныхъ обязанностей. Добрые люди мои сочиненія читаютъ, Таре захотѣлъ узнать ихъ устно. И вотъ онъ встаетъ и говорить: это не согласно съ тѣмъ, что вы говорили въ свое время. И при этомъ сжимаетъ кулаки.

Бондезенъ. (Смѣется). И сжимаетъ кулаки?

Карено. Отъ излишней горячности. У него также слезы на глазахъ. Но теперь я спрашиваю васъ: слышали вы когда-нибудь такую бессмыслицу,—не согласно съ тѣмъ, что я написалъ двадцать лѣтъ тому назадъ!

Бондезенъ. Но почему вы не выйдете изъ клуба?

Карено. Нѣтъ, нѣтъ! Я хочу оставаться молодымъ до самой смерти. (Садится, звонятъ). Вотъ онъ. (Встаетъ). Простите, я долженъ отворить самъ. (Идетъ къ задней двери. Александра входитъ въ ту же дверь съ газетой).

Карено. Вы еще не пошли?

Александра. Нѣтъ; у меня самой нѣтъ времени. Я послала слугу.

Карено. (Беретъ газету). Ну, хорошо. (Александра уходитъ). Посмотримъ, что тутъ есть... Понимаете ли вы, между прочимъ, почему она послала слугу?

Бондезенъ. Она сказала, что у нея самой не было времени.

Карено. О, только не это. Но она часто дѣлаетъ такія вещи. Удивительная особа... Нѣтъ, кажется еще не рѣшено. (Кладетъ газету въ сторону). Ну, если я не получу стипендіи, то могли ли бы вы какъ-нибудь посодѣйствовать мнѣ въ политикѣ, Бондезенъ, а?

Бондезенъ. Въ политикѣ? Хотите быть депутатомъ?

Карено. (Смѣется). Нѣтъ, нѣтъ. Это была только шутка.

Бондезенъ. Выйти изъ „Горы“ и стать депутатомъ?

Карено. И вырвать побѣду у профессора Ервена! (Смѣется).

Бондезенъ. Нѣтъ, это легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Мы вообще побѣдимъ, а переизбраніе Ервена обеспечено.

Карено. Я только пошутилъ. Вѣдь стипендія одинъ-то разъ можетъ быть и не уйдетъ. Я не позволяю себѣ этого высказывать. (Звонятъ). Ну, наконецъ.

Бондезенъ. Это наконецъ вашъ Таре?

Карено. Таре, Таре. Нѣтъ, вы вправду не вздумайте играть съ нимъ шутки.

Бондезенъ. Наоборотъ, я дрожу, я трепещу.

(Таре. 29 лѣтъ, бѣдно одѣтый, входитъ въ заднюю дверь; глубокой поклонъ).

Карено. (Протягиваетъ ему руку). Добрый день, Таре. Будьте гостемъ. (Бондезенъ медленно поворачивается въ своемъ креслѣ и смотритъ на него).

Таре. (Останавливается посреди комнаты). Я хотѣлъ бы съ вами поговорить наединѣ.

Карено. Я не знаю, можетъ быть вы, господа... Редакторъ Бондезенъ.

Бондезенъ. Я долженъ уйти, господинъ Таре?

Таре. Да; вы, или я.

Бондезенъ. Ха! Отлично. Вы отказываетесь отъ моего общества?

Таре. Какъ вы сами говорите.

Бондезенъ. (Смотритъ на него удивленно). Ну, ну, тихо, мой сынъ!

Таре. (Къ Карено). Я ничего не могу сдѣлать съ этимъ господиномъ.

Бондезенъ. (Встаетъ). Да, тогда я уйду. (Смѣется). Допускаете ли вы по крайней мѣрѣ, чтобы я ушелъ, той же самой дорогой, какой вы сюда пришли? (Протягиваетъ руку Карено. Таре пожимаетъ плечами).

Бондезенъ. (Надѣваетъ шляпу и идетъ къ лѣвой двери). Не сюда кажется.

Карено. Нѣтъ, нѣтъ, вотъ туда. Это къ прислугѣ.

Бондезенъ. Развѣ мнѣ остается что нибудь другое? Я приду еще разъ, попозже. До свиданья, Карено. Да, да, такъ-то вы выбрасываете прессу, господинъ Таре! (Уходитъ налѣво).

Карено. (Смѣется добродушно). Почему вы такъ жестоки къ бѣдному редактору?

Таре. Я могу сказать вамъ это въ двухъ словахъ: потому что онъ запятналъ свою жизнь измѣной; потому что онъ отступникъ.

Карено. (Смотритъ на него въ упоръ одно мгновенье). Садитесь пожалуйста, Таре. (Самъ садится).

Таре. (Садится). Я написалъ вамъ нѣсколько словъ.

Карено. Да, благодарю васъ.

Таре. Я пришелъ не отъ союза, но засѣданіе было.

Карено. Безъ меня?

Таре. Безъ васъ. Совѣщаніе. Избраніе новаго предсѣдателя не отклонено.

Карено. (Встаетъ). Что вы сказали?

Таре. Не отклонено. Поэтому я пришелъ къ вамъ сегодня и предостерегаю васъ.

Карено. Меня хотятъ вытолкнуть?

Таре. Мы чувствуемъ, что вы стали намъ чужды. Мы больше всего надѣялись на васъ, но вы выскальзываете у насъ изъ рукъ. Теперь вы водите знакомство съ этимъ Бондезеномъ.

Карено. Нѣтъ, знаете ли, тогда все кончено! Я не позволю себѣ предписывать, съ кѣмъ мнѣ водить знакомство. (Ходитъ).

Таре. (Озабоченно). Раньше вы не такъ поступали. Когда вы были молоды, вы показали дверь измѣннику Ервену.

Карено. Когда я былъ молодъ? Я и теперь молодъ, такъ же, какъ и тогда, такъ же молодъ. Только зрѣлѣе

сталъ. Я размышляю, я непрерывно иду дальше въ своихъ изслѣдованіяхъ, я расцвѣтаю съ каждымъ новымъ днемъ. (Ходитъ).

Таре. Мы помнимъ хорошо, что вы однажды написали объ отступникахъ: „такъ какъ они не только сами падаютъ, но и другихъ за собой увлекаютъ, и такимъ образомъ понижаютъ жизненную борьбу, то они достойны смерти“. Вы написали: достойны смерти.

Карено. Скажите прямо, чего собственно требуетъ отъ меня вашъ союзъ.

Таре. (Встаетъ). Какъ уже сказано, вами недовольны. Вы въ свое время проповѣдывали, что знанія сами по себѣ не могутъ сдѣлать людей счастливыми; и вотъ теперь вы обременяете бюджетъ массой народныхъ школъ. Когда-то вы требовали, чтобы въ садахъ были помѣщены калѣки; теперь вамъ, само собой разумѣется, стало необходимымъ чувствовать вокругъ себя на прогулкахъ солнечный свѣтъ, и вы пренебрегаете жизнью другихъ. Прежде вы стояли за войну, потому что не допускали, чтобы вашихъ, ясныхъ какъ день, правъ могъ коснуться третейскій судъ; теперь вы сочувственно отзываетесь о мечтѣ всѣхъ бараньихъ лбовъ: вѣчномъ мирѣ. Все это вы дѣлаете изъ гуманности. Но знаете ли вы, что это такое? Пирожное, сладкое пирожное. (Останавливается). Простите!

Карено. Продолжайте.

Таре. Я хотѣлъ бы услышать, вѣрно ли мы понимаемъ ваши соображенія относительно выборовъ. На этотъ разъ мы имѣемъ большія надежды побѣдить; но васъ мы понимаемъ такъ, что за извѣстныя уступки вы готовы пойти на компромиссъ.

Карено. Можетъ быть, вы правы, что я немного—долженъ сознаться—былъ неясенъ, высказываясь относительно

выборовъ. Меня заставили говорить, а я не былъ подготовленъ.

Таре. (Горячо). Вѣдь это правда! Мы невѣрно поняли васъ. Мы должны были это тотчасъ себѣ сказать. Но вы знаете, мы немного поцозрительны. Одинъ ошибся; другой ошибся; мы разувѣряемъ другъ друга.

Карено. Тоже и я былъ немного неясенъ. Я имѣлъ намѣренія, нѣкоторыя обстоятельства принуждали меня войти въ сношенія съ партией противниковъ. Но...

Таре. Ихъ не было. Такихъ обстоятельствъ не было. Я подумалъ объ этомъ тотчасъ. (Дѣлаетъ шагъ впередъ). О, господинъ Карено, мы хотѣли бы просить васъ быть твердымъ. Вамъ теперь за пятьдесятъ лѣтъ, у васъ сѣдые волосы; но все-таки держитесь стойко. Вы дали бы великій примѣръ нашему народу.

Карено. (Возбужденно). Слава Богу, мое здоровье прекрасно, я многое былъ въ силахъ перенести. Садитесь опять, Таре, и давайте поговоримъ спокойно. Нѣтъ, нѣтъ, что касается того, что я серьезно долженъ такъ или иначе смириться, это болтовня, это ложь.

Таре. (Садится. Благодарно). Я скажу это сегодня вечеромъ. Я процитирую ваши слова. Это будетъ праздникомъ для „Горы“.

Карено. (Все болѣе возбуждаясь). И мои старыя выраженія объ отступникахъ я повторяю. Я говорю, самое лучшее ихъ убивать.

Таре. (Увлеченный. Сжимаетъ кулаки). Убивать ихъ! Отлично. Клянусь Отцомъ Небеснымъ.

Карено. (Встаетъ). Ибо это не враги, а побѣжденные. Съ ними нельзя больше сражаться. Ихъ надо добивать. Наносить имъ послѣдній ударъ изъ милосердія и состраданія.

Таре. Ударъ милосердія.

Карено. Нѣтъ, все имѣетъ свои границы. (Остается стоять). И что касается моихъ сужденій о выборахъ, то я былъ непонятъ. Скажите имъ: непонятъ. Я настроенъ, какъ всегда. (Ходить).

Таре. Тогда на этотъ разъ мы побѣдимъ Ервена. Если бы вы пошли теперь своей особой дорогой, третья партия пошла бы за вами, и мы погибли бы.

Карено. Я не иду своей дорогой... Изумительно все таки,— мнѣ, когда я слышу свои собственные мысли изъ вашихъ устъ, мои мысли, какими они были двадцать лѣтъ тому назадъ.

Таре. Это только естественно. Мы всему научились у васъ. Что были бы мы безъ вашей твердости? На сколько это глубже мыслей тѣхъ, которые говорятъ: почему Карено не можетъ измѣниться теперь? Онъ уже старикъ.

Карено. Отвѣтите имъ, если они опять будутъ клеветать: неужели Карено долженъ поступать, какъ другіе? Онъ продержался двадцать лѣтъ.

Таре. Да, я скажу это.

Карено. Да, да. Такъ они меня хотѣли вытолкнуть? И кого же вмѣсто меня хотѣли имѣть предсѣдателемъ?

Таре. Не знаю. Это было поистинѣ недоразумѣніемъ. Называли только одно имя.

Карено. И кого же называли?

Таре. Зачѣмъ?—вѣдь изъ этого ничего бы не вышло. Ну—меня называли.

Карено. (Остановливается). Васъ?

Таре. Все это было только недоразумѣніемъ.

Карено. И послѣ этого вы сами пришли ко мнѣ съ предупрежденіемъ?

Таре. У насъ у всѣхъ были большія надежды на васъ. (Пауза).

Карено. Знаете, Таре, что вы почти безбѣдно могли бы жить, состоя председателемъ.

Таре. (Коротко). Я? Я и такъ живу.

Карено. Ну, небольшая поддержка вамъ не повредила бы?

Таре. (Встаетъ). Впослѣдствіи, господинъ Карено,—вѣдь у меня есть платье лучше этого.

Карено. Конечно, конечно. Но только я думалъ...

Таре. Я не думалъ, что вы заставите меня выносить ваши шутки. Я все-таки имѣю еще кусокъ хлѣба.

Карено. Не будьте злымъ, милый другъ. Въ мои намѣренія не входило задѣвать васъ. (Другимъ тономъ). Да, да, вѣдь вы могли бы отвѣчать за меня въ „Горѣ“. Это у старика еще остается.

Таре. (Схватываетъ его руку). Благодарю!

Карено. И наконецъ, чтобы успокоить васъ совсѣмъ: какъ вы знаете, я ожидаю отъ университета стипендіи и надѣюсь, конечно, что получу ее. Такъ вотъ рѣшеніе сообщить мнѣ, какъ только узнаетъ что-нибудь въ высшихъ сферахъ, редакторъ Бондезенъ. Это все, зачѣмъ онъ тутъ былъ.

Таре. Онъ сообщитъ только, понятно. Все это будетъ передано... И въ такомъ случаѣ мы опять можемъ притти завтра, кое-кто изъ насъ?

Карено. (Вопросительно). Да? Прошу.

Таре. Благодарю! Въ послѣднее время вы отказывались отъ этого. Но намъ опять хотѣлось бы устроить вамъ праздникъ, какъ въ былые дни.

Карено. Ахъ, вы это думаете?

Таре. Не отказывайтесь. Мы не отнимемъ у васъ много времени. (Звонятъ).

Карено. Если это вамъ доставитъ удовольствіе,—пожалуйста.

Таре. Благодарю. (Протягиваетъ ему руку). Благодарю васъ за все, что вы сегодня сдѣлали и сказали. (Глубоко

кланяется. Таре идетъ къ задней стѣнѣ. Когда онъ открываетъ дверь, чтобы выйти, ему приходится дать дорогу фрэнкенъ Ховиндъ, которая какъ разъ входитъ. Онъ кланяется еще разъ; уходитъ).

Фр. Ховиндъ. (Сѣдѣющая дама, лѣтъ за сорокъ, въ темномъ платьѣ, въ бантахъ и лентахъ, съ письмомъ въ рукѣ). Кто былъ этотъ милый молодой человекъ?

Карено. Кандидатъ Таре. Вы его еще никогда не видѣли?

Фр. Ховиндъ. Милый молодой человекъ... Здравствуйте, Карено. Мой Богъ, я получила отъ васъ письмо. Случилось какое-нибудь несчастье? Ваша жена еще въ деревнѣ? У васъ умеръ кто-нибудь?

Карено. (Смѣется). Вы еще не вскрыли письма?

Фр. Ховиндъ. (Даетъ ему письмо, бросается на стулъ). Нѣтъ; я не могла. Такъ тамъ не было никакихъ ужасныхъ извѣстій?

Карено. (Вскрываетъ письмо и смотритъ на телеграмму). Нѣтъ, никакихъ. Это телеграмма отъ моей жены. Она пріѣзжаетъ завтра. И вмѣстѣ съ Сарой.

Фр. Ховиндъ. Ухъ, я пріѣзжала, какъ сумасшедшая; у меня было такое предчувствіе... съ Сарой, вы говорите?

Карено. (Коротко). Вы знаете, этотъ ребенокъ... И она просила васъ пріѣхать на вокзалъ. И кромѣ того не будете ли вы такъ добры помочь ей въ покупкахъ. Я ни въ чемъ не знаю толку; а нужно купить фортепіано, мебель, серебряный сервизъ и т. д.

Фр. Ховиндъ. (Вскакиваетъ). Она получила наслѣдство!

Карено. Да.

Фр. Ховиндъ. (Всплескиваетъ руками). Возможно ли! Можете вы себя представить: мѣшокъ, полный денегъ! Нѣтъ, не ошибаетесь-ли вы въ самомъ дѣлѣ? (Беретъ у него изъ рукъ телеграмму и смотритъ). Господи

Боже мой! Но какіе же огромные лѣса были у ея отца!

Карено. Да. Въ этомъ не было недостатка.

Фр. Ховиндъ. Нѣтъ, чего мы теперь накупимъ! Да, но не будьте же такъ безучастны ко всему этому. Вотъ какъ было умно, что вы весной сняли такой большой домъ!

Карено. Элина такъ хотѣла.

Фр. Ховиндъ. Да, она знала, она могла приготовить квартиру на случай, если лѣса ея отца будутъ проданы... Нѣтъ, это страшно нужно для Элины,—чтобы я руководила ею при покупкахъ. Такое несчастное со-зданье, какъ я! Все-таки, вѣдь нельзя сказать, что у меня дурной вкусъ, правда, нѣтъ?

Карено. Конечно, нѣтъ, фрѣкенъ Ховиндъ.

Фр. Ховиндъ. Нѣтъ, правда, нѣтъ. Профессоръ Ервенъ спрашивалъ меня о всякой мелочи, когда мы были помолвлены.

Карено. Элина проситъ васъ также быть на вокзалѣ съ экипажемъ.

Фр. Ховиндъ. Я возьму парную коляску. Какъ вы думаете, взять намъ парную коляску?

Карено. Да, конечно. Очень даже хорошо... Вы не боитесь теперь одна возвращаться домой?

Фр. Ховиндъ. (Медля). О, да. Я вправду немного боюсь, но...

Карено. Я провожу васъ. (Беретъ свою шляпу).

Фр. Ховиндъ. Очень благодарна; если бы вы только довели меня до ближайшей биржи, тогда я тамъ могла бы взять экипажъ. Вѣдь дѣйствительно мужчины по вечерамъ часто пристають къ дамамъ. (Стукъ).

Бондезенъ. (У задней стѣны). Добрый вечеръ, еще разъ. А, добрый вечеръ, фрѣкенъ Ховиндъ. Вы уходите, Карено?

Карено. Да, я ухожу. Какъ вы вошли сюда? Я не слышала звонка.

Бондезенъ. Прислуга стояла въ дверяхъ.

Фр. Ховиндъ. Благодарю васъ, не затрудняйтесь провожать меня, Карено.

Карено. Нѣтъ, какъ же.

Бондезенъ. Мнѣ нужно немедленно переговорить съ вами.

Карено. Я только провожу фрѣкенъ до ближайшей биржи. Пойдемте съ нами, или хотите подождать тутъ?

Бондезенъ. Хорошо, я подожду тутъ.

Карено. Я оставляю васъ ровно на двѣ минуты. Почитайте пока что-нибудь. Кстати. (Достаётъ рукопись въ золотой обложкѣ). Посмотрите, не годится ли вамъ что-нибудь отсюда для вашей газеты.

Фр. Ховиндъ. До свиданія, господинъ Бондезенъ.

Бондезенъ. До свиданья, фрѣкенъ. (Фрѣкенъ Ховиндъ и Карено уходятъ въ заднюю дверь. Бондезенъ садится съ рукописью въ рукахъ. Вскорѣ встаетъ и идетъ къ лѣвой двери, стучитъ и возвращается на свое мѣсто).

Александра. (Входитъ, смѣясь). Это вы? Почему вы не пришли другой дорогой.

Бондезенъ. Я никогда не буду больше ходить другой дорогой. (Бросаетъ на столъ ключъ). Вотъ ключъ. (Послѣ паузы, смотря на нее). У васъ не оказалось времени снести письмо Карено. Я думалъ, что вы изъ-за меня не хотѣли итти.

Александра. Да. Такъ и было.

Бондезенъ. (Вскакиваетъ). Но васъ не было въ кухнѣ.

Александра. Да. Я на минуту уходила въ свою комнату.

Бондезенъ. И въ своей комнатѣ вы не были одни. Хе-хе, въ вашей двери очень большая замочная скважина, юнгферъ. Впередъ будьте осмотрительнѣй.

Александра. Вы пришли все-таки черезъ кухню?

Бондезенъ. (Показываетъ налѣво). Да, но въ эту дверь. Вы думаете, я не могъ? Вы чувствовали себя безопасно? (Сердито топаетъ ногой объ полъ). Великолѣпно, чертъ меня возьми! (Сдерживается). Итакъ, вы не просите прощенья?

Александра. Я не думала, что вы станете заниматься такими глупостями и подсматривать въ щелку.

Бондезенъ. И все-таки это было. (Грубо). Это былъ я, слышите.

Александра. Отлично слышу.

Бондезенъ. (Ходить). Итакъ, высокій господинъ также посѣщаетъ этотъ домъ, какъ и я.

Александра. Онъ только разъ помогъ мнѣ донести корзину. Это все.

Бондезенъ. Вы знаете, кто онъ?

Александра. Да. Его имя Карстенъ.

Бондезенъ. (Останавливается; про себя). Карстенъ, да, любезный Карстенъ. (Горячо). Это былъ профессоръ Карстенъ Ервень. Ну, что скажете вы теперь. (Ходить).

Александра. Вотъ какъ, онъ профессоръ.

Бондезенъ. Это превосходно! Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, это отлично! Я смотрю ему прямо въ лицо. (Останавливается). Такъ; и онъ просилъ васъ называть себя Карстеномъ? И вы, конечно, это дѣлали?

Александра. Однако, довольно мнѣ выслушивать всѣ эти низости.

Бондезенъ. (Ходить). Я выгоню этого Карстена! Клянусь всѣмъ святымъ я выгоню этого Карстена! (Останавливается). Онъ вамъ помогъ донести корзину?

Александра. Да, и это было очень любезно съ его стороны.

Бондезенъ. (Ходить). Конечно, конечно.

Александра. Главнымъ образомъ, онъ не такой колочій и некрасивый, какъ вы.

Бондезенъ. Но я въ ближайшій день дамъ профессору Ервену поносить корзинку.

Александра. (Смѣется). Вы?

Бондезенъ. Вамъ это такъ смѣшно?

Александра. (Серьезно). Вы не будете приставать къ нему. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ нѣтъ.

Бондезенъ. Вы запрещаете мнѣ это? (Александра молчитъ, Бондезенъ ходитъ). Гм., это было вполнѣ понятно, что вы не имѣли времени отнести письмо. Конечно, у васъ былъ такой гость.

Александра. Я не знаю, чего вы собственно хотите отъ меня?

Бондезенъ. (Останавливается). Вы не просите прощенья?

Александра. Нѣтъ.

Бондезенъ. (Наклоняется впередъ). Вы не дѣлаете этого?

Александра. Нѣтъ, вы вѣдь слышите.

Бондезенъ. (Выпрямляется; повелительно). Тогда возьмите ключъ и идите. (Показываетъ на ключъ и топаетъ ногой). Возьмите!

Александра. (Беретъ ключъ). Тс!.. Вы не слышите: Карено въ передней. (Уходитъ налѣво).

Карено. (Изъ задней двери). Ахъ, вы еще здѣсь. Простите великодушно. Меня долго не было?

Бондезенъ. Нѣтъ.

Карено. Садитесь. (Показываетъ на рукопись въ рукахъ Бондезена). Вы заглянули сюда? Что вы скажете объ этомъ?

Бондезенъ. (Садится). Да—какъ вамъ сказать?

Карено. Вы думаете, это вамъ не подходитъ?

Бондезенъ. (Вертится). Въ такихъ дѣлахъ трудно рѣшать на скорую руку. Вы знаете нашу публику.

Карено. Да, я затѣмъ и далъ, чтобы у кой-кого волосы стали дыбомъ при видѣ того, какъ Иваръ Карено возвращается къ прежней философіи.

Бондезенъ. (Удивленный). Какъ?
Карено. Вѣдь я почти не позволялъ себѣ публично объ этомъ говорить.
Бондезенъ. (Встаетъ). Ну въ такомъ случаѣ — моя газета открыта для васъ.
Карено. (Удивленный). Вы правда такъ думаете?
Бондезенъ. Цѣнность этихъ статей помимо всего слишкомъ велика, чтобъ я могъ упустить ихъ. И что касается гонорара, то онъ будетъ такимъ, какого вы потребуете.
Карено. Очень хорошо, очень хорошо.
Бондезенъ. Нѣтъ, нѣтъ, такая выдающаяся работа стоитъ вашего гонорара.
Карено. Вы вѣрите? Вы, дѣйствительно, думаете, что это такъ?
Бондезенъ. Великое произведеніе. Изумительная вещь. То есть, насколько мнѣ позволено судить въ такихъ вещахъ.
Карено. Это радуетъ меня; нѣтъ, это, дѣйствительно, радуетъ меня. Вѣдь вы должны знать, что я писалъ это давно, и все опять и опять обдумывалъ; но издавать это я не могъ.
Бондезенъ. Когда вы это написали?
Карено. Ахъ, уже много лѣтъ тому назадъ. На досугъ, послѣ того кризиса, о которомъ я вамъ говорилъ.
Бондезенъ. Значитъ, этотъ крупный переломъ произошелъ въ васъ раньше, чѣмъ вы на него рѣшились?
Карено. Несомнѣнно. Мнѣ стало ясно, что истина лежитъ либо выше, либо ниже, но никогда не посрединѣ. Очень крупный переломъ, да, да.
Бондезенъ. Значитъ, я беру сейчасъ же рукопись.
Карено. (Обдумываетъ). Нѣтъ, прошу васъ, еще не сейчасъ. Я долженъ ее еще разъ просмотрѣть. Шагъ, который я дѣлаю, серьезенъ. (Встаетъ, переживая вну-

треннюю борьбу, и начинаетъ ходить). Но больше я не выдержу. Моя старая вѣра и моя новая вѣра уже не совпадаютъ другъ съ другомъ.
Бондезенъ. Я нахожу это вполне понятнымъ.
Карено. Къ тому же я взволнованъ сегодня. Вы видѣли Таре. Ну вотъ, онъ говорилъ о дняхъ моей молодости, и на меня нахлынула теплая волна переживаній.
Бондезенъ. Ахъ, такіе припадки унынія у всѣхъ бываютъ время отъ времени. Но если я выпью семь стакановъ грога, я тотчасъ же могу держать рѣчь противъ Гамбетты.
Карено. Да, вы легко это переносите. И, Боже, какъ я вамъ завидую. Я такъ усталъ отъ борьбы.
Бондезенъ. Я дѣлаю вамъ одно предложеніе, вполне серьезно: вы должны выйти изъ „Горы“ и быть избраннымъ вмѣсто профессора Ервена.
Карено. (Останавливается и смотритъ на него). Вполнѣ серьезно, говорите вы?
Бондезенъ. Вполнѣ серьезно. Я не понимаю, какъ вы можете еще мучиться съ вашимъ союзомъ, когда вамъ предстоитъ изгнаніе не только вслѣдствіе вашей старости, но и вслѣдствіе измѣненія, какъ я долженъ это назвать, вашихъ взглядовъ.
Карено. Моей старости? Я еще не старикъ. Въ лучшіе свои часы я внутренне все такъ же молодъ, какъ и раньше.
Бондезенъ. (Пожимаетъ плечами). Это какъ понимать!
Карено. Нѣтъ, это такъ, это еще такъ. (Ходитъ). Я все-таки уже самъ думалъ уйти изъ „Горы“. Вѣдь мои воззрѣнія теперь зрѣлѣе, чѣмъ при вступленіи въ нее.
Бондезенъ. По моему вы виноваты передъ своей совѣстью.
Карено. Въ концѣ концовъ я долженъ уйти, такъ какъ все-таки не совсѣмъ такъ думаю, какъ раньше. Можетъ быть, вы правы, что это недобросовѣстно съ моей стороны оставаться на этомъ мѣстѣ.

Бондезенъ. И тогда мы ставимъ васъ на мѣсто Ервена.
Карено. Вы этимъ только шутите.
Бондезенъ. Совсѣмъ нѣтъ. О профессорѣ Ервенѣ стали
извѣстны вещи, которыя дѣлаютъ его кандидатуру
невозможной.
Карено. (Удивленный, садится). Кандидатура Ервена не
будетъ выставлена?
Бондезенъ. Нѣтъ. Будетъ ваша.
Карено. Вы уполномочены сдѣлать мнѣ это предложеніе?
Бондезенъ. Я выясню это на собраніи центрального ко-
митета. Я выясню, что Ервенъ идетъ одинъ и при-
томъ запятанный грубой безнравственной связью,
въ то время какъ вы безупречной репутаціи и въ ка-
чествѣ бывшаго члена „Горы“ ведете за собой трид-
цать человѣкъ, отдавшихъ вамъ свои голоса.
Карено. (Встаетъ и ходитъ). Я ничего не понимаю. Это
кружить мнѣ голову. Я подаль прошеніе о стипендіи
на поѣздку.
Бондезенъ. Обдумайте все это до завтра. (Беретъ свою
шляпу). А я предварительно помѣщу замѣтку въ га-
зетѣ, что вы уходите изъ „Горы“.
Карено. Нѣтъ, еще нѣтъ; подождите съ этимъ.
Бондезенъ. (Строго). Измѣненіе взглядовъ возбраняетъ
такому человѣку, какъ вы, оставаться дальше хоть
одинъ день въ союзѣ „Горы“.
Карено. Конечно, конечно. Въ принципѣ вы правы. Дайте
только мнѣ обдумать это.
Бондезенъ. Вы должны это сдѣлать. Обдумайте все по-
ложеніе до завтра. (Протягиваетъ ему руку). Доброй
ночи, Карено. Я приду. (Идетъ къ задней двери).
Карено. (За нимъ, съ внезапной надеждой). А можетъ
быть, я завтра получу стипендію.
Бондезенъ. Доброй ночи. (Уходитъ).
(Занавѣсъ).

ВТОРОЙ АКТЪ.

(Та же комната, день спустя. Отчасти новая мебель,
между прочимъ новое кресло у письменнаго стола. Садовая
скамейка удалена и замѣнена кушеткой. Около полудня.
Карено. Сидитъ у письменнаго стола и читаетъ утрен-
нія газеты).
Фр. Карено. (44 лѣтъ, въ черномъ, входитъ справа. Она
несетъ халатъ на рукѣ и держитъ палку съ серебря-
нымъ набалдашникомъ. Оглядывая комнату): Ну, те-
перь здѣсь стало немного лучше, Иваръ. Ты уже ви-
дѣлъ тамъ комнаты?
Карено. У меня не было времени для этого.
Фр. Карено. Наталія и я все еще убираемъ. Всѣ вещи
новыя. Хоть и далеко, но у насъ тутъ будетъ совсѣмъ
уютно.
Карено. Дѣло въ томъ, что я уйду изъ „Горы“.
Фр. Карено. Что жъ ты не говоришь! Слава тебѣ, Го-
споди! Ты вѣдь дѣйствительно совсѣмъ не подходишь
къ этимъ радикаламъ.
Карено. Одно время я былъ ихъ единомышленникомъ.
Фр. Карено. Да, это я хорошо понимаю, но... Такъ ты
вправду рѣшилъ? Тогда ты получаешь за это малень-
кій подарокъ. (Протягиваетъ ему халатъ). Вотъ. Тебѣ
въ немъ хорошо будетъ работать.

Карено. (Встает). Благодарю. Это для меня предназначалось?

Фр. Карено. Да. Надѣнь-ка его. Я выйду на минуту. (Быстро выходит направо. Карено снимаетъ сюртукъ и надѣваетъ халатъ. Осматриваетъ себя со всѣхъ сторонъ).

Фр. Карено. Ты готовъ?

Карено. (Удивленно). Готовъ? Къ чему готовъ? (Открываетъ дверь направо).

Фр. Карено. (Входитъ). Я про халатъ... Отлично сидитъ. (Поворачиваетъ его.) И какъ идетъ къ тебѣ, Иваръ... А у меня еще есть кое-что. (Внезапно прячетъ палку). Нѣтъ, это должна Сара—(Открываетъ дверь направо и кричитъ!) Сара! (Сара, десяти, одиннадцати лѣтъ, большая для своего возраста, входитъ).

Фр. Карено. Дай твоему отцу эту палку, Сара.

Сара. (Беретъ палку и протягиваетъ ее Карено). Пожалуйста.

Карено. Еще палку — и съ накладнымъ серебромъ къ тому же. Позволь тебя поблагодарить, моя милая. (Одобрительно осматриваетъ палку). И даже имя выгравировано.

Сара. Твое имя? Покажи!

Карено. (Не дослышавъ). Тутъ цѣлый гербъ, какъ я вижу.

Фр. Карено. Нѣтъ, какъ удивительно идетъ къ тебѣ халатъ! Наталія должна это видѣть. (Открываетъ дверь направо и зоветъ). Наталія!

Фр. Ховиндъ. (Отвѣчаетъ). Иду. (Входитъ). Что такое? Ахъ, ты, Господи! Такой же халатъ былъ у профессора Ервена въ тѣ дни, когда мы были помолвлены. Поздравляю. (Оглядывается). А, тутъ уже стало теперь немного лучше, хотя многого еще не хватаетъ.

Карено. Чего же еще тутъ не хватаетъ?

Фр. Ховиндъ. Гораздо бѣльшаго, чѣмъ вы думаете. Однако, намъ нельзя тратить время, Элина. Какъ разъ надо рѣшить, куда поставить фортепiano. (Уходитъ направо).

Фр. Карено. Иду сейчасъ. (Къ Карено). Ты займешься немного Сарой, да?

Карено. Прости, Элина, къ сожалѣнію мое время такъ занято... (Съ палкой подъ мышкой роется въ бумагахъ на столѣ).

Фр. Карено. Ты почти не взглянулъ на нее, (Сарѣ, опечаленная). Слушай, Сарочка, бѣги на кухню и попроси Александру почистить тебѣ немного башмаки.

Сара. Я могу сама почистить. (Уходитъ направо.)

Карено. Ты не будешь больше просить меня объ этомъ, Элина. (Ходитъ съ палкой).

Фр. Карено. Во всякомъ случаѣ я не думала, что ты дашь почувствовать что-нибудь ребенку.

Карено. Когда я пошелъ на то, чтобы намъ опять жить вмѣстѣ, мы уговорились не брать ребенка къ себѣ.

Фр. Карено. Да, но ты знаешь, что теперь она уже не можетъ больше оставаться дома съ тѣхъ поръ, какъ отецъ умеръ, и имѣніе продано.

Карено. Держи ребенка, гдѣ хочешь; но не безпокой меня имъ. Если говорить откровенно, ты не должна была навлекать на меня этотъ позоръ. (Звонятъ).

Фр. Карено. (Другимъ тономъ). Я такъ тебя благодарю, Иваръ, что ты выходишь изъ „Горы“. Я начинала уже сердиться на этого Таре, такъ часто сталъ онъ ходить.

Карено. (Недовольно). Вотъ какъ разъ, не онъ ли позвонилъ.

Фр. Карено. Мы должны теперь видѣть у себя только пріятныхъ для насъ людей, людей твоего положенія. Наконецъ-то мы имѣемъ эту возможность.

Карено. Я не знаю, почему я плохо спалъ сегодня ночью.
Я не дѣлалъ вчера никакихъ глупостей.
Фр. Карено. Тогда хорошо бы тебѣ заснуть на часокъ тутъ, на кушеткѣ.
Карено. Спасибо за твой часокъ! Я еще не такъ старъ, чтобы спать днемъ.
Александра. (Входитъ и подаетъ письмо Карено). Извольте. (Уходитъ налѣво).
Карено. (Вскрываетъ письмо и читаетъ). Это мнѣ—! Ты не можешь представить, отъ кого это письмо.
Фр. Ховиндъ. (Въ правой двери). Когда же ты придешь, Элина, я все жду.
Карено. (Читаетъ). Отъ профессора Ервена.
Фр. Карено. Что?
Фр. Ховиндъ. (Входитъ). Вамъ пишетъ профессоръ Ервень?
Карено. Онъ проситъ, чтобы я не отказалъ ему сегодня днемъ въ короткомъ разговорѣ.
Фр. Карено. Нѣтъ, каково! (Достаетъ пудру изъ кармана и начинаетъ пудриться).
Карено. (Бросаетъ письмо на столъ, гордо). Несомнѣнно, онъ принесетъ мнѣ стипендію.
Фр. Ховиндъ. (Беретъ у фру Карено зеркальце). Скажи, такъ идутъ локоны къ моему лицу? (Растрепываетъ себѣ волосы).
Фр. Карено. Эта щетина?
Фр. Ховиндъ. Что ты выдумываешь. Волосы нѣжны, какъ шелкъ. (Отдаетъ зеркальце назадъ).
Карено. Если мы ждемъ такого гостя къ себѣ, я долженъ посмотрѣть, какъ вы тамъ убрали. (Идетъ направо. Фру Карено хочетъ итти за нимъ).
Фр. Ховиндъ. (Удерживаетъ ее). Въ такомъ случаѣ ты ужъ прости меня, Элина. Я должна на минутку сбѣгать домой. Подумай только, кто придетъ: профессоръ

Ервень! (Беретъ его письмо въ руки). Все тотъ же почеркъ, гордый и твердый.

Фр. Карено. Вѣдь ты вернешься?
Фр. Ховиндъ. Сію минуту. Я иду домой только переодѣться.
Фр. Карено. Это не нужно.
Фр. Ховиндъ. Все-таки, такой случай... По твоему мнѣ нужно только поклониться, или присѣсть? Передъ важными особами обыкновенно присѣдаютъ. Вотъ такъ. (Присѣдаетъ). Хорошо? Подумай только съ тѣхъ поръ, какъ мы были помолвлены, я ни разу больше не говорила съ нимъ. Ужъ двадцать лѣтъ.
Фр. Карено. Онъ ужасно сварливъ?
Фр. Ховиндъ. Сварливъ? Ахъ вовсе нѣтъ. Душевный человѣкъ. Ты знаешь, что онъ однажды мнѣ сдѣлалъ?
Фр. Карено. (Шокированная). Нѣтъ; какъ же я могу это знать, милая.
Фр. Ховиндъ. Онъ подрисовалъ мнѣ брови. (Смѣется). Те - - емныя брови. (Серьезно). Знаешь, что я одѣну? Мою голубую шелковую душегрѣйку.
Фр. Карено. Почему же именно ее?
Фр. Ховиндъ. Потому что я хочу. Къ чему же она мнѣ вообще, если я и сегодня не одѣну ея?
Карено. (Справа). Ну, это совсѣмъ другое дѣло.
Фр. Карено. Не правда ли?
Карено. Я прямо не узналъ.
Фр. Ховиндъ. Такъ до свиданья. Я на минутку должна сбѣгать домой, Карено. (Уходитъ въ заднюю дверь).
Карено. Все таки онъ долженъ былъ въ концѣ концовъ смириться, Карстенъ Ервень.
Фр. Карено. Чего онъ собственно хочетъ?
Карено. Это совершенно очевидно. Онъ хочетъ первымъ сообщить мнѣ рѣшеніе, что я получу стипендію. Для

порядочныхъ людей оказалось невозможнымъ обойти меня. (Перечитываетъ письмо).

Фр. Карено. Боже мой, у меня еще не все тамъ въ порядкѣ! (Уходитъ направо).

Сара. (Слѣва). Мамы здѣсь нѣтъ?

Карено. (Бросаетъ письмо). Да... Сара, я тебя долженъ благодарить за эту славную палку?

Сара. О нѣтъ, маму. Но я должна была тебѣ ее дать.

Карено. Благодарю тебя, мой маленькій другъ. (Приближаетъ ее къ себѣ). Какая ты ужъ большая, Сара.

Сара. Да, я большая.

Карено. Такая большая, такая большая.

Сара. Ты мой отецъ?

Карено. Гм. Что?

Сара. Вѣдь мой отецъ ты?

Карено. Ты такая большая, что я думаю, мнѣ тебя не поднять. (Звонять).

Сара. Кто-то позвонилъ.

Карено. Это гости.

Сара. Открыть?

Карено. Нѣтъ. Александра откроетъ. (Обнимаетъ ее рукой). Ты сама хотѣла открыть дверь, маленькая? Значить, ты не боишься? А?

Сара. (Качаетъ головой). Нѣтъ.

Карено. Не боишься... Тебя поразило что-нибудь здѣсь въ городѣ?

Сара. Да. Здѣсь такъ много домовъ вездѣ.

Карено. Да, да.

Сара. И самое удивительное, что каждый знаетъ свой домъ.

Карено. Ахъ, да. Но ты скоро научишься этому, привыкнешь. (Гладитъ ее по щекѣ). Моя милая, маленькая Сара.

(Бондezenъ входитъ въ заднюю дверь. Карено отстраняетъ Сару отъ себя).

Бондezenъ. Добрый день, Карено. Я хотѣлъ только на минуту къ вамъ заглянуть.

Карено. (Строго Сарѣ). Иди къ мамѣ. (Сара уходитъ направо).

Карено. Садитесь, пожалуйста.

Бондezenъ. (Кладетъ шляпу и садится. Благодарю васъ, я долженъ сейчасъ же итти обратно. Я долженъ собственнo быть на собраніи, потомъ... Вы читали газету?)

Карено. Да. И вы отлично могли бы подождать еще день съ вашимъ извѣщеніемъ.

Бондezenъ. Э-э, почему собственнo?

Карено. Потому что я васъ просилъ объ этомъ. (Пауза).

Бондezenъ. Замѣтка васъ дѣйствительно разсердила?

Карено. Какъ вамъ сказать. Мой шагъ, можетъ быть, неизбѣженъ. Но я знаю, что двадцать лѣтъ тому назадъ я глубоко осудилъ бы себя за него.

Бондezenъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ, да.

Карено. Гм, развѣ я сталъ теперь умнѣе, чѣмъ тогда? Или я былъ тогда нѣсколько умнѣе, чѣмъ теперь?

Бондezenъ. Вы читали замѣтку о Ервенѣ?

Карено. Ервенъ сегодня будетъ у меня. (Даетъ Бондезену письмо Ервена).

Бондezenъ. Что? Зачѣмъ ему сюда?

Карено. У него можетъ быть только одинъ поводъ.

Бондezenъ. Какой?

Карено. Никакого другого не можетъ быть... Какъ по вашему, я въ этомъ халатѣ нѣкоторымъ образомъ постарѣлъ?

Бондezenъ. (Равнодушно бросаетъ письмо Ервена на столъ). Ахъ, нѣтъ. Хотя извѣстная солидность, извѣстная близость къ старости получается отсюда, этого нельзя отрицать.

Карено. И отъ палки тоже? (Показываетъ ее ему).

Бондезенъ. Быть можетъ. Ахъ нѣтъ, конечно, нѣтъ...
Между прочимъ, я уже исполнилъ порученіе, о которомъ вы вчера говорили. Центральный Комитетъ солидаренъ со мной.

Карено. (Нетерпѣливо бросаетъ палку на столъ). Я не знаю, Бондезенъ, вы такъ ужасно спѣшите. Я хочу сначала все какъ слѣдуетъ обдумать. (Начинаетъ ходить взадъ и впередъ).

Бондезенъ. И даже если вы будете нѣкоторое время медлить съ этимъ шагомъ, о которомъ идетъ рѣчь,—вы все-таки когда-нибудь должны будете его сдѣлать. Возьмите меня, напримѣръ, если хотите;—когда придетъ настоящая старость, вы перейдете на сторону порядка. Таковъ законъ мудрой природы.

Карено. Еще есть время, я еще не обдумалъ. И сегодня я еще хочу обсудить это со всѣхъ сторонъ.

Бондезенъ. Этого требуетъ отъ васъ достойная высококачественная побудительная причина: вы будете выбраны вмѣсто Ервена. (Фру Карено входитъ справа. Бондезенъ встаетъ). Добрый день, фру. Съ благополучнымъ возвращеніемъ въ нашъ городъ. (Беретъ ея руку). Вы были нѣсколько недѣль въ отсутствіи?

Фр. Карено. Только двѣ.

Бондезенъ. И за это время я сдѣлалъ Карено депутатомъ въ Рейхстагъ.

Фр. Карено. Я слышала, какъ вы объ этомъ говорили.

Бондезенъ. Но онъ такъ медлителенъ въ своихъ рѣшеніяхъ.

Карено. Я десять лѣтъ передумывалъ идеи своей молодости; но это, кажется, будетъ мнѣ стоить еще десяти лѣтъ сомнѣній. И тогда мнѣ будетъ шестьдесятъ.

Бондезенъ. Нѣтъ, какъ разъ теперь вы въ возрастѣ, подобающемъ для почетной перемѣны образа мыслей. Васъ избираютъ вмѣсто профессора Ервена, вы разо-

вете свою дѣятельность въ званіи, которое Богъ и довѣріе гражданъ возлагаютъ на васъ; и когда придетъ время, вы будете членомъ Королевскаго Совѣта.

Фр. Карено. Членомъ Совѣта?

Карено. Не вѣрь ему.

Бондезенъ. (Коротко). Вы не должны оставлять безъ вниманія того, что я, почти старикъ, съ открытымъ такъ сказать образомъ мыслей, собираюсь сдѣлать.

Фр. Карено. Нѣтъ, Иваръ, ты дѣйствительно не долженъ такъ говорить.

Бондезенъ. (Фру Карено). Я повторяю то, что сказалъ. Путь Карено лежитъ почти свободный передъ нимъ.

Карено. (Останавливается). Но почему вы не идете къ кому-нибудь другому?

Бондезенъ. Потому что вы человекъ съ именемъ. Потому что вы теперь богаты—простите, что я касаюсь этого. И потому что за вами идетъ три десятка людей.

Карено. Богата моя жена, а не я.

Фр. Карено. Но, Иваръ, ты вѣдь знаешь, что мое, то твое.

Бондезенъ. Само собой разумѣется. И человекъ, который хочетъ быть представителемъ у насъ въ Норвегіи, скорѣе долженъ имѣть деньги, чѣмъ юридическій дипломъ.

Фр. Карено. Милый Иваръ, будь такъ добръ, помоги тамъ человѣку переставить тяжелыя вещи. Фортепiano нужно поставить косякомъ въ углу. (Карено уходитъ). Садитесь, пожалуйста. (Бондезенъ садится. Фру Карено садится нѣсколько поодаль). Это дѣйствительно возможно, чтобы Иваръ сталъ членомъ Совѣта?

Бондезенъ. Со временемъ, внѣ всякаго сомнѣнія... Позвольте задать вамъ одинъ вопросъ: маленькая дѣвочка, которую я тутъ видѣлъ, это ваша дочь?

Фр. Карено. Да, это Сара.
Бондезенъ. Смѣю васъ увѣрить, я былъ растроганъ, когда увидѣлъ ее. И я рѣшилъ все сдѣлать для вашего мужа, что могу—слабый знакъ моей преданности.
Фр. Карено. У профессора Ервена не больше шансовъ, чѣмъ у Ивара?
Бондезенъ. У профессора Ервена нѣтъ никакихъ шансовъ. Онъ запятналъ себя совершенно неприличной связью.
Фр. Карено. Какъ такъ?
Бондезенъ. Я могу сказать больше: все происходило здѣсь, въ этомъ домѣ.
Фр. Карено. (Вскакиваетъ). Что вы говорите? Кто это можетъ знать?
Бондезенъ. (Смотритъ на нее удивленно). Кто можетъ знать? Я знаю.
Фр. Карено. Это неправда. Никомъ образомъ. Никогда.
Бондезенъ. Мнѣ больно васъ обижать, но вы должны лучше слѣдить за своей служанкой.
Фр. Карено. Какъ, Александра? (Садится). Нѣтъ, что вы говорите?
Бондезенъ. Я самъ ихъ засталъ.
Фр. Карено. Александру и профессора Ервена?
Бондезенъ. Да.
Фр. Карено. (Всплескиваетъ руками). Ахъ, развѣ я не говорила постоянно Ивару: нѣтъ порядка въ этомъ домѣ. (Идетъ къ письменному столу и начинаетъ приводить въ порядокъ бумаги). Но я никогда ничего подобнаго не слышала. Гдѣ вы ихъ застали? (Садится снова).
Бондезенъ. Вонъ тамъ. Въ полдень. Мертвая тишина. Ни одинъ человѣкъ въ домѣ не могъ что-либо подозрѣвать. Я вошелъ. И что же вижу? Самое интимное tête-a-tête.

Фр. Карено. Что же они тамъ дѣлали?
Бондезенъ. Гм... онъ цѣловалъ ее.
Фр. Карено. (Вскакиваетъ). Они съ ума сошли! Да, да, какъ же иначе это назвать. (Идетъ обратно къ столу и съ горячностью приводитъ бумаги въ порядокъ). И все это среди бѣла дня, вы говорите?
Бондезенъ. Мило, правда?
Фр. Карено. (Перѣстаетъ убирать бумаги). Александру сейчасъ же вонъ изъ этого дома.
Бондезенъ. При другихъ условіяхъ и я бы это посоветовалъ, но въ теперешнемъ положеніи—нѣтъ. Это можетъ повредить карьерѣ Карено.
Фр. Карено. Нѣтъ, и это могло случиться въ такомъ домѣ, какъ нашъ!
Бондезенъ. Совершенно вѣрно. И поэтому я ничего не сказалъ Карено. Вы понимаете, такъ гораздо лучше.
Фр. Карено. (Недовѣрчиво). Я понимаю только, что это насъ позоритъ. (Продолжаетъ убирать бумаги).
Бондезенъ. Конечно; я объ этомъ и подумалъ. Вамъ виднѣ такія вещи. Предоставьте, какъ я уже сказалъ, всему итти своимъ порядкомъ до близкаго дня оповѣщенія, тогда не будетъ скандала. (Сквозь зубы). А профессоръ Ервенъ со своихъ выборовъ понесетъ домой пріятную корзиночку.
Фр. Карено. Невозможно слушать, совершенно невозможно.
Бондезенъ. Я уже сдѣлалъ ему сегодня въ газетѣ маленькое, тонкое предостереженіе, въ формѣ маленькой случайной замѣтки.
Фр. Карено. (Со внезапнымъ предчувствіемъ). Но скажите мнѣ, что же они тамъ дѣлали въ кухнѣ?
Бондезенъ. Я? Гм. Что они тамъ... Да, это вамъ объяснить Карено. Тутъ былъ одинъ оборванецъ, по имени Таре, который не хотѣлъ меня пропустить въ эту дверь.

(Показывает на заднюю дверь). И я долженъ былъ пройти черезъ кухню.

Фр. Карено. Такъ Таре опять тутъ былъ со всякимъ сбродомъ? Конечно, я всего ожидаю отъ людей. (Садится опять). Скажите, вы не могли бы избавить Ивара отъ этого общества? Въ самомъ дѣлѣ, что это за общество для насъ?

Бондезенъ. Я сдѣлаю это, и я сдѣлаю, что вашъ мужъ будетъ еще очень возвышенъ къ концу своей жизни. Ради Сары и ради ея матери.

Фр. Карено. (Отодвигается подальше отъ него). Благодарю васъ.

Бондезенъ. Сколько теперь лѣтъ Сарѣ?

Фр. Карено. Десять, одиннадцать лѣтъ. Почему вы спрашиваете объ этомъ?

Бондезенъ. (Встаетъ тотчасъ). Я не знаю, но когда она стоитъ вотъ такъ, передо мной, у меня такое чувство, какъ будто я ее зналъ, какъ будто я ее снова узнаю. Она трогаетъ что-то тамъ, внутри. (Кладетъ руку на грудь).

Фр. Карено. (Смотритъ на него пристально). Сара дочь Ивара.

Бондезенъ. Да. Гм. Конечно. Это впрочемъ меня радуетъ... Итакъ, какъ я уже сказалъ, ему нужно уйти изъ „Горы“. Предоставьте мнѣ только дѣйствовать. (Карено входитъ справа).

Бондезенъ. Я какъ разъ говорю, что считаю дѣло оконченнымъ. Я также приготовлю все для утренней газеты.

Карено. Умѣрьте же хоть немного свою безсовѣстную услужливость, Бондезенъ. Я уже вамъ говорилъ много разъ, что мнѣ еще нужно все основательно обсудить. Наконецъ, я могу этого не дѣлать ради Ервена.

Фр. Карено. Ради такого дурака!

Бондезенъ. Кандидатура Ервена не можетъ быть выставлена послѣ того, что произошло съ нимъ на дняхъ.

Карено. (Своей женѣ). Что тебѣ сдѣлалъ Ервенъ? Конечно, мнѣ онъ мѣшалъ въ теченіи двадцати лѣтъ, но теперь долженъ очистить дорогу. Сегодня онъ будетъ у меня. Онъ хочетъ оказать мнѣ вниманіе.

Бондезенъ. Какое такое вниманіе?

Карено. Ервена могло привести сюда только желаніе поздравить меня со стипендіей.

Бондезенъ. (Смѣется и качаетъ головой). Въ такомъ случаѣ, вы ошибаетесь, Карено. Вы не получите стипендіи.

Карено. Какъ?

Бондезенъ. Вчера уже поздно вечеромъ это было рѣшено. Это подкопъ вашего Ервена. (Карено опускается на стулъ).

Фр. Карено. Ты слышишь это. Я на твоемъ мѣстѣ не принимала бы его. Послѣ этого онъ не долженъ переступать порога твоей комнаты.

Карено. Такъ я не получу стипендіи?

Фр. Карено. Къ счастью, мы не нуждаемся въ ней больше, Иваръ.

Карено. (Горько). Я долженъ стать твоимъ стипендіатомъ? (Встаетъ и начинаетъ блуждать по комнатѣ). Хе-хе, это забавно. Двадцать лѣтъ!

Бондезенъ. Вы имѣете теперь прекрасный случай взять реваншъ. Ервенъ много лѣтъ работалъ для одной цѣли, не приблизившись къ ней.

Карено. Я не знаю, какой цѣли могъ не достигнуть этотъ человѣкъ. Въдь отъ сомнѣній, конечно, онъ вполне свободенъ.

Бондезенъ. Простите, того, къ чему стремился Ервенъ, можете достигнуть вы.

Карено. О чемъ же вы собственно говорите?
Бондезенъ. О портфель министра культуры.
Карено. Тогда, быть можетъ, вы и правы. Вѣдь, Богъ его знаетъ, онъ не человѣкъ науки. (Останавливается у письменнаго стола). Что тутъ произошло?
Фр. Карено. Я немного убрала. Намъ, дѣйствительно, нужно нѣсколько болѣе порядка.
Карено. (Мгновеніе смотритъ на нее). Ахъ, знаешь, не слишкомъ ли много порядка, Элина. (Раскладываетъ бумаги по прежнему).
Фр. Карено. Что ты говоришь?
Бондезенъ. Ну, дорогой Карено, теперь мнѣ надо опять на засѣданіе. (Беретъ свою шляпу). Къ моему возвращенію вы вѣроятно уже рѣшитесь. До свиданія. До свиданія, фру. (Уходитъ).
Фр. Карено. Ты можешь такъ говорить при чужихъ. Никогда больше не притронусь къ твоимъ бумагамъ.
Карено. (Бросаетъ бумаги на столъ и начинаетъ ходить взадъ и впередъ). Двадцать лѣтъ. Нѣтъ, это просто безумно, безумно!
Фр. Карено. Могу я тебя попросить еще обо одномъ?
Карено. О чемъ?
Фр. Карено. Тебѣ неприятно, Иваръ, что Сара называетъ тебя отцомъ? (Карено молчитъ). Она говоритъ, что два раза спрашивала тебя объ этомъ, но ты ей ничего не отвѣтилъ.
Карено. (Останавливается). Я тебѣ этимъ сдѣлаю особенное одолженіе, Элина?
Фр. Карено. Ты это самъ можешь сообразить. Но вѣдь можетъ быть и по другому.
Карено. Нѣтъ, нѣтъ, въ такомъ блестящемъ домѣ, какой у насъ теперь, и при томъ новомъ обществѣ, которое будетъ у насъ блистать...
Фр. Карено. Не правда ли? Вѣдь все мѣняется теперь у

насъ въ домѣ. Меня только радуетъ, если ты это замѣчаешь.

Карено. На дѣлѣ такъ и есть.
Фр. Карено. Значитъ, дѣвочка получаетъ твое позволеніе. За это у тебя будетъ все, какъ ты хочешь, и никогда не будутъ у тебя ничего трогать. Мы хотимъ поставить тебѣ новую мебель. Затѣмъ, вѣдь тебѣ хотѣлось бы имѣть большую книжную полку, полную книгъ.
Карено. Конечно, вѣдь у той стѣны не достаетъ большой книжной полки. Мы тутъ стоимъ, такъ сказать, передъ дырой въ моемъ приданомъ.
Фр. Карено. Но дорогой, ты теперь можешь приобрести все, что хочешь. Ты теперь все-таки богатый человѣкъ, Иваръ. Это еще, кажется, не стало тебѣ яснымъ. (Звонятъ).
Карено. Но все таки, понемногу это становится мнѣ яснымъ.
Фр. Карено. (Поспѣшно открываетъ дверь направо и зоветъ). Александра! (Къ Карено). Ей нужно сказать, чтобы она впредь докладывала о всѣхъ, кто къ намъ приходитъ. Вѣдь ты согласенъ съ этимъ?
Карено. (Стоитъ и смотритъ на нее удивленно. Наконецъ). Да, конечно, конечно. (Ходитъ. Александра входитъ слѣва).
Фр. Карено. На будущее время, когда кто-нибудь приходитъ къ намъ, вы сначала спрашивайте, какъ доложить.
Александра. Я всегда должна сначала спрашивать, какъ доложить?
Фр. Карено. Да, да, всегда... Можете идти. (Александра смѣясь уходитъ въ заднюю дверь).
Карено. Правильно. Она должна исправлять нравы и черту даже. Хе-хе.
Фр. Карено. Да, насколько это вообще возможно... Между прочимъ, какъ она тутъ вела себя въ мое отсутствіе?

Карено. Александра?—Ну...

Фр. Карено. Я думаю, мы ей откажемъ.

Карено. (Остановливается). Отлично. Пусть будетъ такъ.
Вонъ ее. (Ходить).

Фр. Карено. Да, вѣдь ты согласенъ.

Карено. Тебѣ не нужно больше бывать у нея на кухнѣ.
Мы возьмемъ другую.

Фр. Карено. Почему ты такъ дрожишь?

Карено. Я? Отчего мнѣ дрожать? Развѣ я не самый счастливый человѣкъ? Развѣ я не могу съ истинной гордостью смотрѣть на закатъ моей жизни—жизни, которая продолжится, быть можетъ, еще много лѣтъ!

Фр. Карено. Ты такъ дрожишь.

Александра. (Въ задней двери). Позвольте доложить: кандидатъ Таре и еще какіе-то. (Смѣется).

Карено. (Тотчасъ). Впустите ихъ. (Александра уходитъ въ заднюю дверь).

Фр. Карено. Ты хочешь принимать этихъ людей? Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, въ послѣдній разъ.

Карено. Да, Элина, они приходятъ ко мнѣ въ послѣдній разъ.

Фр. Карено. Во всякомъ случаѣ я не могу быть при этомъ. (Карено внезапно снимаетъ съ себя халатъ). Но нѣтъ, какъ ты можешь раздѣваться въ моемъ присутствіи! (Быстро уходитъ направо). (Таре, Хейбро и другіе члены „Горы“ входятъ въ заднюю дверь. Всѣ глубоко кланяются).

Карено. (Бросаетъ халатъ). Вотъ тамъ лежитъ моя старость! (Беретъ со стола палку и со всей силы бросаетъ ее на полъ.) Вонъ тамъ мой костыль. (Одѣваетъ сюртукъ). И вотъ здѣсь стою я самъ.

Таре. Мы не помѣшаемъ?

Карено. (Стоитъ, дрожа отъ волненія, у письменнаго стола). Милости просимъ, господа! Взгляните на меня.

Передъ вами стоитъ человѣкъ, который снова нашель самого себя. Я готовъ сдѣлать все, о чемъ вы меня попросите.

Таре. Bravo!

Карено. Моя гордость не сломлена, и я опять въ цвѣтѣ силъ. Чего вы отъ меня требуете? Друзья мои, я горю желаніемъ сражаться. Нѣтъ, я еще не старикъ? (Шумъ среди людей).

Нѣкоторые. Конечно?

Карено. Подъ пепломъ во мнѣ еще тлѣетъ огонь. Меня сманиваютъ почестями и должностями—меня, меня! Господи, вино не лимонадъ! (Смѣется). Я стремился получить стипендію, и я ее не получу.

Нѣкоторые. О!

Карено. Подо мной развели огонь и жгли костеръ—растопить меня хотѣли. Долго ли горѣли дрова? Двадцать лѣтъ. Сверху вороны, и снизу псы вытягивали свои шеи въ дымъ и чихали и уходили прочь со слезящимися глазами. Господа, моя душа трещала по всѣмъ швамъ.

Хейбро. (52 лѣтъ, блѣдный и робкій, съ длинными, сѣдыми волосами и бородой). Но она не сдалась.

Другіе. Нѣтъ.

Карено. (Топаетъ объ полъ). Нѣтъ.

Всѣ. Bravo, bravo!

Карено. (Поощренный). Я сегодня такой же, какимъ былъ когда-то. Я опять стою у вратъ царства—и не вхожу. (Беретъ со стола рукопись въ золотой обложкѣ). Вотъ одна моя работа; мнѣ предлагали деньги за нее; она золотая внутри, какъ и снаружи. О чемъ въ ней идетъ рѣчь? О всѣхъ вещахъ въ мірѣ, о прекрасномъ кругломъ обликѣ земли, и о небѣ, гдѣ обитаетъ звѣздность. (Смѣется). За нее дали бы деньги, массу кредитокъ. Но я не отдаю ее въ печать! Но что же я съ

ней сдѣлаю? Сожгу. (Горячо скомкиваетъ рукопись бросаетъ ее къ печкѣ; сильно). Сожгу.

Всѣ. Bravo! Bravo!

Карено. Круглая земля! Я высоко цѣню землю, какъ твердую почву для моихъ каблуковъ. И звѣзды! Ахъ, звѣзды, эти крупные слѣды на небѣ, эти золотыя штучки, которыя Богъ наплеваль себѣ на потолокъ—господа, позвольте мнѣ не говорить больше о звѣздахъ. (Вытираетъ лобъ. Шумъ и смѣхъ). Вы ропщете? Я слышомъ много говорю?

Хейбро. Мы не потому шумимъ.

Карено. Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ самому кажется, что я сегодня слишкомъ много говорю. Мнѣ иногда нуженъ предо-стерегающій толчекъ въ спину... Говорите вы, Таре.

Таре. О чемъ мнѣ говорить?

Карено. О чемъ-нибудь бодромъ, молодомъ: что меня опять воспламенитъ, когда я потускнѣю.

Одинъ. Васъ не нужно воспламенять.

Таре. Нѣтъ, въ этомъ вы дѣйствительно не нуждаетесь. Была маленькая свободная стипендія, на которую вы рассчитывали для своего путешествія. Этимъ вы еще разъ давали случай нашей наукѣ постучаться у вашихъ дверей и застать васъ дома; наша наука не воспользовалась удобнымъ моментомъ. Такъ что жъ, учитель? (Сжимаетъ кулаки). Вы протянули открытую руку—вы отдергиваете назадъ сжатый кулакъ.

Карено. Bravo!

Хейбро. Скажите что-нибудь, Таре, изъ самого Карено.

Карено. Да, скажите. Что-нибудь изъ написаннаго мною въ молодости.

Таре. Если бы я только зналъ, что именно вы сейчасъ хотите.

Карено. Вѣдь правда, это было хорошо. Да, я знаю, это было свято и хорошо. Выберите сами, что хотите.

Таре. Мнѣ вспоминается одно мѣсто изъ вашего разсужденія по поводу четвертой заповѣди. „Чему должна быть отдана молодость?“—спрашиваете вы. „Тому, чтобы почитать старость. Почему? Это ученье—измышленіе самой старости, ставшей безсильной. Когда старость не можетъ больше выдержать жизненной борьбы—развѣ она уходитъ и прячется? Нѣтъ, она забирается на самые высокіе престолы и заставляетъ молодежь оказывать ей почетъ и уваженіе. И если молодые слушаются, старые сидятъ тамъ, наверху, на своихъ высотахъ, какъ большія костлявыя птицы, и отъ удовольствія трясутъ головами надъ послушной молодежью. Слушайте меня, вы, молодые. Подложите пороху подъ эту старость, очистите престолы и займите ихъ сами. Ибо ваша власть и честь навѣки.“

Карено. Я такъ писалъ?

Таре. „Какое преимущество имѣетъ старость передъ вами“, говорите вы. „Опытъ. Во всей его тусклой, нищей наготѣ: опытъ. На что вамъ этотъ опытъ, если вы все-таки должны еще разъ сами испытать все, съ чѣмъ столкнется каждый изъ васъ въ своей личной жизни? Ахъ, еще никогда мой опытъ не оказалъ тебѣ услугъ, о которыхъ ты тамъ говоришь. Пороху подъ старую ложь!“ (Карено вытираетъ лобъ). „Когда старикъ говорить, молодежь должна молчать. Почему? Потому что такъ велятъ старики. Такъ, безъ заботъ, тащить старость свою тяжелую жизнь на плечахъ молодости. Старыя сердца мертвы ко всему, кромѣ ненависти къ новому и молодому. И въ истощенныхъ мозгахъ еще есть достаточно силы для одной мысли, злой, выдаваемой за истину мысли: что молодежь должна чтить беззубыхъ людей. И въ то время, какъ молодежь мучится подъ игомъ этого циничнаго ученья, тормозящаго ея жизнь, побѣдители пріятно улыбаются, раду-

ясь своему несравненному измышлению, и считают жизнь превосходно устроенной.“

Карено. Я так писалъ?

Таре. Дальше: „Къ пятидесяти годамъ человѣкъ психически и физически старѣетъ. Онъ ужъ тяжело дышетъ, если ему пришлось завязать шнурки своихъ башмаковъ; онъ ужъ нуждается въ отдыхѣ, если накропаетъ книжку. Если у него есть имя, онъ долженъ всюду держать своихъ агентовъ, чтобъ распространять его дальше. У его помощниковъ должны быть еще помощники за границей, въ Германіи, Англии и Франціи; но особенно цѣненъ агентъ въ Германіи. И онъ продолжаетъ свое собственное образованіе, будто еще молодъ. Чтобъ не отстать отъ времени, онъ приравнивается къ искусству молодежи и тайно начитывается ихъ книгъ. И все это онъ дѣлаетъ вовсе не для того, чтобы радоваться душой новому, идя ему навстрѣчу; онъ дѣлаетъ это только для того, чтобы научиться и позаимствоваться—и чтобы былъ ему почетъ за это! Найдутъ-ли молодые себѣ новую дорогу,—старикъ ужъ шепчетъ самъ себѣ въ ухо: и ты пойдешь по этой дорогѣ. И если нѣмецкій агентъ—человѣкъ, понимающій свое дѣло, онъ тотчасъ тиснетъ въ распространенной газеткѣ, что это нашъ великій старикъ первый—самый первый—указалъ новую дорогу. И старикъ, проживъ свои полъ-вѣка, чувствуетъ себя въ высшей степени пріятно.“

Карено. (Прерываетъ). Нѣтъ, это было поспѣшно написано. Почему вы цитируете именно это? Что это означаетъ? Все это легкомысленныя утвержденія. Я съ тѣхъ поръ сталъ зрѣлымъ человѣкомъ. Неужели я дѣйствительно все это написалъ?

Таре. Да, но двадцать лѣтъ тому назадъ.

Карено. Какія глупости! Пятьдесятъ лѣтъ вовсе не старость. Вѣроятно, я написалъ: шестьдесятъ?

Таре. Вы написали: пятьдесятъ. А заключеніе гласитъ такъ. (Сжимаетъ кулаки). „Зачѣмъ же терпите вы ложь, вы, молодые? Почему не идете вы на улицу, чтобы, отыскавъ человѣка пятидесяти лѣтъ, сказать ему: съ дороги, старикъ! Мы моложе тебя! Твоя жизнь кончена. Дай мѣсто нашей. Умирай себѣ съ Богомъ!“

Нѣкоторые е. Bravo! Bravo!

Карено. Теперь они ревутъ. О, если бы они молчали!.. Нѣтъ, это было слишкомъ поспѣшно написано. (Вытираетъ себѣ лобъ). Коротко говоря: чего вы требуете отъ меня, господа? Вѣдь вы должны знать: мнѣ пятьдесятъ лѣтъ.

Таре. Да, эта цифра какъ разъ касается васъ; вамъ пятьдесятъ лѣтъ, а вы все еще молоды.

Карено. Конечно, я еще молодъ. Не правда ли, вы съ этимъ согласны? Но я сталъ зрѣлѣе, чѣмъ раньше.

Хейбро. Итакъ мы можемъ при выборахъ рассчитывать на васъ?

Таре. Постой. Это понятно. (Къ Карено). Было лучше, что вы раньше не имѣли той опытности, которую вы теперь имѣете; объ этомъ я не говорю. Но во всякомъ случаѣ вы будете намъ дороги тѣмъ, что было въ васъ раньше. Вы не звучали въ униссонъ съ хоромъ дураковъ. Вы прославились, какъ диссонансъ, въ нашей странѣ.

Карено. Да, это было. Въ Персіи есть такая сказка: Я спрашиваю моего осла: мой ловкій Берберіецъ, ты отвезешь меня въ городъ? И оселъ встаетъ на дыбы, крича: іа. Двадцать лѣтъ спустя, я спрашиваю моего осла: послушай, мой оселъ, моя почернѣвшая дыня, ты отвезешь меня въ городъ? И оселъ падаетъ, хрипя: іа.

Хейбро. Что это значитъ?

Карено. Это значит, милѣйшій Хейбро, что человѣчская воля не свободна.

Хейбро. Вотъ что.

Карено. (Робко). Развѣ я не такъ говорилъ раньше, когда былъ молодъ?

Таре. Вы учили: „Жизнь есть свободный даръ тварямъ, изъ-за котораго они становятся несвободными“.

Карено. (Облегченно). Конечно, именно такъ: становятся несвободными. Благодарю васъ, Таре. Нѣтъ никакого противорѣчя между моимъ теперешнимъ и тогдашнимъ образомъ мыслей.

Хейбро. Это надо такъ понимать, что, чего добраго, ваша воля въ день выборовъ можетъ оказаться несвободной?

Таре. (Спрашивая). Нѣтъ, вѣдь тогда мы все таки васъ невѣрно поняли?

Карено. Все вы съ вашими выборами, Хейбро. (Горячо). Посмотрите на мои сѣдые волосы, господа. Мнѣ пятьдесятъ лѣтъ. Вы опять хотите гнать меня со двора?

Таре. Что вы, вовсе нѣтъ!

Карено. Если бы я сдѣлалъ по своей волѣ, вамъ больше бы не встрѣчаться со мной здѣсь. И не лишиться родины я боюсь, я и раньше былъ лишенъ ея. Но уйди я отсюда, половина моей души останется здѣсь.

Хейбро. Кажется, мы получили ясный отвѣтъ, ребята. (Идетъ къ задней двери).

Карено. Вы не читали сегодня замѣтки въ газетѣ Бон-дезена?

Нѣкоторые. Нѣтъ.

Таре. Мы не читаемъ этой газеты.

Карено. Но чего вы собственно хотите отъ меня, друзья?

Таре. Вы были такъ ясны и тверды, когда мы къ вамъ пришли.

Карено. (Про себя). Это былъ припадокъ.

Хейбро. Вы своимъ двусмысленнымъ поведеніемъ въ дѣ-

лахъ выборовъ внесли неувѣренность въ нашъ клубъ. Уходите, этимъ вы подрываете клубъ.

Карено. Вы это пришли мнѣ сказать?

Хейбро. У насъ къ вамъ есть простой вопросъ, который все рѣшаетъ: или вы соглашаетесь съ нами, или вы уходите изъ «Горы».

Карено. И у васъ, Таре?

Таре. (Сжимаетъ кулаки; печально). И у меня этотъ вопросъ къ вамъ.

Карено. Посмотрите на мои сѣдые волосы, господа.

Хейбро. Я могъ бы сътакимъ же правомъ сказать: посмотрите на меня, Иваръ Карено. Я старше васъ. (Пауза).

Карено. Я соглашаюсь съ вами. (Садится въ изнуреніи).

Таре. (Аплодируетъ къ другимъ). Вѣдь я вамъ говорилъ.

Хейбро. Я предполагаю, что слова только слова.

Карено. И я предполагаю,—что теперь меня оставить въ покоѣ.

Таре. (Подходитъ къ Карено и схватываетъ его руки). Благодарю васъ, учитель. Отъ всѣхъ насъ благодарю. Мы хотѣли собственно еще спѣть здѣсь нашу боевую пѣсню; но теперь мы можемъ спѣть ее въ саду—если вы ничего не имѣете противъ.

Хейбро. Дверь можетъ остаться открытой, чтобъ вы слышали, не правда ли? (Карено дѣлаетъ Хейбро утвердительный знакъ).

Таре. Итакъ, еще разъ благодаримъ васъ. Счастливо оставаться. (Всѣ кланяются; уходятъ въ заднюю дверь и оставляютъ ее открытой. Пауза).

Сара. (Слѣва съ подносомъ, на которомъ чай и печенье). Пожалуйста. (Ставитъ подносъ).

Карено. (Быстро вставая). Для кого это? Для меня? Нѣтъ, я уйду, Сара. Я уйду, сейчасъ же уйду.

Сара. Конечно, для тебя. Это чай.

Карено. На что мнѣ чай? Это, должно быть, ошибка. У

меня нѣтъ теперь времени пить чай. (Начинаетъ собирать бумаги на письменномъ столѣ.) Ты говоришь, чай для меня?

Сара. Да, мама думала, что тебѣ хорошо бы теперь подкрѣпиться.

Карено. (Про себя). Подкрѣпиться на дорогу, да. (Бросаетъ бумаги). Мама такъ сказала?

Сара. Да.

Карено. (Близко подходитъ къ ней). Ты знаешь, почему мама такъ сказала? (Слышенъ квартетъ мужскихъ голосовъ).

Сара. Тамъ поютъ.

Карено. Ахъ нѣтъ, откуда ты можешь знать.

(Слышна слѣдующая пѣснь):

Не довѣрялся онъ блестящимъ заламъ, нѣтъ;
Хоть могъ бы божествомъ въ нихъ величаться.
Парилъ онъ утромъ, какъ орелъ подъ синій свѣтъ;
Кричали вверхъ: ему-ль на стражѣ оставаться.

Была пустыня надъ его главою,
А на востокъ новыхъ дней сіяль разсвѣтъ.

Стоялъ онъ наверху, указывая путь
Народу къ идеаламъ, къ вѣчнымъ розамъ.
И звали внизъ, къ землѣ. Молчалъ. Не всколыхнуть
Его души ни просьбамъ, ни угрозамъ.

И все же старость мудрую главу
Дѣянья юности неволить помянуть.

И вотъ онъ въ залахъ тѣхъ, что гордо проклиналъ.
Свинецъ звенящій надъ его ногою.
Безумецъ чуждъ теперь своимъ видѣньямъ сталъ,
Гниетъ, какъ дерево съ сухой листвою,

И все же старый вѣруеть глупецъ,
Что выше онъ теперь, чѣмъ нѣкогда бывалъ.

(Во время пѣнія Карено топаетъ нѣсколько разъ объ полъ, потомъ бросается въ кресло. Потомъ встаетъ и указываетъ на рукопись въ золотой обложкѣ, которая лежитъ около печки. Когда Сара ее приноситъ, онъ беретъ и разглаживаетъ ее заботливо, потомъ кладетъ съ другими бумагами на письменный столъ. Послѣ этого указываетъ на палку, лежащую на полу. Сара поднимаетъ и ее).

Фр. Карено. (Въ открытую заднюю дверь). У насъ опять тутъ пѣніе.

Карено. (Горячо). Закрой двери, если хочешь.

Фр. Карено. Да, милый Иваръ, я закрою. (Выходитъ и закрываетъ за собой двери. Пѣнія больше не слышно).

Карено. Ты не бойся, Сара, это не къ тебѣ относилось.

Сара. Чай уже остылъ.

Карено. Оставь; остылъ, и отлично. Я вотъ долженъ собственно итти теперь своей дорогой; но я бы охотнѣй остался здѣсь. (Звонять).

Сара. Позвонилъ кто-то.

Карено. Тутъ, видишь ли, были одни господа, которые сказали, что я долженъ итти съ ними, такъ вотъ я теперь и не знаю, что я собственно долженъ дѣлать.

Сара. Спросить у мамы?

Карено. Нѣтъ, нѣтъ; какъ ты сама думаешь? Я долженъ все-таки уйти. (Встаетъ и собираетъ бумаги. Внезапно подходитъ къ Сарѣ и обнимаетъ ее). Ты хочешь спросить у мамы? Благодарю тебя, мой дружокъ. (Бондезенъ входитъ въ заднюю дверь. Карено отстраняетъ отъ себя Сару).

Бондезенъ. (Въ то время какъ ему протягиваетъ руку Карено). Здравствуйте. Ваша дѣвушка теряетъ стыдъ съ каждымъ днемъ. Она, видите ли, должна доложить обо мнѣ прежде, чѣмъ впустить.

Карено. (Сарѣ строго). Ну—иди къ мамѣ. Сара уходитъ направо).

Бондезенъ. Чей это ребенокъ, Карено?
Карено. Мой. Вы не замѣтили, какъ она похожа на свою мать.
Бондезенъ. Гм. Да. Конечно. (Садится). Между прочимъ, вы знаете, что весь дворъ полонъ пѣвцами?
Карено. Они пришли исполнить мнѣ серенаду.
Бондезенъ. Я думалъ, вашей служанкѣ. Вотъ о чемъ я хочу васъ просить. Вы разрѣшите прислать къ вамъ художника?
Карено. Зачѣмъ?
Бондезенъ. Чтобы въ нашей газетѣ тотчасъ же можно было дать вашъ портретъ. Публика любитъ знать своихъ избранниковъ.
Карено. Я не вѣрю, чтобы вашей публикѣ былъ нуженъ мой портретъ. Для этого я стою съ ними на недостаточно короткой ногѣ.
Бондезенъ. Каждому интересно видѣть вашъ портретъ, Карено. На какой бы ногѣ вы съ нимъ ни стояли.
Карено. Прекратимъ мученья, Бондезенъ: вы видите, я намѣреваюсь упаковать бумаги.
Бондезенъ. Вы уѣзжаете?
Карено. Да. Я долженъ уѣхать изъ дому. Вонъ стоитъ чай для меня—последнее подкрѣпленіе, такъ сказать.
Бондезенъ. Что здѣсь собственно произошло?
Карено. Я объявилъ о своей солидарности съ „Горою“. (Фру Карено слѣва).
Бондезенъ. (Встаетъ). Добрый день, еще разъ, фру. На этотъ разъ не задержу васъ долго.
Фр. Карено. Садитесь, пожалуйста.
Бондезенъ. Я долженъ уходить. Вашъ мужъ непреклоненъ.
Карено. Зачѣмъ ты велѣла принести мнѣ этотъ чай, Элина? Ты думаешь, что я едва на ногахъ держусь, что ты должна поддерживать меня?

Фр. Карено. Господи, я просто думала, что ты съ удовольствіемъ выпьешь чашку чаю, когда эти палачи уйдутъ.
Карено. Развѣ ты не слышала моего отвѣта? Я имъ сказалъ, что согласенъ итти вмѣстѣ съ ними.
Фр. Карено. Развѣ я могла слышать? Я была на кухнѣ.
Карено. Да, тогда прости, пожалуйста. Мнѣ непостижимо, какъ можетъ человекъ такъ мѣняться. Я все-таки не былъ раньше такимъ недовѣрчивымъ.
Фр. Карено. Я увѣрена, что ты научился этому у своихъ товарищей по союзу.
Карено. Какъ знать, можетъ быть.
Бондезенъ. Какого черта вы еще возитесь съ ними. Напишите, наконецъ, заявленіе о своемъ выходѣ, и я возьму его съ собой.
Фр. Карено. Сара сказала, что ты упаковалъ свои бумаги. Зачѣмъ?
Карено. Я общалъ это Таре.
Бондезенъ. (Протягиваетъ руку). Заявленіе о выходѣ.
Карено. Нѣтъ, я хочу еще подумать. Вѣдь мы не такъ скоро стрѣляемъ.
Фр. Карено. Я дѣйствительно хотѣла бы знать, чего ты еще умствуешь.
Карено. Чего я умствую? Оттого что могъ бы еще оставаться честнымъ человекомъ.
Фр. Карено. (Другимъ тономъ). Для тебя принесли новую мебель. Можно ее поставить сюда?
Карено. Да; пожалуй, я сегодня все-таки не уѣду. (Идетъ къ письменному столу и опять распаковываетъ свои бумаги).
Бондезенъ. Я уполномоченъ Центральнымъ Комитетомъ заявить вамъ, что вы имѣете еще время до шести часовъ. Но тогда мы должны уже знать ваше рѣшеніе.
Карено. До шести часовъ?

Бондезенъ. Да. И послѣ этого будетъ поздно.

Карено. Хорошо. Я вамъ сообщу свое рѣшеніе до шести часовъ.

Бондезенъ. Благодарю. До свиданья, пока. До свиданья, фру. (Уходитъ въ заднюю дверь).

Карено. Заявленіе о выходѣ, сказалъ онъ, и протянулъ руку. Невѣроятно, какъ легко нѣкоторые люди смотрятъ на вещи.

Фр. Карено. Не всѣмъ, какъ видишь, имѣть твою твердость.

Карено. (Смотритъ на нее). Ты понимаешь меня, Элина. Я опираюсь больше на тебя, чѣмъ на другихъ. Ты вотъ мнѣ прислала чаю.

Фр. Карено. Но ты его не выпилъ.

Карено. Но я его выпью, чтобы ты видѣла мою тебѣ благодарность. (Идетъ къ подносу съ чаемъ).

Фр. Карено. А я тѣмъ временемъ велю внести мебель.

(Уходитъ въ заднюю дверь. Занавѣсъ.).

ТРЕТІЙ АКТЪ.

(Та же комната. Много новой мебели, обитой краснымъ. Столъ, покрытый скатертью, стулья, диванъ, папки для газеты, корзина для бумаги. На стѣнѣ картины въ золотыхъ рамахъ. У печки курительный столикъ, на немъ ящикъ съ сигарами, въ концѣ письменнаго стола высокія, многоярусныя полки для книгъ, увѣнчанныя часами).

Карено. (Кладетъ книги и бумаги на полки около стола).

Ты была права. Мнѣ нужны эти полки.

Фр. Карено. Ты видишь самъ.

Карено. Но я собственно не долженъ былъ бы ими пользоваться. Вотъ я стою тутъ и разставляю на разные лады—вмѣсто того, чтобы взять свои бумаги подъ мышку и бѣжать отъ всего этого подальше.

Фр. Карено. Я должна тебѣ сказать, что если ты хочешь переодѣться, то ты долженъ сдѣлать это сейчасъ. Вѣдь профессоръ Ервень можетъ каждую минуту быть здѣсь. (Звонять). Вотъ уже онъ. (Быстро пудрится).

Карено. Тогда я приму его такъ, какъ есть. (Нѣсколько отходить и смотреть на полки). Такъ, я думаю, хорошо будетъ. Это положу здѣсь, а это вонъ туда. Такъ.

Фр. Ховиндъ. (Входитъ въ заднюю дверь, одѣтая въ свѣтлое). Онъ уже тугъ?

Фр. Карено. (Равнодушно). Кто онъ?

Фр. Ховиндъ. Ну, профессоръ Ервень.

Фр. Карено. Нѣтъ. Мы, по крайней мѣрѣ, его еще не видѣли... Послушай, Иваръ, хорошо, если бы ты сдѣлалъ то, о чемъ мы говорили.

Фр. Ховиндъ. Что такое долженъ сдѣлать Карено?

Карено. Переодѣться. Я уже иду. (Возится еще съ бумагами).

Фр. Карено. Царь небесный, какъ ты изящна, Наталія! Ты не хочешь снять? А то пожалуйста. (Фрѣкенъ Ховиндъ выходитъ).

Карено. И если онъ придетъ, пока я буду тамъ, можетъ подождать.

Фр. Карено. Да, заставь его немного подождать. Это ничего. Вѣдь не король же онъ. (Фрѣкенъ Ховиндъ входитъ справа).

Карено. (Оглядывается комнату). Теперь я живу дѣйствительно уютно. (Уходитъ направо).

Фр. Ховиндъ. Мнѣ нравится, что Карено пошелъ привести себя въ порядокъ.

Фр. Карено. Что? Онъ долженъ быть сегодня у Бондзена, въ Центральномъ Комитетѣ и произнести рѣчь передъ всѣми избирателями. (Пауза). Ты смотришь такъ разочарованно?

Фр. Ховиндъ. Я слышала одинъ разъ, какъ профессоръ Ервенъ произносилъ рѣчь со своего балкона.

Фр. Карено. Это что? Ты не слышала, милая, какъ говорить Иваръ... Однако, мнѣ надо опять въ тѣ комнаты.

Фр. Ховиндъ. Я буду принимать его одна?

Фр. Карено. Профессора Ервена? Меня, милая моя, не интересуешь онъ ни капли. (Звонять). Вотъ онъ. (Пудрится).

Фр. Ховиндъ. Да, это онъ. Дай мнѣ пуховку. (Беретъ пуховку и пудрится). Итакъ, я передъ нимъ присяду. (Отдаетъ назадъ пуховку). Онъ тебя не интересуешь?

Нѣтъ, конечно, нѣтъ. Но я, видишь ли, я все-таки была съ нимъ помолвлена.

Александра. (Въ задней двери). Позвольте доложить: профессоръ Ервенъ.

Фр. Карено. Мы дома. (Александра уходитъ).

Фр. Ховиндъ. Почему она заставляетъ его ждать?

Фр. Карено. Я велѣла докладывать о каждомъ, кто къ намъ приходитъ. Однако, я думаю, ты охотнѣй походишь съ нимъ одна; поэтому я уйду.

Фр. Ховиндъ. (Бурно обнимаетъ ее). Господь тебя благослови, Элина. Благодарю тебя за твою чуткость. Ну, иди. Я буду вмѣсто тебя.

Фр. Карено. (У двери направо). Вѣдь ты видишь, онъ меня нисколько не интересуешь теперь. (Объ смотрять пристально на заднюю дверь. Пауза).

(Профессоръ Ервенъ. Видно, какъ Александра сзади его со смѣющимся лицомъ закрываетъ дверь).

(Фру Карено быстро уходитъ направо).

Ервенъ. (44 лѣтъ, неуклюжій и спокойный, въ очкахъ, кланяется). Добрый день.

Фр. Ховиндъ. (Присѣдаетъ). Добрый день, господинъ профессоръ.

Ервенъ. Имѣю честь видѣть фру Карено... нѣтъ...

Фр. Ховиндъ. Фру Карено сейчасъ придетъ. Господинъ профессоръ будутъ любезны пока сѣсть.

Ервенъ. Вы, повидимому, фрѣкенъ Ховиндъ. (Протягиваетъ ей руку).

Фр. Ховиндъ. (Пересиливая себя). Вы узнаете меня! Двадцать лѣтъ, какъ...

Ервенъ. (Садится и кладетъ шляпу съ палкой). Такъ, такъ, вы развѣ здѣсь? Вы все также дружите съ фру Карено?

Фр. Ховиндъ. Да, хотя она много старше меня, значительно старше, но...

Ервенъ. Въ концѣ концовъ вы поселились въ этомъ домѣ?

Фр. Ховиндъ. Нѣтъ; я только бываю здѣсь иногда. Карено какъ разъ накупили такую массу восхитительныхъ вещей; они теперь богатые люди.

Ервенъ. Вотъ какъ? Разбогатѣли?

Фр. Ховиндъ. Да, они получили ужасно большое наследство. И я должна была помогать имъ во всѣхъ покупкахъ. Вѣдь у бѣдной фру Карено не особенно много вкуса.

Ервенъ. Ага, вотъ какъ. Но гдѣ Карено?

Фр. Ховиндъ. Онъ сейчасъ придетъ... Нѣтъ, подумать только, двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я разговаривала послѣдній разъ съ господиномъ профессоромъ.

Ервенъ. Неужели вправду двадцать лѣтъ? Я знаю хорошо, что этому много времени, но...

Фр. Ховиндъ. Больше двадцати лѣтъ. Но я такъ часто видѣла господина профессора. Мы всѣ знаемъ, когда можно встрѣтить васъ на улицѣ.

Ервенъ. (Смѣется). Ахъ, я теперь совсѣмъ на короткое время въ этомъ городѣ.

Фр. Ховиндъ. У васъ, какъ я вижу, все тѣ же голубые глаза, какъ и тогда. Я вспоминаю, какъ вы мнѣ однажды подрисовали брови.

Ервенъ. (Смѣется). Я это сдѣлала? Какъ это было дурно съ моей стороны.

Фр. Ховиндъ. Ахъ, наоборотъ; это было страшно весело. И тогда вы назвали меня Натал-і-я.

Ервенъ. Да, я вспоминаю.

Фр. Ховиндъ. Ахъ, это было тогда. И потомъ произошло недоразумѣніе.

Ервенъ. Недоразумѣніе?

Фр. Ховиндъ. Ничего другого съ моей стороны не было.

Я тогда не поняла васъ. И возвратила вамъ кольцо.

Ервенъ. (Смѣется). Ну это, вѣроятно, случилось къ лучшему для васъ.

Фр. Ховиндъ. Не говорите такъ. Это знаетъ одинъ Богъ.

Ервенъ. Карено все-таки дома?

Фр. Ховиндъ. Да. Онъ сейчасъ придетъ. Я должна вамъ сказать, онъ въ своей комнатѣ и приводитъ себя въ порядокъ, чтобы оказать вамъ честь.

Ервенъ. (Оглядывается). Онъ вправду живетъ роскошно мой старый другъ.

Фр. Ховиндъ. Нѣтъ, какъ я помню эту вашу гордую манеру поворачивать голову, когда вы оглядываетесь!

Ервенъ. Значитъ, дѣйствительно родители фру Карено оставили ей такъ много денегъ?

Фр. Ховиндъ. Массу денегъ. Хотя я не знаю, къ чему излишекъ. Было бы сердце удовлетворено, и тогда... У господина профессора еще нѣтъ кольца на пальцѣ.

Ервенъ. (Смѣясь). Нѣтъ. Я вѣдь, какъ вы знаете, старый холостякъ.

Фр. Ховиндъ. (Подходитъ къ нему и схватываетъ его руку). Могу я васъ поблагодарить?

Ервенъ. За что вамъ благодарить меня, фрѣкенъ Ховиндъ?

Фр. Ховиндъ. За то, что вы здѣсь; за то, что вы пришли. Нѣтъ, не смѣйтесь надъ этимъ. Вы не повѣрите, какъ это меня радуетъ. (Продолжаетъ стоять передъ нимъ).

Ервенъ. Да, да. (Встаетъ и идетъ къ стѣнѣ; разсматриваетъ на ней картины). Здѣсь также и искусство.

Фр. Ховиндъ. (Идетъ за нимъ). Не смотрите больше. И это все виноватъ мой вкусъ.

Ервенъ. Отлично, очень хорошо. (Опять садится, смотреть на часы).

Фр. Ховиндъ. У васъ все еще ваши старые часы. (Хочетъ убѣдиться).

Ервенъ. (Пряча часы въ карманъ). Старые часы, да. Однако, мой любезный другъ Карено, кажется, заставляетъ себя ждать.

Фр. Ховиндъ. Господинъ профессоръ, я хотѣла бы предложить вамъ одинъ вопросъ, но не знаю, могу ли я.

Ервенъ. Пожалуйста.

Фр. Ховиндъ. Я вспоминаю, что вамъ иногда бывало такъ холодно, особенно зимой. Господинъ профессоръ носили что-нибудь шерстяное?

Ервенъ. Что?

Фр. Ховиндъ. Я думаю о томъ, носили вы шерсть на тѣлѣ, или нѣтъ.

Ервенъ. (Понявъ). Ахъ, это. Да, я носилъ внизу шерстяное.

Фр. Ховиндъ. Я перешла на шелкъ, свѣтло-голубой шелкъ. Это гораздо лучше.

Ервенъ. Да, да.

Фр. Ховиндъ. Я такъ часто думала о томъ, что вы отлично бы могли его носить. Я очень вамъ рекомендую испытать хоть разъ шелкъ.

Ервенъ. Я попробую.

Фр. Ховиндъ. Благодарю васъ за это. Вѣдь знаете, если есть что-либо цѣнное на свѣтѣ, такъ это ваше здоровье, господинъ профессоръ.

Ервенъ. (Встаетъ). Можетъ быть, вы будете любезны спросить Карено, могу ли я поговорить съ нимъ одну минуту?

Фр. Ховиндъ. Конечно. Это стыдно ему. (Карено справа въ черномъ. Ервенъ кланяется). Вотъ Карено. (Протягиваетъ руку Ервену). Будьте здоровы. Хотѣла бы не дожидаться опять двадцать лѣтъ слѣдующаго свиданія. (Уходитъ направо).

Ервенъ. (Протягиваетъ руку Карено). Добрый день.

Карено. (Беретъ его руку). Добрый день. (Показываетъ на стулъ, садится самъ къ письменному столу).

Ервенъ. (Садится). Порядочно времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ я послѣдній разъ говорилъ съ тобой.

Карено. Да, устно. Это такъ.

Ервенъ. (Смѣется). Конечно, устно. Ты правъ. Вѣдь путемъ печати кое-когда я говорилъ—почти съ самимъ тобой... Ахъ, не всегда это было съ дурнымъ намѣреніемъ. (Карено не отвѣчаетъ). Я удивляюсь между прочимъ твоей комнатѣ, Карено. Рѣдко приходилось мнѣ встрѣчать такое соединеніе комфорта, вкуса и удобства.

Карено. Да, это даетъ возможность хорошо работать здѣсь.

Ервенъ. Да, да, вѣдь намъ обоимъ этого нѣсколько не доставало въ жизни. Странная вещь, что я все обрацаюсь мыслями назадъ, а? Было время, когда ни одинъ изъ насъ не представлялъ собою ничего особеннаго, и мы не имѣли возможности жить такъ.

Карено. (Смотритъ на часы). Ты писалъ, что хочешь переговорить со мной.

Ервенъ. Да. Ты спѣшишь?

Карено. Не особенно, но все-таки. До шести часовъ я долженъ кончить одно важное дѣло.

Ервенъ. Я не задержу тебя долго. Я собственно, долженъ быть тамъ, на предвыборномъ собраніи, но я отлучился на минуту. Гм. Чтобы подойти къ дѣлу: ты уже читалъ, что пишетъ сегодня Бондезенъ?

Карено. Я читалъ его газету, да.

Ервенъ. Естественно, что читалъ также и замѣтку обо мнѣ. Тамъ въ смутныхъ выраженіяхъ говорится о слухахъ, которые ходятъ на мой счетъ.

Карено. Не нужно обращать на это вниманія.

Ервенъ. И одновременно съ этимъ, однимъ залпомъ, газета сообщаетъ, что ты въ ожиданіи благоприятнаго исхода выборовъ намѣренъ выйти изъ своего союза.

Карено. На это тебѣ скорѣе можетъ отвѣтить Бондезенъ, чѣмъ я.

Ервенъ. Я, конечно, не говорю больше съ Бондезенемъ. Поэтому я и предпочелъ притти къ честному человѣку и товарищу. Ты и я стоимъ нѣкоторымъ образомъ другъ противъ друга. Наши имена были упомянуты вмѣстѣ въ такой связи, что тутъ несомнѣнно что-то кроется.

Карено. Я думалъ одно время выйти изъ „Горы“. Вотъ и вся связь.

Ервенъ. Но теперь ты раздумалъ выходить?

Карено. Нѣтъ, не совсѣмъ еще. Я обсуждаю это.

Ервенъ. По нѣкоторымъ отрывочнымъ указаніямъ, которыя со всѣхъ сторонъ идутъ мнѣ въ уши, рѣчь идетъ о томъ, чтобы ты выставилъ свою кандидатуру вмѣсто моей. Это такъ?

Карено. Я не могу тебѣ на это отвѣтить такъ определенно, какъ ты спрашиваешь.

Ервенъ. (Съ ненавистью). Но значить, это не безсмыслица, не очевидная только безсмыслица?

Карено. Нѣтъ, не совсѣмъ.

Ервенъ. (Киваетъ головой). Ага. Хорошо еще, что я почувствовалъ перемену погоды на собраніи.

Карено. Но о слухахъ, касающихся тебя, я, конечно, ничего не знаю.

Ервенъ. Но я знаю. И вотъ что самое нелѣпое во всемъ этомъ: я уже отправилъ отвѣтъ въ другія газеты, но онъ появится только завтра. А все рѣшается сегодня. Наше засѣданіе закроется черезъ часъ, и кандидатъ уже будетъ названъ.

Карено. Да. Но чего же ты собственно хочешь отъ меня?

Ервенъ. Я хотѣлъ бы получить отъ тебя заявленіе такого содержанія, что ты не позволяешь выставлять свою кандидатуру... Ты смѣешься?

Карено. Ты вправду хотѣлъ бы получить такое заявленіе Ервенъ?

Ервенъ. Конечно. И если я прочту его на собраніи, то ни ты, ни я не останемся въ этомъ дѣлѣ.

Карено. А тебѣ совсѣмъ не приходитъ въ голову, что я могу отказаться дать подобное заявленіе?

Ервенъ. Врядъ ли. Мнѣ всегда казалось, что ты не захотѣлъ бы дѣлать себя смѣшнымъ.

Карено. Если ты уже догадался, что въ этомъ тонѣ дѣло не пойдетъ на ладъ, то попытайся въ другомъ.

Ервенъ. Извини меня, если я говорилъ слишкомъ откровенно; но все-таки ты не политикъ, Иваръ Карено.

Карено. Извини меня и ты, что я скажу тебѣ откровенно; позволь напомнить тебѣ, что одинъ разъ я уже долженъ былъ показать тебѣ на дверь, Карстенъ Ервенъ. (Встаетъ и начинаетъ ходить).

Ервенъ. Но сегодня я уйду безъ этого. (Встаетъ). Позволь впрочемъ указать тебѣ на истинное положеніе вещей. Бондезенъ не располагаетъ всей нашей партіей. Я также имѣю сторонниковъ.

Карено. Я не завидую тебѣ въ этомъ.

Ервенъ. Можетъ быть. Но вопросъ въ томъ, не напрасно ли ты выступаешь въ этихъ выборахъ.

Карено. Это обнаружится подъ давленіемъ обстоятельствъ.

Ервенъ. Понятно. Но подъ давленіемъ обстоятельствъ не окажешься ли ты у позорнаго столба, побѣжденнымъ и неслышаннымъ. Вѣдь ты можешь это сообразить, я не дамъ тебѣ побѣды безъ борьбы.

Карено. Я знаю даже больше, что ты, не допустивъ моей побѣды надъ тобой, станешь мстить—по своему обыкновенію.

Ервенъ. Что касается этого, то ты самъ въ своихъ сочиненіяхъ защищаль право мести, опредѣляя его, какъ нравственную силу побѣжденнаго.

Карено. Мнѣ не доставляетъ никакого удовольствія вести съ тобой диспуты по поводу моихъ юношескихъ произведеній. Мое мiровоззрѣнiе не совсѣмъ теперь такое, какъ тогда.

Ервенъ. Ого, могу только искренне поздравить тебя съ этимъ. Ты все-таки въ концѣ концовъ пришелъ къ этому, Карено. Ибо въ чемъ же собственно разница между моимъ отступничествомъ во дни молодости и теперешнимъ твоимъ? Въ нѣсколькихъ годахъ. Вопросъ только времени. Но ты тогда не находилъ достаточно сильныхъ словъ для моего осужденія.

Карено. Разница въ томъ, что ты совершилъ отступничество въ цвѣтѣ силъ и безъ всякаго сопротивленія, а у меня волосы посѣдѣли въ борьбѣ, которая длилась двадцать лѣтъ.

Ервенъ. Тоже вопросъ только большей или меньшей быстроты ума.

Карено. Скажемъ просто, вопросъ ума.

Ервенъ. Или такъ; все-таки разговаривать мы не хотимъ. Я нахожу не особенно тактичнымъ такъ принимать друга молодости.

Карено. (Смотритъ въ упоръ на него). Я удивляюсь твоей наглости.

Ервенъ. Ахъ, у тебя всегда на языкѣ всѣ эти сильныя слова! Впрочемъ я знаю, что у тебя нѣтъ особенныхъ основаній быть мнѣ благодарнымъ.

Карено. Ну положимъ. Напримѣръ, за стипендiю; это твое послѣднее благодаренiе.

Ервенъ. Я не раздаю никакихъ стипендiй. Я могъ только честно и справедливо подать голосъ противъ.

Карено. На какомъ основанiи?

Ервенъ. Господи Боже мой; да зачѣмъ тебѣ стипендiя, скажи ты мнѣ, пожалуйста. (Бросаетъ взглядъ на комнату). Это не похоже на то, чтобы ты дѣйстви-

тельно нуждался. Если мы тебѣ отказали, то только потому, что намъ было извѣстно, что ты богатый человѣкъ.

Карено. Ты лжешь на свою же собственную голову. Въ то время ты еще не могъ знать объ этомъ.

Ервенъ. Въ такомъ тонѣ я не могу разговаривать. (Беретъ шляпу и палку). Въ остальномъ я вполне согласенъ съ тѣмъ, что ты долженъ быть признанъ и оцененъ. Только это должно было произойти другимъ образомъ.

Карено. Когда на тебя сошло это просвѣтленiе?

Ервенъ. Когда ты сталъ его заслуживать. Когда ты пересталъ оскорблять то, что свято намъ обоимъ.

Александра. (Входитъ слѣва, смотря на Ервена). Тамъ пришелъ художникъ.

Карено. Просите сюда. (Александра не спѣша уходитъ налѣво).

Ервенъ. Хорошо. Я уйду. Гм. Только одно еще: ты не думаешь о томъ, что будетъ съ твоимъ союзомъ, если ты выйдешь изъ него?

Карено. (Останавливается, въ бѣшенствѣ). Какое тебѣ до этого дѣло?

Ервенъ. Какъ честный человѣкъ, ты долженъ давать своимъ противникамъ извѣстный отчетъ. Ты сказалъ, что это меня не касается. Но нѣчто другое касается меня въ высшей степени, а именно, судьба моей партiи. И теперь я апеллирую къ твоему честному здравому смыслу. Ты вторгаешься въ выборы и раздѣляешь голоса, вѣдь отъ этого мы проигрываемъ. Что ты скажешь на это?

Карено. Да—на эту тему мы можемъ высказаться. (Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, смотреть на часы). Въ остальномъ удивляюсь тебѣ.

Ервенъ. Я стою здѣсь и переносу твое поведенiе для

пользы своего дѣла. Все для своего дѣла. Неужели бы твое сердце не закричало, если бы пришелъ кто-нибудь и разрушалъ твою партію?

Карено. (Указываетъ на заднюю дверь). Развѣ твое сердце не говоритъ тебѣ теперь, что ты можешь уйти.

Ервенъ. (Съ чувствомъ и достоинствомъ). Во второй разъ! Какъ легко ты причиняешь страданія друзьямъ. Ты заклеилъ меня въ ранней молодости клеймомъ предательства. Ты оторвалъ отъ меня мою невѣсту и заставилъ меня влечить въ одиночествѣ остатокъ дней своихъ. Что это тебѣ стоило? Я никогда не жаловался, и не слышалъ, чтобъ она жаловалась; но перенесли мы оба это тяжело. Вотъ я пришелъ къ тебѣ сюда черезъ двадцать лѣтъ. Ты обнаружилъ чуткость къ страданіямъ другихъ? Я не замѣтилъ этого. Я прошу тебя, ради тебя самого, не покидать своего союза во время выборовъ; я прошу тебя именемъ своей партіи не вносить въ нее расколъ—ты въ отвѣтъ на это показываешь мнѣ дверь. (Віумъ, 26 лѣтъ, бѣдно одѣтый, входитъ въ заднюю дверь; кланяется. Карено смотритъ на Ервена въ упоръ большими глазами. Идетъ къ лѣвой двери и звонитъ).

Карено. (Вопросительно къ Віуму). Здравствуйте?

Віумъ. Редакторъ Бондezenъ прислалъ меня сдѣлать вашъ портретъ.

Карено. Хорошо. Садитесь пожалуйста. (Віумъ садится).

Ервенъ. Однако! На старости лѣтъ, на закатѣ дней своихъ, ты рука объ руку съ редакторомъ Бондezenомъ! (Александра входитъ слѣва).

Карено. (Показывая на Ервена). Укажите этому господину, гдѣ дверь.

Александра. (Смѣется). Эта—или...

Ервенъ. (Идетъ къ задней двери). Это былъ послѣдній разъ...

Карено. (Быстрыми шагами идетъ за нимъ). Да, да. Въ послѣдній разъ. (Ервенъ толкаетъ дверь и выходитъ. Тамъ видны фр. Карено и фр. Ховиндъ. Александра ускальзываетъ налѣво).

Карено. (Зоветъ черезъ дверь). Элина.

Фр. Карено. Что?

Карено. Разъ ты тамъ, то будь добра выпустить этого господина. (Закрываетъ дверь; обращается къ Віуму). Видали вы такихъ сумасшедшихъ?

Віумъ. Это профессоръ Ервенъ, если я не ошибаюсь.

Карено. Да. Онъ... Внѣ всякихъ границъ, что этотъ господинъ... Вы хотите меня рисовать?

Віумъ. Да.

Карено. (Смотритъ на часы). Тогда начинайте. У меня немного времени. Мнѣ надо стоять или сѣсть?

Віумъ. Все, какъ вы сами хотите.

Карено. Тогда я сяду. (Садится у письменнаго стола). Вамъ сколько времени нужно?

Віумъ. (Рисуя). Почти нисколько; я это сдѣлаю въ два штриха.

Карено. Вы совсѣмъ еще молоды; а я все-таки знаю ваше имя.

Віумъ. Вы молодежь знаете, господинъ Карено.

Карено. Да, это такъ. Молодежь стоитъ и всегда стояла ко мнѣ близко. Вы это знали?

Віумъ. Я съ самага дѣтства только и слышалъ это объ васъ.

Карено. (Польщенный). Молодежь, то, что дѣйствительно называется молодежью, это моя любовь. И сердца теплыя, и головы хорошія, и искусство новое.

Віумъ. Да, и новое искусство.

Карено. Только не пачкотня ради денегъ... Скажите, что онъ собственно говорилъ? Вы слышали, что говорилъ этотъ человѣкъ?

Віумъ. Профессоръ? Онъ говорилъ о дняхъ вашей старости и о закатѣ вашемъ.

Карено. (Встаетъ). Такъ. Что мнѣ было отвѣчать на это? Вы слушаете сейчасъ мои рѣчи, какъ старческую болтовню?

Віумъ. (Смѣется). Но вѣдь вы поставили его на свое мѣсто нѣсколькими мѣткими словами.

Карено. (Ходить). Человѣкъ становится старикомъ съ того дня, какъ онъ начинаетъ засыпать за столомъ. Съ того дня, какъ онъ надѣваетъ халатъ. Это похоже на меня?

Віумъ. Я не могу какъ слѣдуетъ рисовать, если вы...

Карено. Виновать. (Опять садится). Человѣкъ становится старымъ съ того дня, когда онъ теряетъ способность развиваться дальше, когда онъ перестаетъ испытывать какія-либо перемѣны. Тогда человѣкъ старѣет... Вотъ вы художникъ, модернистъ; понимаютъ васъ люди?

Віумъ. (Рисуетъ). Ахъ, конечно, очень мало. Я былъ на собраніи правыхъ и кое-кого зарисовалъ; но не нашлось ни одного, кто бы остался доволенъ своимъ портретомъ. То же самое съ моей картиной; никто не хочетъ покупать.

Карено. Да? Это картина въ стилѣ модернъ? Новое искусство?

Віумъ. Да. Но я все-таки ее продамъ.

Карено. Такъ; они не хотятъ даже поддерживать молодежи, эти господа. Ваша картина ландшафтъ?

Віумъ. Да, отчасти. На фонѣ ландшафта лежитъ молодая женщина.

Карено. Принесите мнѣ. Я покупаю эту картину.

Віумъ. Благодарю.

Карено. Будьте спокойны. Я покупаю картину.

Віумъ. Считаю особенно высокой честью, что именно вы покупаете.

Карено. Я переговорю съ женой, чтобы она приготовила деньги, пока вы вернетесь. Большая эта картина?

Віумъ. Да, довольно большая.

Карено. Виновать, я коснусь одного пункта: тысяча кронъ васъ удовлетворяетъ?

Віумъ. Для выставки я назначилъ восемьсотъ. Поэтому я буду вамъ чрезвычайно благодаренъ за восемьсотъ.

Карено. Будемъ считать тысячу. У меня тутъ есть кое-что въ домѣ. Вездѣ наука и искусство. (Звонятъ).

Карено. Можетъ быть, хотите стаканъ вина?

Віумъ. Благодарю васъ очень, но я не употребляю вовсе алкоголя. (Смѣется). Нужно же отъ чего-нибудь воздерживаться, вотъ и наложилъ запретъ на пьянство.

Карено. Вы женаты?

Віумъ. Да, какъ же. Шестеро дѣтей. (Смѣется). Да, это раньше всего бываетъ.

Карено. (Смѣется). Дѣти, да.

Віумъ. Нѣтъ, женитьба, я думаю.

Карено. А-а. Скажите мнѣ, что вы на самомъ дѣлѣ думаете. Съ вами, художниками, одно удовольствіе разговаривать. У васъ всегда есть про запасъ два-три сочныхъ штриха. Вѣрите ли, раньше это меня даже огорчало,—но теперь это пришло. Въ пятьдесятъ лѣтъ.

Віумъ. Мы, сѣверяне, объ этомъ меньше всего горюемъ. Оттого и высыхаемъ такъ скоро.

Карено. Но посмотрите на меня. Теперь это пришло ко мнѣ. Знаете ли, что я ночью всегда мечтаю. Да, да—теперь это у меня въ каждомъ суставѣ.

Александра. (Слѣва съ карточкой). Просили передать вамъ.

Карено. (Беретъ карточку; встаетъ). Министръ культуры? Лично?

Александра. Да, этотъ господинъ тамъ стоитъ.

Карено. Просите его сюда. (Александра уходитъ налѣво).

Віумъ. Я долженъ уйти?
Карено. (Неувѣренно). Уйти? (Рѣшительно). Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ. (Садится). Я не показываю молодежи на дверь, когда ко мнѣ приходитъ членъ Совѣта.
Віумъ. Да, ничего подобнаго я никогда не слышалъ о васъ.
Карено. Ничего подобнаго вы обо мнѣ не слышали, да? Такъ, такъ. Нѣтъ, я не такого сорта... Все-таки у меня нѣтъ времени долго разговаривать съ этимъ господиномъ. (Александра открываетъ заднюю дверь и, впустивъ министра культуры, закрываетъ ее).
Министръ к. (Кланяется). Добрый день.
Карено. (Мѣрно встаетъ, идетъ къ нему навстрѣчу, указываетъ на стулъ). Прошу васъ.
Министръ к. (Смотритъ на Віума). Я хотѣлъ бы немного поговорить съ вами.
Карено. Прошу васъ. Молодой художникъ не можетъ уйти, пока его рисунокъ не будетъ готовъ. И мнѣ черезъ полчаса надо уходить. (Смотритъ на часы).
Министръ к. (Очень вѣжливо). Не беспокойтесь. Сидите, пожалуйста, господинъ Карено. (Садится).
Карено. (Садится какъ раньше). Господинъ членъ Совѣта достаиваетъ меня визитомъ.
Министръ к. Я пріѣхалъ къ вамъ на двѣ минуты. (Кладетъ шляпу). Хотя съ удовольствіемъ остался бы и дольше. Вѣдь здѣсь поистинѣ великолѣпно. (Оглядывается).
Карено. Еще не все въ порядкѣ. Мои книги еще не разставлены.
Министръ к. Я не разъ собирался къ вамъ заѣхать; но до сихъ поръ все не удавалось.
Карено. Я тоже почту долгомъ отдать визитъ господину члену Совѣта. И между прочимъ поблагодарить за стипендію.

Министръ к. Я отлично понимаю, что вы чувствовали себя непріятно въ продолженіе этого дѣла, господинъ Карено. И будь все въ моей власти, навѣрно не такъ бы кончилось.
Карено. Нѣтъ, конечно.
Министръ к. Но что я могъ сдѣлать? Противъ васъ были настроены... Впрочемъ, что собственно говоря значить для васъ стипендія?
Карено. Къ счастью я не нуждаюсь въ ней. Но не въ томъ дѣло.
Министръ к. Да, да, я понимаю, я понимаю. Васъ, конечно, нельзя смѣшивать въ одну кучу съ другими просителями. Гм. Въ городѣ ходятъ слухи, что вы по случаю выборовъ выходите изъ „Горы“? Вѣроятно, это только ни на чемъ не основанные слухи, а? (Смѣется).
Карено. У меня есть такія мысли.
Министръ к. Гм., но это ни къ чему не приведетъ. Я такъ думаю. Но тѣмъ не менѣе я охотно услышалъ бы это изъ вашихъ устъ. Къ вашему клубу правительство отнюдь не равнодушно.
Карено. Въ какомъ смыслѣ?
Министръ к. Въ смыслѣ исхода выборовъ. Съ голосами „Горы“ этотъ городъ нашъ. И съ этимъ городомъ правительство получаетъ большинство.
Карено. (Смотритъ на часы). Вы скоро готовы, господинъ Віумъ? Я до шести часовъ долженъ еще быть на одномъ собраніи.
Віумъ. (Съ жаромъ рисуя). Мнѣ нужно еще двѣ-три минуты.
Министръ к. Итакъ, значить, ничего не выйдетъ изъ вашихъ намѣреній уйти?
Карено. Нѣтъ, вы еще не можете констатировать это, господинъ членъ Совѣта.

Министръ к. Нѣтъ? Ну, само собой разумѣется, я не хочу оказывать на васъ давленія; вѣдь у васъ должны быть свои основанія. Но все-таки я долженъ вамъ сказать, что я крайне неохотно бы увидѣлъ, какъ вы переходите въ лагерь стариковъ. Вы, такъ долго стоявшій на своемъ посту. Я выражаю только свое личное чувство.

Карено. (Смѣется). По вашему мнѣнію, я долженъ оставаться тамъ, гдѣ я есть. Даже, если бы это противорѣчило моимъ лучшимъ убѣжденіямъ.

Министръ к. (Испуганный). Нѣтъ, это конечно нѣтъ. Какъ вы можете такъ думать! Если то, что рѣшится сегодня въ шесть часовъ на собраніи, есть дѣло убѣжденія, то это совсѣмъ другой вопросъ.

Карено. Совершенно вѣрно, рѣшается это.

Министръ к. Сегодня, въ шесть часовъ?

Карено. Да, до шести часовъ. До начала засѣданія.

Министръ к. (Качаетъ головой въ раздумьѣ). Все-таки такъ... Я такъ привыкъ къ представленію о вашей непреклонности, что теперь меня мучительно интересуетъ, какъ вы относитесь къ другой сторонѣ дѣла. (Довѣрчиво). Неужели вы вправду, господинъ Карено, въ глубинѣ своего сердца вѣрите, что ошибались пятьдесятъ лѣтъ—и вотъ теперь, на пятьдесятъ первомъ году нашли свою настоящую дорогу?

Карено. Ея, быть можетъ, никогда мнѣ не найти. Я только ищу ее неустанно.

Министръ к. Но можете ли вы тогда отказываться отъ всего, что имѣете, раньше, чѣмъ увидите все совершенно ясно? Простите, я говорю такъ единственно изъ дружбы къ вамъ.

Карено. Я еще не отказываюсь. Но это можетъ случиться. Всякій долженъ слѣдовать своимъ убѣжденіямъ.

Министръ к. Да, но и не разрушать ничего насильно.

Дайте себѣ время, хоть двѣ недѣли.

Карено. До выборовъ, да.

Министръ к. Нельзя же такъ обманываться въ себѣ самомъ. Лучше подождать, чѣмъ узнать слишкомъ поздно, какъ это обыкновенно бываетъ.

Карено. (Нетерпѣливо). Если я останусь тамъ, гдѣ я теперь, это будетъ измѣной моимъ убѣжденіямъ.

Министръ к. (Все спокойно; усмѣхаясь). Ну, измѣны разныя бываютъ. Философски и исторически образованному человѣку, каковы вы есть, конечно, не нужно напоминать, что каждый шагъ впередъ, каждый свободный шагъ есть плодъ „измѣны“, измѣны старому, отжившему. (Пауза. Карено мгновеніе смотритъ пристально на него, потомъ раздражается смѣхомъ). Конечно, вы можете смѣяться надо мной; я сказалъ нѣчто затасканное, всѣмъ извѣстное... Но не кажется ли вамъ самому—откровенно говоря—нѣсколько страннымъ что вы ставите себя въ ложное положеніе? Вѣдь если вы оставляете теперь своихъ сторонниковъ,—вы молодежь оставляете?

Карено. (Коротко). Я не оставляю молодежи.

Министръ к. Вы были среди насъ свѣжимъ, молодымъ элементомъ. Теперь это должно исчезнуть.

Карено. Я не оставляю молодежи, повторяю вамъ. (Указываетъ на Віума). Вотъ спросите этого молодого художника. Еще не прошло десяти минутъ, какъ я купилъ у него картину.

Министръ к. Это очень хорошо, но...

Карено. Кстати, я скажу сейчасъ женѣ относительно денегъ. (Встаетъ и идетъ къ правой двери). Вѣдь еще есть время? (Возвращается и смотритъ на часы). Вы извините меня. (Уходитъ. Віумъ рисуетъ).

Министръ к. (Встаетъ и разсматриваетъ картины на стѣнахъ, подходитъ къ полкамъ у стола). Интересно

посмотрѣть на письменный столъ такого ученаго. (Незамѣтно отодвигаетъ стрѣлку часовъ назадъ). Исписанные, перемаранные листы бумаги. (Поворачивается и идетъ къ Віуму. Смотритъ на его рисунокъ). Э, уже готово, такъ скоро?

Віумъ. Скоро нельзя работать, если позируютъ безпокойно.

Министръ к. Конечно; я также буду вамъ позировать.

Віумъ. Очень радъ, если это доставитъ удовольствіе господину члену Совѣта.

Министръ к. Нѣтъ, знаете, это удивительно. Однако, вы, кажется, тоже изъ модернистовъ, насколько я понимаю; не правда ли?

Віумъ. (Смѣясь). Да, къ сожалѣнію; долженъ въ этомъ признаться.

Министръ к. Мы начнемъ на ближайшей же недѣлѣ. (Смѣется тихо). Это отличная штука.

Карено. (Выходитъ справа съ пачкой кредитокъ въ рукѣ). Такъ; вотъ тутъ какъ разъ много денегъ. (Прячетъ кредитки въ боковой карманъ). Вы готовы?

Віумъ. Еще одну минуту, прошу васъ.

Карено. (Садится какъ раньше; смотритъ на часы). Нѣтъ, какъ такъ! (Встаетъ и смотритъ пристально). Еще не поздно?

Министръ к. (Идя обратно къ своему стулу). Это истиннѣ великолѣпный портретъ вашъ, господинъ Карено.

Карено. Я хотѣлъ бы знать, который часъ.

Віумъ. У меня нѣтъ часовъ.

Министръ к. Мои, къ сожалѣнію, стоятъ. (Подходитъ и смотритъ на часы). Должно быть около этого. (Идетъ обратно къ своему стулу и садится).

Карено. (Віуму). Ну, значить есть время. Вы можете тамъ не спѣшить. (Садится, какъ раньше).

Министръ к. Я думалъ о вашемъ союзѣ, господинъ Карено. Онъ былъ уже у насъ, какъ нѣкоторое учрежденіе; теперь этого не будетъ.

Карено. Нѣтъ, конечно. Впрочемъ, господинъ членъ Совѣта, одна просьба. Мнѣ такъ много говорятъ объ этомъ союзѣ, что у меня голова трещить.

Министръ к. Я понимаю. (Встаетъ и беретъ свою шляпу). Я васъ потревожилъ; простите, пожалуйста... А между тѣмъ я хотѣлъ вамъ многое сказать, господинъ Карено. (Приближаясь). Если вы отложили бы свой выходъ еще хотя бы на двѣ недѣли, то этимъ бы вы оказали министерству и всей странѣ такую услугу, которая бы не могла остаться безъ награды.

Карено. (Смотритъ на него пристально). Вы повергаете меня въ изумленіе, господинъ членъ Совѣта.

Министръ к. Подумайте объ этомъ. Правительство васъ не забывало, въ этомъ вы можете быть увѣрены. Стипендія имѣетъ значеніе для начинающихъ, но не для такихъ крупныхъ самостоятельныхъ людей науки, какъ вы. Если правительство получитъ большинство на выборахъ, то вы можете приобрести личную доцентуру. И тогда вы будете профессоромъ, какъ только захотите.

Карено. (Озирается; вскакиваетъ). Нѣтъ, что сегодня сдѣлалось съ людьми!

Министръ к. Собственно, это признаніе уже давно имѣлось въ виду для васъ; и вотъ теперь наконецъ оно стоитъ на программѣ дня. Однако, я не хочу васъ больше задерживать. (Протягиваетъ ему руку). Желаю вамъ всего хорошаго.

Карено. Всего хорошаго.

Министръ к. Итакъ на ближайшей недѣлѣ, господинъ Віумъ. (Уходитъ въ заднюю дверь).

Віумъ. Вы можете больше не сидѣть. Такъ, вѣдь. (Поды-
маетъ рисунокъ сверху).

Карено. (Отстраняя). Да, такъ. Хорошо. Очень хорошо;
превосходно. (Идетъ внезапно къ стулу министра и
опрокинувъ его за ножки подымаетъ вверхъ). Я вы-
тряхнулъ тебя, стулъ; освободилъ тебя. Такъ. (Са-
дится опять). Сегодня всѣ люди сошли съ ума? (Обра-
щается къ Віуму). Вы сказали, что уже готово?

Віумъ. (Онъ кладетъ рисунокъ въ папку). Да, я уже все
сдѣлалъ, что могъ.

Фр. Карено. (Справа; увидѣвъ Віума). Ахъ простите.

Карено. Итакъ, вы принесете свою картину, правда? Моя
жена и я, мы хотимъ покровительствовать вашему
искусству. До свиданья. (Віумъ, кланяясь, съ папкой
подъ мышкой, уходитъ въ заднюю дверь).

Фр. Карено. Ты не будешь на собраніи?

Карено. Я иду сейчасъ... Ервень и министръ культуры
такъ задержали меня.

Фр. Карено. Чего же они хотѣли?

Карено. Купить меня. Ты не представляешь себѣ, Элина,
что я сегодня пережилъ.

Фр. Карено. Вѣдь тебѣ уже слишкомъ поздно на собраніе.

Карено. Нѣтъ, нѣтъ, я сейчасъ... Охъ, на двадцать жиз-
ней я сталъ богаче опытомъ въ такое короткое время.
(Звонять).

Фр. Карено. (Нервно). Да, такъ иди теперь и перео-
дѣнься. (Ведетъ его направо и, проводивъ, закрываетъ
дверь. Затѣмъ слѣшить къ задней двери, открываетъ
ее и слушаетъ). Впустите Бондзена, Александра.
(Протягиваетъ ему лихорадочно руку. Бондзень вхо-
дитъ). Простите за записку. Но онъ сидѣлъ тутъ и
все забылъ.

Бондзень. Это была послѣдняя минута, когда вы меня
извѣстили. Я уже отчаялся во всемъ. Гдѣ Карено?

Фр. Карено. Онъ одѣвается и хочетъ ѣхать.

Бондзень. Попросите его сейчасъ же сюда.

Фр. Карено. (Открываетъ дверь направо и зоветъ). Иваръ!
Здѣсь Бондзень. (Идетъ назадъ).

Бондзень. Я хочу вамъ сказать: тамъ у дверей ходитъ
одинъ человѣкъ.

Фр. Карено. Человѣкъ? Какой человѣкъ?

Бондзень. Таре.

Фр. Карено. Что ему надо?

Бондзень. Онъ, кажется, стоитъ на стражѣ, и весь
красный. Но Карено сейчасъ дастъ мнѣ записку, ко-
торая заставитъ его сразу поблѣднѣть. Этотъ малый
однажды оскорбилъ меня. Ха—я думаю, чортъ ѣдетъ
верхомъ на людяхъ, которые оскорбляютъ прессу!

Карено. (Справа, въ рукахъ пальто и шляпа). Добрый
день, Бондзень. Итакъ—я слѣдую вашему совѣту.

Бондзень. (Ведетъ его къ письменному столу). Пишите
же тотчасъ. Надо спѣшить.

Фр. Карено. Дай сюда. (Беретъ пальто и шляпу и кла-
детъ ихъ).

Карено. (Смотрите на часы). Еще не очень надо спѣшить.

Бондзень. (Смотритъ на свои часы). У васъ отстаютъ
на полъ-часа.

Карено. (Поспѣшно схватывается за перо). Какъ? Что же
мнѣ писать? Ловко!

Бондзень. Что вы принимаете выборы.

Карено. Да, я хочу. Пишу. (Фру Карено и Бондзень
смотрятъ на него напряженно. Карено останавливается
и ударяетъ объ столъ). Миръ двадцать лѣтъ боролся
со мной своимъ оружіемъ,—ладно, такъ возьму же и
я хоть разъ это оружіе. (Пишетъ).

Бондзень. Теперь еще подпись. Такъ, благодарю. (Бе-
ретъ бумагу). Теперь заявленіе, что вы выходите изъ
„Горы“.

Карено. (Кладетъ перо). Нѣтъ, съ этимъ можно не спѣшивать. Я хочу еще надъ этимъ подумать.

Бондезенъ. Тогда я не могу воспользоваться и этой бумагой.

Фр. Карено. Иваръ!

Карено. Ну хорошо. Довольно я блуждалъ. (Беретъ перо и пишетъ; останавливается). Его святѣйшество мѣнестръ церкви былъ тутъ; я говорилъ вамъ?

Бондезенъ. Я долженъ вамъ замѣтить, что я имѣю только десять минутъ на полученіе вашего отвѣта, не больше.

Карено. Тогда вы пришли слишкомъ поздно. (Хочетъ положить перо).

Бондезенъ. У меня еще есть пять минутъ.

Карено. (Покоренный). Да, да, да. (Пишетъ).

Бондезенъ. Такъ, благодарю. Теперь только подпись.

Карено. (Кладетъ перо). Если я это теперь подпишу, то вѣдь можно будетъ принести тогда вмѣстѣ съ моими ранними произведеніями?

Бондезенъ. Не лучше ли вамъ дать заявленіе о выходѣ вмѣстѣ съ вашей подписью?

Фр. Карено. Ты слышишь, Иваръ!

Карено. (Внезапно встаетъ). Ухъ! Вы насѣли на меня какъ два коршуна. Не можете ли вы дать мнѣ одному написать? Я принесу вамъ, Бондезенъ. (Фру Карено и Бондезенъ отходятъ. Карено пишетъ, складываетъ бумагу и несетъ Бондезену). Извольте. (Твердо). Теперь все сдѣлано. (Бросается въ кресло, закрывая лицо руками).

Бондезенъ. (Раскрываетъ бумагу). „Дружескій привѣтъ“ — вотъ что онъ написалъ.

Фр. Карено. (Поспѣшно читаетъ). „Дружескій привѣтъ“. Слишкомъ много для этой банды.

Бондезенъ. Это ничего. Вѣдь это то же самое, что го-

ворить рѣчь противъ Гамбетты... Итакъ, до-свиданья. Вы должны замѣтить, Карено, что послѣ собранія мы придемъ сюда. Вы можете тогда показаться въ окнѣ (указываетъ на переднюю), если сочтете удобнымъ.

Фр. Карено. Васъ много будетъ?

Бондезенъ. Всѣ. Все собраніе. И чтобы оказать честь Карено и его тридцати единомышленникамъ, мы приведемъ съ собой музыку. Черезъ двѣ минуты мы будемъ тутъ. До свиданья. (Уходитъ).

Фр. Карено. Слышишь Иваръ, они придутъ съ музыкой.

Карено. (Смотритъ). Онъ ушелъ?

Фр. Карено. Бондезенъ? Да.

Карено. Тогда уже все сдѣлано. Непоправимо сдѣлано.

Фр. Карено. И, какъ истинный Богъ, ты можешь только радоваться этому.

Карено. Я и радуюсь.

Фр. Карено. Вѣдь правда... Между прочимъ я думаю, что Наталія провожаетъ Ервена. Она его не отпустить.

Карено. (Встаетъ и начинаетъ ходить). Я это сдѣлалъ, да. Теперь я начинаю новую жизнь. Мои годы не мѣшаютъ мнѣ продолжать развиваться.

Фр. Карено. Но вѣдь твои годы вовсе еще не старые.

Карено. Да, конечно! Развѣ я хочу сидѣть тихо и разыгрывать старика? Обо мнѣ еще услышатъ. (Схватываетъ перо и высоко подымаетъ его). Этимъ маленькимъ стальнымъ остриемъ я буду выводить на свѣтъ человѣческія ошибки. (Бросаетъ перо и ходитъ. Звонятъ).

Фр. Карено. Это Наталія. Бьюсь объ закладъ, онъ от нея отдѣлался.

Карено. Говорятъ объ измѣнѣ, но не говорятъ объ убѣжденіяхъ и добросовѣстности. Посмотрѣть глубже, такъ измѣна служитъ развитію.

Фр. Карено. Конечно. Въ концѣ концовъ все къ лучшему.

Карено. Съ исторической точки зрѣнія измѣну надо разсматривать какъ освобожденіе и шагъ впередъ. (Таре входитъ въ заднюю дверь, съ заявленіемъ Карено въ рукахъ, блѣдный, въ шапкѣ. Останавливается въ дверяхъ).

Фр. Карено. Опять онъ...! Александра ужъ больше не докладываетъ. Но теперь я дѣйствительно... (Поспѣшно идетъ къ лѣвой двери).

Таре. Вотъ ваше заявленіе о выходѣ. Я получилъ его тамъ, у двери.

Карено. Да. Вы видите... Не хотите ли присѣсть, Таре?

Таре. Что, писали вы, нужно дѣлать съ измѣнниками? Ихъ надо убивать.

Карено. Садитесь, Таре. (Подставляетъ ему стулъ). Я объясню вамъ...

Таре. (Сжимаетъ кулаки). Что нужно дѣлать съ измѣнниками? (Со всей силой). Убивать ихъ.

Карено. Вы должны дѣлать разницу между измѣнниками и честными людьми.

Таре. (Снимаетъ шляпу и глубоко кланяется). Дружескій привѣтъ! (Тихо уходитъ въ заднюю дверь).

Фр. Карено. (Слѣва). Онъ уже ушелъ?

Карено. Да.

Фр. Карено. Подумай только, онъ самъ прорвался къ двери, хотя Александра не впускала его.

Карено. Да, онъ ушелъ. И я могу только сказать, что я радъ этому. Я слишкомъ много терпѣлъ отъ этого союза; теперь я свободенъ отъ этихъ людей.

Фр. Карено. (Слушаетъ). Мнѣ кажется, я слышу музыку.

Карено. И особенно боялся я Таре и того, какъ приметъ онъ мой выходъ. Слава Богу, теперь я свободенъ. Это удивительно, Элина, какъ легко я себя чувствую. Никакихъ упрековъ совѣсти, никакого раскаянія. Такъ не могло бы быть, если бы я совершилъ ложный

шагъ. (Слышно, какъ приближается духовая музыка; сначала слабо, потомъ все отчетливѣе).

Фр. Карено. Это они идутъ! (Открываетъ дверь направо и кричитъ). Сара.

Карено. Клянусь я высокой и святою клятвой: хочу для молодежи еще лучше работать, чѣмъ до сихъ поръ. (Схватывается за боковой карманъ). И поддерживать ее посильно.

Фр. Карено. (Гордо смѣется). Ты долженъ будешь о ней заботиться въ качествѣ министра культуры.

Карено. Да, благодареніе Господу, я имѣю теперь средства къ этому.

Фр. Карено. (Обнимая его). А я за это буду женой члена Совѣта. (Сара справа. Фру Карено къ ней). Музыка идетъ, Сара. Открой двери, чтобы слышнѣе было. (Открываетъ обѣ половинки задней двери).

Сара. Музыка идетъ къ намъ?

Фр. Карено. Да; она остановится передъ нашимъ домомъ и будетъ играть для твоего отца. Вѣдь это весело, правда? Можно отворить въ передней окна, правда, Иваръ? Оттуда ты будешь говорить рѣчь.

Карено. Ну, рѣчи я не буду говорить. Но пару словъ скажу.

Фр. Карено. Какъ ты думаешь, можемъ мы съ Сарой показаться? Или этого тебѣ не хочется?

Карено. (Медля). Я не знаю, право. (Рѣшительно). Да отчего же нѣтъ? Вся моя семья должна принять участіе.

Фр. Карено. О, благодарю, благодарю тебя, Иваръ. (Обнимаетъ Сару). Мы тоже будемъ у окна, Сара. (Звонятъ).

Фр. Карено. Ахъ, какая я нервная. (Смотритъ въ дверь).

Карено. Я спокоенъ; спокоенъ и твердъ; моя душа чиста и умиротворена.

Фр. Карено. Бондезенъ говоритъ, что ты будешь навѣрно выбранъ.

Карено. Объ этомъ я мало беспокоюсь, Элина. Нѣтъ наконецъ спокойно стало въ моей груди. Отъ этого мнѣ такъ хорошо. Я въ гавани.

Фр. Карено. По моему, это не пустякъ, что ты будешь депутатомъ, выдающимся, самымъ выдающимся въ концѣ концовъ.

Александра. (Въ задней двери). Позвольте доложить, тамъ господи... Я не знаю, какъ они себя называютъ.

Карено. Депутация?

Александра. Да, да.

Карено. Я самъ введу ихъ сюда. (Выходить въ дверь. Александра уходитъ).

Фр. Карено. (Пудрится). Когда они придутъ, ты должна присѣсть, Сара; и когда спросятъ, какъ твое имя, скажи: Сара Карено. (Мужскіе голоса въ передней).

Сара. Я не должна выйти и дать что нибудь музыкантамъ?

Фр. Карено. Нѣтъ, дитя! Это не такая музыка. (Карено, Бондезенъ, и еще нѣсколько человѣкъ входятъ съ задней двери).

Карено. Моя жена и маленькая моя дочка. Садитесь, пожалуйста, господа. (Кланяются, смотря по сторонамъ. на стѣны и на картины).

Одинъ. Маленькая дочка? Нѣтъ, это ужъ большая дочка! Какъ тебя зовутъ?

Сара. (Присѣдая). Сара Карено.

Бондезенъ. Добрый день, фру Карено. Вашъ мужъ оказалъ намъ удовольствіе и принялъ отъ насъ музыкальный номеръ.

Карено. Слишкомъ много чести для мена, господа. Я едва понимаю, какъ вы можете оказывать столько довѣрія чужому человѣку.

Бондезенъ. Человѣкъ, который надъ своими мыслями работалъ двадцать лѣтъ, заслуживаетъ довѣрія. (Музыка передъ домомъ останавливается).

Фр. Карено. Можетъ быть, выпьете, господа, по стакану вина?

Бондезенъ. Благодаримъ васъ очень, фру, но у насъ нѣтъ времени... Да, Карено, теперь выходите. Хоть къ окну, чтобъ васъ можно было видѣть. И тамъ вамъ скажутъ небольшую рѣчь; вы должны будете отвѣтить.

Карено. Я ищу, что бы мнѣ взять въ руки. Что-нибудь, на что можно положить пальцы. Ага, вотъ это годится. (Беретъ рукопись въ золотой обложкѣ и идетъ въ переднюю. Пришедшіе слѣдуютъ за нимъ).

Бондезенъ. Простите, что я сяду тутъ и буду секретаремъ. (Садится съ бумагой и карандашемъ въ кресло. Карено идетъ къ окну передней и открываетъ его. Ура и апплодисменты заглушаютъ музыку).

Фр. Карено. Идемъ, Сара. (Фру Карено и Сара показываются въ окнѣ. Снова ура и апплодисменты. Музыка смолкаетъ. Карено выслушиваетъ рѣчь. Профессоръ Ервенъ въ сопровожденіи фрѣкенъ Ховиндъ входятъ сзади).

Фр. Ховиндъ. Добрый день, Бондезенъ. Садитесь, пожалуйста, профессоръ; я сейчасъ вернусь, только положу свои вещи. (Уходитъ направо).

Ервенъ. Такъ какъ мы тутъ встрѣтились, Бондезенъ, то позволь тебя совсѣмъ коротко спросить,—почему ты собственно преслѣдуешь меня?

Бондезенъ. Ты самъ знаешь. Я стремлюсь къ тому, чтобъ наша жизнь была чистой и открытой, милостивый государь.

Ервенъ. То, что ты тамъ наслетничалъ, конечно все неправда, рѣшительно все. Я хоть сейчасъ готовъ при-сѣгнутьъ.

Бондезенъ. Лучше оставь это. Все-таки тебѣ завтра придется уплыть въ Америку.

Ервенъ. Ты намекаешь на что-нибудь опредѣленное?

Бондезенъ. Я намекаю на твои визиты вонъ туда. (Показываетъ налѣво).

Ервенъ. Ага! (Ходить; останавливается). Я не рассчитываю на то, что ты меня поймешь въ этомъ, но если я и бывалъ тамъ, то совсѣмъ по другимъ побужденіямъ, чѣмъ ты предполагаешь.

Бондезенъ. Ужъ не хотѣлъ ли ты тамъ найти семью?

Ервенъ. Отчего бы и нѣтъ?

Бондезенъ. Я не зналъ до сихъ поръ, что для того, чтобы обзавестись семьей, нужно цѣловать служанку.

Ервенъ. Ну, ужъ ты-то не нуждался въ этомъ здѣсь, въ домѣ.

Бондезенъ. На этотъ разъ ты понесешь домой корзинку отъ меня. (Поворачивается къ нему спиной).

Ервенъ. Это мы еще увидимъ. Если я приходилъ въ этотъ домъ по черной лѣстницѣ, то я имѣлъ на это чистыя и честныя основанія.

Бондезенъ. Хе-хе-хе, послушаемъ. (Аплодисменты).

Фр. Ховиндъ. (Справа). Я долго оставалась тамъ?

Ервенъ. (Подходить къ Бондезену). Ты заставляешь меня жертвовать самыми святыми и интимными тайнами. (Беретъ фрѣкенъ Ховиндъ за руку). Вотъ дама, для которой я стремился въ этотъ домъ. Вотъ она. Ради нея я пробирался по задней лѣстницѣ и разговаривалъ съ Александрой—съ той дѣвушкой. Я хотѣлъ узнать, когда она придетъ и когда уйдетъ; она должна была быть здѣсь. Спроси у нея самъ. Она невѣста моей молодости. Двадцать лѣтъ тому назадъ ее вырвали у меня изъ рукъ. Неужели у меня не было известнаго права приблизиться къ ней? И неужели было преступно воспользоваться этимъ правомъ, когда тоска меня мучила? Но ты продолжай себѣ тамъ писать и лгать въ своей газетѣ. Я перенесу.

Фр. Ховиндъ. (Бросается ему на грудь). Нѣтъ, Господи,

это правда, Карстенъ? Ты все это дѣлалъ для меня? О, я все время замѣчала, что ты ходишь за мной, но не смѣла этому вѣрить! Ахъ, любимый мой, вотъ я дождалась этой минуты. Благодарю тебя, Карстенъ, что ты не мучилъ меня дольше. Теперь ужъ никто не вывернетъ изъ твоихъ рукъ невѣсты твоей молодости.

Ервенъ. (Освобождается). Что скажешь ты теперь, Бондезенъ?

Бондезенъ. Теперь я скажу, что перехожу къ тѣмъ, которые удивляются тебѣ.

(Сильнѣйшіе аплодисменты снизу).

Фр. Карено. (Въ дверь). Тише! Тише! Иваръ будетъ говорить.

(Всѣ идутъ слушать. Бондезенъ стоя дѣлаетъ замѣтки).

Карено. Позвольте поблагодарить васъ, господа, за то довѣріе, которое вы мнѣ оказали. Клянусь вамъ и самому себѣ не обмануть его. Было время, когда я не думалъ, что зрѣлый возрастъ имѣетъ свои права; это время прошло. Я двадцать лѣтъ укрѣплялъ свой разумъ въ этомъ, я служилъ честно и правдиво своему заблужденію,—до ожесточенія служилъ я ему и не зналъ ничего, кромѣ моей вѣры, моей правды, моего триумфа. До тѣхъ поръ, пока сама жизнь не высила своего глубокаго властнаго голоса и не сказала мнѣ „Стой!“ Тогда послушался я этого голоса и сталъ снова обдумывать свои воззрѣнія. Что жъ было результатомъ? Моя твердость стала колебаться; въ моемъ мозгу появились мысли-молніи, мысли-взрывы; незамѣтно я уступилъ въ важныхъ пунктахъ, пришелъ къ другому взгляду на вещи. Развѣ я вѣчный, неизмѣняемый Богъ подъ небомъ и землею? Я только чепухѣ, который долженъ развиваться. Новое присоединяется къ старому, я не коснѣю больше въ своемъ ожесточеніи, подвергаю все изслѣдованію, одно отбра-

сываю, другое принимаю. Я не нахожу никакого противорѣчія въ томъ, что двадцать лѣтъ тому назадъ думалъ не такъ, какъ теперь; ибо мой разумъ и чувство моей отвѣтственности растутъ вмѣстѣ съ моимъ возрастомъ. (Одобреніе). Примите, господа, мою благодарность за великую честь и знаки одобренія, которыя вы мнѣ оказываете. Я хочу работать для себя и для васъ. (Подымаетъ рукопись въ золотой обложкѣ). Вотъ я вамъ показываю готовую рукопись, гдѣ изложены мои глубочайшія мысли. Она скоро будетъ издана; за ней послѣдуютъ другія. Я буду бороться за разумныя улучшенія въ нашей жизни, за гуманныя распоряженія, за постепенное развитіе. Дайте мнѣ только время, я покажу, что я могу. Я никогда васъ не покину; ибо мнѣ хорошо среди васъ, ваша точка зрѣнія становится моей, вы стали для меня гаванью, которой я въ концѣ концовъ достигъ. Послѣ долгой, бурной жизни я обрѣлъ себѣ миръ, и это благодаря вамъ; ибо вы идете впереди и указываете мнѣ путь къ тихому закату. Отнынѣ ваша вѣра—моя, и я хочу ее высоко держать и защищать и вести къ побѣдѣ. Еще разъ благодарю васъ, господа.

(Продолжительные апплодисменты).

Таре. (Сзади Карено). Обернитесь. (Карено оборачивается). Что нужно дѣлать съ измѣнниками? (Поднимаетъ пистолетъ противъ головы Карено. Фру Карено кричитъ и схватываетъ Сару. Онѣ спасаются направо. Карено отступаетъ въ томъ же направленіи). Убивать ихъ. (Спускаетъ курокъ. Слышенъ выстрѣлъ, крики, въ домѣ суматоха. Зовутъ полицію и доктора. Таре схватываютъ нѣсколько человѣкъ и увлекаютъ налѣво. Нѣкоторые спѣшатъ къ Карено. Фрѣкенъ Ховиндъ падаетъ профессору Ервену на грудь).

Ервенъ. (Освобождается грубо). Онъ его ранилъ? Карено раненъ, я спрашиваю?

Бондезенъ. Хе, это великолѣпно! Въ твоемъ сердцѣ ужъ просыпаются надежды, Ервенъ? (Уходитъ въ заднюю дверь).

Ервенъ. (Къ человѣку, который идетъ справа). Онъ вправду не раненъ?

Человѣкъ. Нѣтъ, слава Богу.

Ервенъ. Тогда я долженъ отказаться отъ этого. Тогда ужъ все бесполезно.

Фр. Ховиндъ. (Опечаленная). Что бесполезно, Карстенъ?

Ервенъ. Все мое сопротивленіе. Ибо теперь-то Карено будетъ выбранъ. Вѣдь бываетъ же такое свинское счастье! (Поникаетъ на стулъ).

(Карено входитъ слѣва. Его окружаютъ и спрашиваютъ. Почти тотчасъ за нимъ фру Карено и Сара).

Карено. Успокойтесь, успокойтесь. Я невредимъ. Онъ не попалъ.

Ервенъ. (Встаетъ). Я сдаюсь. Благодарю, Карено, молодого человѣка за его помощь; теперь ты будешь выбранъ. Поздравляю тебя.

Фр. Ховиндъ. О, какъ ты благороденъ, Карстенъ!

Бондезенъ. (Въ задней двери). Таре арестованъ. Васъ зовутъ, Карено.

(Карено выходитъ и становится опять передъ окномъ. Бурные апплодисменты. Фру Карено и Сара показываются тоже; опять апплодисменты).

Карено. Господа, я невредимъ; моя семья тоже; никто не раненъ. Мы хотимъ побѣдить такія выступленія. Въ мирѣ, спокойствіи и порядкѣ хотимъ мы предаться нашей работѣ, а въ остальномъ положиться на Всевышняго. Это главное, на чемъ я стою. Пуля, которая засѣла въ стѣнѣ моего дома, всегда будетъ напо-

минать мнѣ о моей миссии. Благодарю васъ, господа, за ваше участіе. (Кланяется).

Ервенъ. Конечно, пуля засѣла въ стѣнѣ. Такія пули всегда попадаютъ въ стѣну.

Бондезенъ. (Дѣлаетъ опять замѣтки). Ты выглядишь разочарованнымъ, Ервенъ.

Ервенъ. Я, къ сожалѣнію, безоруженъ, господинъ редакторъ. Моя плетка для собакъ лежитъ дома.

Бондезенъ. Что! Ты угрожаешь прессѣ?

Фр. Ховиндъ. (Входитъ). Что этотъ человѣкъ говоритъ тебѣ, Карстенъ?

Ервенъ. Пойдемъ, Наталія. Изъ друзей всей моей жизни ты одна осталась мнѣ вѣрной. Я не привыкъ переносить неприятности; помоги мнѣ, если можешь.

Фр. Ховиндъ. Только будь совсѣмъ спокоенъ; женская рука исцѣляетъ лучше всего. (Уходятъ оба въ заднюю дверь).

Бондезенъ. (Смотритъ имъ вслѣдъ). Такъ можетъ пустой орѣхъ сдѣлаться манной небесной.

(Апплодисменты снизу. Карено опять кланяется. Музыка снова начинается и продолжается съ ослабѣвающей силой. Чужіе уходятъ въ заднюю дверь. Віумъ входитъ съ большой завернутой картиной. Карено, фру Карено и Сара входятъ изъ передней и закрываютъ за собою дверь).

Карено. Вотъ это день сегодня!

Фр. Карено. Ты не испугался, Иваръ?

Карено. Нѣтъ. Я чувствовалъ себя въ безопасности.

Бондезенъ. Если вы до сихъ поръ не вполне еще могли рассчитывать, что васъ выберутъ, то теперь вы можете быть въ этомъ вполне увѣрены. До свиданья. Я долженъ идти въ редакцію составлять экстренный выпускъ газеты.

Карено. (Вручаетъ ему рукопись въ золотой обложкѣ).

Возьмите это съ собой. И смотрите, чтобы всѣ это читали—всѣ.

Бондезенъ. (Беретъ рукопись). Благодарю. Итакъ еще разъ всего хорошаго, Карено! (Рукопожатіе). До свиданья, фру. Я тороплюсь. (Уходитъ въ заднюю дверь. Музыка смолкаетъ).

Карено. (Віуму). Вы хотите со мной говорить?

Віумъ. Я принесъ картину. Но, можетъ быть, я пришелъ не во время?

Карено. Да, это такъ. Вы пришли совсѣмъ не во время. И потомъ я не знаю, годится ли это для нашего дома. Молодость какъ разъ дала намъ сегодня образецъ своего поведенія. Таре былъ человѣкъ, котораго я принималъ у себя.

Віумъ. Но, можетъ быть, я могу вамъ показать? (Открываетъ картину).

Фр. Карено. (Съ крикомъ). Уйдемъ, Сара! (Уходитъ направо).

Карено. Что же это за свинство? Она протягиваетъ ногу въ воздухъ.

Віумъ. Да, она показываетъ на вечернюю звѣзду, которую вы здѣсь видите. (Показываетъ).

Карено. Нѣтъ, я не хочу этого имѣть въ своемъ домѣ. Это должно изображать небо?

Віумъ. Да. Закатъ.

Карено. Скажите мнѣ одно: видали вы дѣвушку съ такими ногами? Вѣдь ихъ нѣтъ, въ нихъ нѣтъ и слѣда крѣпости и полноты. Нѣтъ, благодарю васъ за такую вещь. (Отходитъ отъ картины).

Віумъ. Я могу для васъ сдѣлать ноги нѣсколько толще.

Карено. Нѣтъ, благодарю васъ. Я отецъ семейства, и какъ таковой, несу на себѣ извѣстную отвѣтственность. Что, вы думаете, я могу показать это своей женѣ или своей маленькой дочери? Нѣтъ, смотрите

сами. Они должны бѣжать, какъ только бросятъ одинъ взглядъ на это.

Віумъ. Я думаю, вы хотите купить картину, чтобъ этимъ выразить свои симпатіи къ намъ, молодымъ. Вы оказали бы сильную поддержку моему искусству.

Карено. Молодежь пользовалась всѣми моими симпатіями; но у меня теперь открылись глаза. Одинъ молодой человекъ стрѣлялъ въ меня сегодня. Воздержите молодежь отъ подобныхъ выходокъ, и я буду ей оказывать въ дальнѣйшемъ поддержку.

Віумъ. (Закрываетъ картину; въ гнѣвѣ). Неужели я долженъ еще разъ приходить къ вамъ, чтобы вести эти развращающіе разговоры? (Идетъ къ задней двери. Фру Карено и Сара входятъ справа).

Фр. Карено. Вѣдь этого же не будетъ въ нашемъ домѣ?

Карено. Нѣтъ. (Къ Віуму). Да, вы простите, но я уже сказалъ свое рѣшеніе.

Віумъ. И вы думаете, что собьете меня этимъ съ моего пути? Я въ слѣдующей картинѣ нарисую еще тоньше ноги. (Уходитъ).

Карено. Да, вотъ. Только твердость и упорство могутъ помочь молодежи.

Фр. Карено. Ты теперь не безпокойся объ этомъ. Ты сегодня ужъ достаточно сдѣлалъ.

Карено. Да, это правда. Мы должны теперь остаться другъ съ другомъ и вести уютную жизнь. Я думаю, не надѣтъ-ли мнѣ халатъ?

Фр. Карено. Да; и я пойду за чаемъ, пока ты переодѣнешься. Онъ уже готовъ. (Уходитъ налѣво).

Сара. И потомъ ты мнѣ, можетъ быть, расскажешь сказочку?

Карено. (Надѣваетъ халатъ). Да, можетъ быть. Ты хочешь?

Сара. Да.

Карено. Я расскажу тебѣ про одного человека, которому долго приходилось трудно.

Сара. Это печальная сказка?

Карено. (Вынимаетъ кредитки изъ кармана сюртука и кладетъ къ себѣ). Нѣтъ; въ концѣ все стало хорошо.

Фр. Карено. (Слѣва входитъ съ чаемъ). Подумай, Александра тотчасъ узнала, что ты будешь депутатомъ. Она суетъ свой носъ всюду.

Карено. Дѣйствительно, служанка не должна вмѣшиваться въ дѣла управленія.

Фр. Карено. Мы ужъ ей отказали, она еще остается... Впрочемъ, она еще не знаетъ, что ты будешь также членомъ Совѣта. (Наливаетъ чай).

Сара. Папа обѣщала мнѣ рассказать сказку.

Фр. Карено. Милая, не безпокой теперь отца. (Къ Карено). Пожалуйста. (Садится).

Карено. (Садится тоже). Все-таки, Сара, садись. Что обѣщано, то нужно сдѣлать. Тебѣ будетъ сказка. (Сара садится).

Карено. Былъ одинъ человекъ, который ни передъ чѣмъ не хотѣлъ склоняться...

З А Н А В Ъ С Ъ .

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
У вратъ царства.	11
Драма жизни.	137
Закатъ.	221